

В номере:**Статья редактора**

Георгий Какуров. *Шагая в будущее*..... 3

Проза

Владимир Уланов. *Княжеский крест*..... 7

Георгий Какуров. *Краб*..... 35

Олег Цуркан. *Бушующий апрель* 41

Валерий Стрелков. *Вагон до Екатеринбурга*..... 52

Елена Шолохова. *Взвейтесь кострами*..... 60

Короткая проза

Григорий Ермолаев. *Ветра времени* 68

Гость номера

Виктор Бейко. *Как когда-то мне нравилась ты*..... 70

Поэзия

Наталья Троицкая 82

Олег Рубинштейн 84

Владимир Попович 86

Михаил Нападенский 88

Вадим Козырин 90

Татьяна Титушкина..... 92

Дебют

Татьяна Танасьева..... 94

Мария Евсюкова. *Мой лицей – самый лучший* 96

Лаб-рия сатиры

Илья Криштул. *Разговор за ужином*..... 98

Лекции по литературе

Георгий Какуров. *Что надо знать начинающему писателю* 103

Журнал «Наше поколение» основан в 1912 году.
Выпущено было 10 номеров. Выпуск возобновлен в 2009 году.

**Журнал «Наше поколение» готовится при творческом участии:
Международного сообщества писательских союзов
Союза писателей России
Московской городской организации Союза писателей России**

Учредитель

Козий Александра Петровна

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
Министерством юстиции Республики Молдова №229 от 18 февраля 2009 г.

Редколлегия:

Главный редактор

Георгий КАЮРОВ

Редактор интернет-журнала

Виктор ХАНТЯ

Главный бухгалтер

Ольга ДОДУЛ

Редакционный совет номера

**Николай Переяслов, Михаил Попов, Владимир Силкин, Ольга Бедная, Анна Кашина,
Юрий Харламов, Сергей Власов, Алексей Дука, Виктор Хантя, Маргарита Сосницкая,
Матвей Левензон, Максим Замшев, Анна Малдофа, Надежда Дёмина, Иван Дуб,
Виталий Ткачев, Сергей Маслоброд, Валерий Реницэ, Игорь Хомечко, Олег Цуркан.**

Литературный редактор

Вера ДИМИТРОВА

Корректор

Светлана БРОНСКИХ

Художник-иллюстратор

Эдуард МАЙДЕНБЕРГ

Фотограф

Валерий КОРЧМАРЬ, Юрий ГЕРАЩЕНКО

Дизайн

**Издательский Центр «Наследие», Александр Сава, Ольга Дерезинская,
Александр Зингалюк**

Вёрстка

Вячеслав ЗАДЗИК

Адрес редакции: Кишинев, ул. Пушкина, 22, оф. 317

E-mail: nashepokolenie@pisem.net

www.nashepokolenie.com

Перепечатка материалов без разрешения редакции «Нашего поколения» запрещена.
Присланные рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать
в переговоры и переписку по их поводу, а только извещает авторов о своём решении.

Георгий КАЮРОВ

Шагая в будущее

Дорогие друзья!

Мы с вами прошли пятилетний юбилей. Журнал вселил веру в то, что не всё потеряно в нашем обществе. Регулярный выход нашего издания показало, – общество не согласно потерять человеческое лицо и отдаться только сытому существованию. «Не хлебом единым сыт человек». Люди преклонного возраста и даже молодёжь нашли в журнале собеседника, товарища, наставника. Любой человек, который пожелал попробовать себя в литературном творчестве, смог напечататься в журнале «Наше поколение» и побороться за своего читателя. Журнал «поставил на крыло» десятки молодых авторов, вывел в большую литературу Республики Молдова и мира замечательные имена – Олег Цуркан, Виктор Хантя, Татьяна Титушкина, Максим Солодкий, Дмитрий Унгуриян, Юрий Иванов и многие-многие другие.

Литературные и творческие проекты журнала поддержало и государство – это совместное участие в литературных вечерах и конкурсах, встречах и подготовке ежегодной программы «Автор года». При поддержке Главного управления молодёжи и спорта г. Кишинёва появились новые премии «Учитель года» и «Лицей года», а Национальная библиотека стала инициатором премии «Библиотека года». По-настоящему дружескую поддержку оказывают журналу «Почта Молдовы» и «Молдпресса». Постоянные наши партнёры – компании «Сибирь S7», «Orange» и «DAAC-Hermes», сделали выход журнала регулярным и надёжным.

Мы входим в шестой год с удовлетворением – мы сделали своё дело знаковым. Литературный журнал «Наше поколение» – флагман русскоязычного литературного пространства Республики Молдова. Мы продолжим работать для наших читателей и единомышленников.

12 декабря в актовом зале Национальной библиотеки, по сложившейся традиции, прошла пятая номинация «Автор года».

Поприветствовать литераторов и номинантов пришла солидная творческая группа. И в этом хочется особо поблагодарить Элеонору Константиновну Константинову. Её воспитанники не первый год принимают участие в торжественной части «Автор года». В этот раз свои музыкальные номера представили солист оперного театра Виталий Чеботарь и со-

листка оперного театра Ирина Рурак (концертмейстер Наталья Лазикова).

Опять же, по сложившейся традиции, открылось торжественное награждение выступлением наших поэтов – Татьяны Титушкиной и Виктора Хантя. Артист-конферансье Иван Игнатъевич Грушецкий представил своё новое посвящение авторам и читателям журнала «Наше поколение». Один за другим артисты и исполнители выходили на сцену, чтобы поздравить номинантов премии и сделать музыкальный подарок всем собравшимся. Ученики лицея им. Василя Левски под руководством Кирилла Кириллова исполнили новогодние

Алевтина Паскарьук и Светлана Гайбу

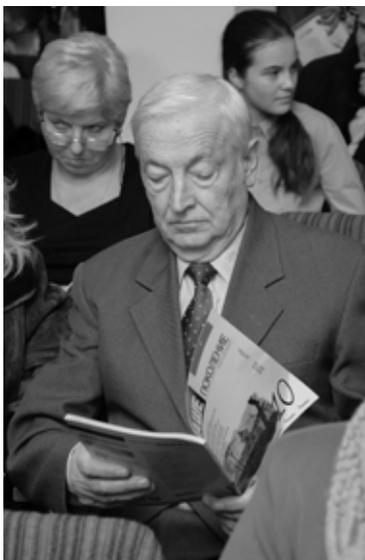
колядки, а композитор и поэт Снежана Кирпий предложила вниманию слушателей свои песни в собственной музыкальной аранжировке. Впервые принимали участие в концерте молодые исполнители – дуэт гитары и флейты – Артём Матушенко и Андрей Алейник. Наш постоянный автор и солист президентского оркестра Алексей Чигрин как всегда удивил виртуозным исполнением музыкальных пьес.

Завершая год, были подведены и итоги. Достойных работ очень много. Качество произведений растёт из года в год, и потому особо сложно выбирать. И тем не менее...

В номинации «СМИ» – советник-посланник посольства РФ в Молдове Всеволод Филипп вручил награду радиостанции «Europa Libera».

Лучшими лицом и учителем стали лицей «им. Василя Левски» и учитель школы №33 Кристина Пынзарь. Призы от Главного управления образования, молодёжи и спорта г. Кишинёва вручала главный специалист Людмила Выхристюк.

В номинации «Библиотека» – заместитель ге-

нерального директора Национальной библиотеки по вопросам информационной деятельности Алена Николаевна Мунтян представила городскую публичную библиотеку из г. Бельцы.

Лучшим в жанре переводов стал Андрей Ростовцев, который получил из рук генерального директора «Авторадио» Григория Ивановича Кушнера заветную статуэтку и диплом.

В номинации «Очерк» не обошлось без сюрпризов – обладателем этой премии стал ресторатор Николай Еленин, который и получил заслуженную награду из рук Валерия Реницэ – обладателя премии «Автор года-2012» в номинации «Проза».

Анна Гросу

Номинация «Поэзия» – порадовала – эту премию увезла на левый берег молодая поэтесса Анна Козырина. Почётный гость церемонии доктор филологии, доцент, ведущий научный сотрудник Института культурного наследия Академии наук Надежда Васильевна Кара торжественно передала обладательнице статуэтку и диплом.

В завершении церемонии оставшаяся единственной статуэтка ждала своего правообладателя в номинации «Проза». Опять же, по сложившейся традиции, эту премию вручал писатель. На награждение был приглашён постоянный автор журнала, победитель в номинации «Проза» «Автор года-2009» прозаик Олег Цуркан. Эту премию получила Наталья Гармс, которая специально приехала из Москвы. Наталья Гармс наша соотечественница, в настоящее время проживает и работает в Москве.

Среди почётных гостей присутствовал советник посольства Болгарии в Республике Молдова Валерий Николов.

2014-й объявлен «Годом культуры», и журнал будет активным участником всех культурных программ.

Читайте журнал «Наше поколение» – мы работаем для вас!

Татьяна Титушкина

Георгий Каюров, Всеволод Филипп и Юлиан Чокан

Наталья Гармс

Ансамбль лица «Васил Левски»

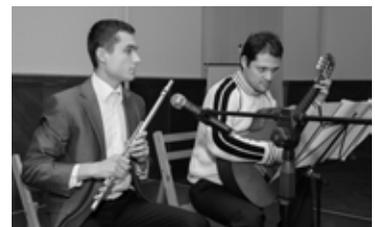
Григорий Кушнир

Николай Еленин

Алёна Мунтян

Артём Матушенко и Андрей Алейник

Алексей Чигрин

Иван Грущцкий

Виктор Хантя

Ирина Рурак

Надежда Кара и Валерий Николов

Владимир УЛАНОВ

Продолжение. Начало в №10-12.

Княжеский крест

Исторический роман

10

Через несколько дней посольство русских должно было двинуться в путь к Каракоруму. По распоряжению князя Александра пополнялись в обоз запасы пищи и лекарственных трав, в которых Алан знал толк. И это был самый подходящий момент исполнения коварного плана, который задумал Алан вместе с Бурунтаем.

Под предлогом заготовки лекарственных трав ученый лекарь решил выманить Анастасию за пределы русского лагеря, который охраняли как дружинники, так и татарские нукеры.

После обеда Алан подошел к Анастасии и сообщил:

– Нас с тобой приглашает к себе шаман, он предлагает лечебные травы и корни в обмен на золото и серебро. Давай сходим к нему и выберем все, что нам нужно в дорогу.

Женщина с радостью согласилась и попросила:

– Ты немного меня подожди, я сейчас оденусь потеплее и пойдем.

– Только ты поторопись, а то очень быстро темнеет, а нам нужно вернуться засветло, – попросил Алан, пряча глаза от женщины.

Анастасия вошла в юрту, стала одеваться, а сама подумала: «Что-то Алан ведет себя как-то странно, даже в глаза не смотрит и суетится. – Потом успокоила себя: – Наверно, устал Алан, а может, мне показалось».

Женщина быстро накинула на себя бобровую шубу, повязала на голову пуховой платок и пошла к выходу, но в это время встретилась со своим мужем Михаилом. Тот удивленно поглядел на нее и спросил:

– Куда это ты, женушка, собралась?

– Алан зовет к местному шаману, чтобы взять у него целебных трав и корней в дорогу. Ведь путь нам предстоит трудный.

– Далеко ли его юрта?

– Алан говорит, почти рядом, думаю, мы засветло управимся.

Михаил на некоторое время задумался и решительно заявил:

– Я, пожалуй, с тобой отправлю двух дружинников.

– Зачем? – удивилась женщина.

– А затем, что мне будет спокойней, и то, что возьмете у шамана, они помогут донести.

Анастасия и Алан в сопровождении двух дружинников отправились к шаману. Действительно, его жилище находилось не так далеко от лагеря русского посольства. Уже на подходе к юрте Анастасия стала чувствовать себя тревожно, даже было желание вернуться назад, но Алан ее успокоил:

– Не беспокойся, вот мы уже и дошли.

У входа в юрту две меткие татарские стрелы почти одновременно впились в спины дружинников. Воины медленно осели на землю, хватая ртом воздух. Алан затолкал в юрту Анастасию, тревожно повторяя:

– Прячься, прячься, Анастасиюшка, а то они тебя погубят. А я попытаюсь сообщить Михаилу, что ты в беде, – ученый писарь помчался в сторону русского лагеря.

В юрте, куда попала женщина, стоял полумрак, посреди горел небольшой костер, вокруг которого метался в звериных шкурах татарский шаман. В руках у него был бубен, в который он ритмично стучал. Анастасия пыталась разглядеть присутствующих в юрте монголов. Но тут на ее голову набросили звериную шкуру и обвязали волосяным арканом, затем усадили на большой сундук. Женщина попыталась кричать, ей замотали голову вонючей тряпкой, с силой прижали к сундуку.

Алан бегом помчался в юрту Михаила, чтобы сообщить, что Анастасию похитили. Вбежав в жилище сотника, крикнул:

– Беда! Ох, беда, Михаил! – И в изнеможении сел на лавку.

Не ожидая ничего хорошего от сообщений ученого писаря, Михаил сразу понял: что-то случилось с Анастасией. Подскочил к Алану, затряс его за плечи, закричал:

– Говори, что случилось с Анастасией? Где она?

– Татарские воины убили твоих воинов из лука, а затем схватили твою жену и хотят снова продать ее ханам в рабство.

От этих слов Михаил выхватил из ножен меч, закричал:

– Иди, показывай, где этот шаман! Где его юрта? Я их сейчас же искрошу этим мечом, чтобы unavoidно было. – И, даже не накинув шубу на плечи, помчался выручать жену.

Алан же едва поспевал за сотником, показывая ему дорогу.

Все складывалось так, как они задумали с Бурунтаем. Коварный ученый писарь привел сотника совсем в другую юрту, где уже ожидали Михаила крепкого телосложения монгольские воины. Михаил стремительно ворвался в юрту с обнаженным мечом. Татары попытались набросить на него аркан, но эта попытка не удалась. Разъяренный воин острым мечом рассек волосяную веревку, крикнул:

– Где моя жена Анастасия?

Татары обнажили свои мечи и стали медленно подходить к Михаилу, стараясь зажать его со всех сторон.

Бурунтай стоял чуть в сторонке и командовал:

– Не вздумайте его убить или ранить. Он мне нужен живым.

Сотник, узнав своего старого хозяина, процедил сквозь зубы:

– Так это ты все устроил! Захотел снова стать моим хозяином. Не бывать этому! – И стремительно стал пробиваться к Бурунтаю, разя на своем пути похитителей. От ловких ударов мечом опытного воина уже полегли несколько татарских нукеров.

Бурунтай не на шутку испугался за свою жизнь, побледнел и закричал:

– Бросайте быстрее на него сеть, иначе он всех нас тут погубит!

Вот уже под стремительными ударами меча Михаила полегло еще несколько воинов. Бурунтай в страхе визжал:

– Что вы там медлите, быстрее бросайте на него сеть.

А Михаил напористо наступал, отбивая удары от наступающих на него монголов. И вот уже осталось совсем немного, и он достал бы своим мечом Бурунтая. Тот прижался к стене юрты, закрывшись щитом, готовый отразить удары бесстрашного русского воина, крича:

– Велю всех казнить! Кидайте сеть!

Наконец татарские воины сумели набросить крепкую волосяную сеть на сотника. Михаил от досады рычал, пытаясь вырваться из неволи, но все было напрасно. Наконец его рука дотянулась до острого кинжала, который висел у него сбоку. Лезвием ножа он стал кромсать сеть, пытаясь вырваться из пут, но нападающие закручивали его в сеть все больше и больше. Наконец он уже не смог пошевелить ни рукой, ни ногой и, потеряв равновесие, упал, понимая, что сопротивление бесполезно.

Бурунтай медленно подошел к лежащему воину, злобно оскалится, обнажая свои крупные желтые зубы, и, наступив на грудь поверженного, торжественно произнес:

– Ты, что, думал, что обманул Бурунтая! Что убежал от Бурунтая! От Бурунтая еще никто никогда не убежал!

Михаил скрипел зубами, но ничего поделать не мог, все его тело было крепко стянуто сетью. Он с ненавистью смотрел на своего врага, который так легко заманил его в свои сети, и клял себя: «Как же я мог так глупо попасться к Бурунтаю? Ведь знал же, что он попытается вернуть меня. Надо было быть настороже, а я потерял всякую осторожность! Что теперь будет с Анастасией?».

Его бывший хозяин, довольный своей победой, присел рядом с распростертым пленником. Потребовал себе кумыса и, причмокивая, с наслаждением пил кислый напиток, рассуждая вслух:

– Ты, Мишка, не бойся, мы казнить тебя не будем за то, что ты сбежал. Хотя это ты заслуживаешь. Теперь ты опять будешь у меня ковать оружие. Только ходить будешь в колодках и снимать их с тебя никогда не будут. Опять меня все будут уважать и просить, чтобы я им за золото продал булатные кинжалы и мечи.

В ответ пленник плюнул в сторону Бурунтая, процедил сквозь зубы:

– Напрасно ты, Бурунтай, меня схватил. Не буду я больше тебе ковать оружие!

Усмехнувшись, татарин жестко сказал:

– А тогда велю тебя и твою жену казнить за неповиновение, тебе ломают хребет.

– Пусть ломают, казнят, я все вынесу, но работать на тебя более не стану. Зря ты, Бурунтай, все это затеял.

Монгол соскочил на ноги, выхватил плетень и стал охаживать Михаила, крича, переходя на визг:

– Будешь работать! Будешь работать!

Пленник, принимая удары, только скрипел зубами от боли.

Наконец Бурунтай, прекратив избивать сотника, позвал воинов и строго наказал им:

– Сбросить этого шакала в яму и пока не давать ему ни еды, ни воды, пусть там посидит, может, и одумается. Да смотрите, не повредите, а то головы сниму. Он мне нужен.

Татарские воины волоком потащили пленника из юрты. Тащили недолго, видимо, яма была недалеко. Когда подтащили к краю, остановились, переводя дух. Затем один из монголов сказал:

– Давай побыстрее бросим его в яму.

– А вдруг он, падая, голову себе свернет? Тогда Бурунтай нам хребты переломает. Если он сказал, как сделать, лучше выполнить, а то не миновать беды. Лучше подсуну под него наши арканы, а затем спустим его в яму, – ответил другой.

Татары быстро подсунули под тело волосяные веревки и не спеша спустили на дно Михаила. Сверху закрыли шкурами и удалились.

* * *

На следующий день князь Александр узнал от переводчика Борислава, что сотник Михаил и его жена Анастасия исчезли. Он вначале не поверил и послал Борислава еще раз обойти все юрты с надеждой, что все-таки его самые преданные люди находятся в лагере.

Уже через некоторое время переводчик явился к Невскому вместе с Аланом и сообщил:

– Александр Ярославич, обошли с Аланом все наши юрты и шатры, но их не нашли. Может, их похитили? Последнее время Михаил Романович был чем-то встревожен. Возможно, его узнал прежний хозяин, у которого он был в рабстве. Я вчера видел, – и, указав на Алана, продолжил: – как он вместе с сотником спешно куда-то пошли в юртовский город.

Князь испытующе посмотрел на ученого писаря и спросил:

– Так где ж Михаил? Где вы с ним расстались?

– Мы расстались с ним у юрты шамана.

Александр с удивлением поднял бровь, поинтересовался:

– Интересно, зачем это он пошел к шаману?

Алан опустил глаза, но ответил уверенным голосом:

– Анастасия просила меня сводить к местному шаману, чтобы заготовить в дорогу травы и кореньями, а Михаил, узнав про это, пошел за ней с двумя дружинниками. Видя все это, я не стал их ждать и вернулся в свою юрту, надеясь, что они уже и без меня обойдутся. Я посчитал, что они и без меня вернуться назад.

Выслушав Алана, Невский разгневанно сказал:

– Сколько раз я всем говорил, что из расположения нашего лагеря без сопровождения воинов никому не выходить и обязательно сообщать, куда и зачем идете.

Алан, пряча глаза от пристального взгляда князя, ответил:

– Так он же и пошел в сопровождении двух дружинников, да и он сам прекрасный воин. Я и подумал: что им может угрожать?

Князь на некоторое время задумался, потом заговорил:

– А ведь Михаил мне говорил, что монгольский сотник его якобы узнал, и очень боялся за Анастасию. Тогда я не придавал этому особого значения. А тут вот как повернулось. Хотел завтра двинуться на Каракорум, да, наверно, не придется. Надо Михаила с Анастасией выручать. – И тут же попросил Борислава: – Иди и сообщи дружинникам, чтобы расположение наших юрт и шатров наши воины взяли под плотную охрану. В наш городок никого не запускать и не выпускать. А я буду собираться к хану Батыю. Без него мы тут ничего не сможем сделать.

Князь встал, походил по просторной юрте и обратился к слуге Еремею:

– Скажи остальным слугам, пусть готовят в небольшом сундучке дорогие подарки и рысью шубу.

* * *

С большим трудом Невскому удалось добиться вновь встречи с ханом Бату. На это пришлось Алану и Бориславу потратить почти два дня. Препятствия в основном вершились со стороны придворных хана, которым пришлось дать дорогие подарки, но они все просили и просили, и это было бесконечно. Наконец потеряв терпение, Невский пригрозил им, что явится к шатру хана вместе с дружиной.

Хан Батый, узнав, что встречи с ним добивается князь Александр, распорядился немедленно привести его к себе. Этот прием был неофициальный, поэтому он встретил гостя в шатре один, сидя на ковре и попи-

вая кумыс. Как только Александр вошел в шатер, Батый жестом пригласил его присесть рядом. Внимательно вглядываясь в лицо русского щелочками раскосых глаз, в которых ходили веселые огоньки, спросил:

– Что тебя заставило, князь, так спешно вновь явиться ко мне? Мы с тобой уже обо всем договорились, и ты должен быть в пути. Что же, Искандер, произошло?

Князь, выдержав испытывающий взгляд хана, глядя ему прямо в глаза, заявил:

– Беда у нас, великий хан! Пропали двое мне верных и преданных людей – Михаил и Анастасия. Надо помочь их разыскать. И я бы хотел еще выкупить людей, которые томятся у вас в рабстве. За все это заплачу чистым золотом и драгоценностями.

Хан улыбнулся, но тут же потребовал:

– Показывай свои подарки.

Князь сделал знак, и в шатер внесли сундук с драгоценностями и рысью шубу. Невский взял шубу, накинул на плечи хана, затем открыл сундук с драгоценностями.

При виде такого богатства глаза хана расширились и загорели алчным огнем. Не отводя глаз от подарков, Батый бросил:

– Говори, Искандер, кто похитил твоих людей.

– Бурунтай.

Лицо хана стало непроницаемым. На какое-то время он задумался. Затем хлопнул три раза в ладоши. Появился придворный слуга и, упав на колени перед ханом, спросил:

– Что изволите, великий хан?

– Сейчас же найдите Бурунтая, пусть прежде всего вернет русских людей, которых похитил, а потом явится ко мне.

Слуга тут же помчался выполнять волю хана.

– Сколько еще русских ты хотел бы выкупить у нас, Искандер?

– Возьму столько, сколько отдашь.

– Хорошо, но отдам тебе только женщин, детей и ослабленных мужчин. Можешь завтра же забирать. Все равно они по дороге помрут.

– Не умрут, мы все сделаем, чтобы сохранить им жизнь, – уверенно ответил Невский.

* * *

Анастасия, оказавшись в юрте одна без Алана, какое-то время не могла понять, что же произошло.

Но когда шаман удалился из шатра и вместо него появился Бурунтай, женщина поняла, что попала в ловушку.

Она задавала себе один и тот же вопрос: «Куда же подевался Алан? Что с ним произошло? Может, его татары убили или так же, как ее, взяли в плен? И теперь никто не сообщит, где она».

Монгольский сотник, нагло улыбаясь, подошел вплотную к Анастасии, оглядел ее с ног до головы, зацокал языком и произнес:

– Хороша баба, недаром великий хан тебя держал наложницей. – И протянул грязные невымытые руки к груди женщины.

Анастасия брезгливо отстранилась и тихо сквозь зубы произнесла:

– Попробуй только тронь!

Бурунтай визгливо захохотал и еще ближе придвинулся к женщине, затем громко сказал:

– Да я с тобой сделаю все, что мне вздумается! А твой Мишка тебя не спасет. Он теперь в яме сидит. – И вновь попытался схватить женщину.

Анастасия коленом резко ударила монгола в пах.

Татарин взвыл, скорчился от боли и закричал:

– Ах ты, русская собака! Стража! Посадите ее в клетку и не давайте еды и воды.

Прошло два дня. Анастасия изнемогала от жажды. Хотелось пить, но татары воды не давали. Бурунтай нарочно велел поставить перед деревянной клеткой чашу с водой и два раза в день приходил смотреть, как от жажды мучается женщина. Пленница забилась в угол, закрыла глаза, чтобы не видеть воду, но желание пить изводило ее все больше и больше.

Уже на третий день в клетку снова вошел ее мучитель, схватил за шиворот, сорвал с нее одежды, оставив совершенно голую. Прямо в клетке повалил ее на пол. Обессиленная Анастасия уже не могла оказать хоть какое-то сопротивление. В нос ударил кислый запах нечистого тела, перемешанного с запахом конского пота и навоза.

Татарин темными от грязи руками схватил пленницу за груди и в похотливой страсти зарычал, пуская слюну на лицо женщины. В это время в клетку ворвались два могучих монгольских воина, схватили за шиворот Бурунтая и потащили куда-то из юрты.

Тут же в клетку вошел Михаил, накинул шубу на плечи жены, подхватил ослабевшее тело на руки и понес в расположение лагеря русского посольства.

* * *

В юрте хана Бату на ярком персидском ковре, поджав под себя ноги, сидели царевич Мусук, хан Орду, хан Мункэ, темник Неврюй. Они маленькими глоточками смаковали кумыс и слушали ученого писаря Алана. Разговор шел о русском посольстве. Хан Батый задавал вопросы:

– Скажи, Алан, враждует ли Искандер за власть в княжествах со своими братьями?

– После смерти их отца Ярослава каждый из братьев получил свои княжества, и пока сильной вражды между ними не наблюдается. Но основными претендентами на власть на Руси являются Александр и Андрей. Они недовольны тем, что им досталось. Они хотят полной власти над всеми княжествами и поэтому поехали к тебе, великий хан, за ярлыками.

После этих слов Батый задумался, а затем сказал:

– Ты, Алан, бывалый человек, во многих странах побывал, выполняя мои поручения. А у русских ты находился больше всего. Знаешь ли ты, как они живут и ладят ли меж собой братья Александр и Андрей. Как нам поступить, чтобы меж ними была междоусобица, чтобы эти два князя не объединились и не повели за собой и других князей против нас.

Алан, преданно глядя на хана, подполз к Батыю, поцеловал полу халата, стал рассказывать:

– Я бы, великий хан, посоветовал дать им ярлыки на правление княжествами, но с хитростью. Князю Александру дать ярлык на правление киевским княжеством. Это ему поначалу даст как бы большую власть над всей Русью, но на самом деле он не будет иметь ничего, так как Киев разрушен и там даже собаки не живут. А князю Андрею дать ярлык на княжение владимирскими землями, и фактически вся власть будет в руках у него. Так как великому князю владимирскому испокон веков подчиняются все северо-западные земли Руси, тогда власть будет сосредоточена у князя Андрея. И это их, в конце концов, приведет к разногласию и разъединит. Они меж собой начнут враждовать и будут наперебой добиваться твоего расположения, великий хан. Так на Руси повелось. Княжеств мало, а князей расплодилось много. Они, чтобы добиться власти, идут войной брат на брата, отец на сына, сын на отца.

Услышав такой совет, Батый заулыбался и, щуря свои и так узкие глаза, стал потирать руки от удачного совета преданного слуги, цокая языком, а хан Орду захихикал, приговаривая:

– Кху! Кху! Ах, какой умный табиб.

В это время пола шатра откинулась, вошли два могучих воина, втащили Бурунтая и бросили его к ногам хана. Тот на четвереньках подполз к Батыю, стал целовать его сапоги, причитая:

– Прости меня, великий хан! Пощади меня!

– Ты все сделал, как я тебе велел? Вернул Искандеру его людей? – жестко спросил Бату.

– Вернул, великий хан! Все вернул!

Бату махнул рукой воинам, которые были готовы в любую минуту переломить хребет провинившемуся, чтобы они удалились.

– А теперь слушай, что я тебе повелеваю. Возьмешь сотню воинов и отвезешь грамоту великой ханше Огул-Гамиш. Ты должен в Каракорум явиться раньше Искандера, а Алан в пути немного задержит русское посольство. В дорогу пустишься сегодня же.

– Слушаю и повинуюсь, – ответил Бурунтай, еще раз поцеловал сапог хана, попятился к выходу.

11

Уже почти четыре месяца русское посольство находилось в дороге. Нелегко был путь в Каракорум. Он проходил по бесконечной пустыне, где порой многие километры не встречались жилища и тем более люди, кроме ямских станций, где можно было сменить лошадей и немного передохнуть от утомительного путешествия. Сидя в санях в татарской остроконечной шапке и волчьем полушубке, многие думы передумал Александр. Он часто вспоминал своего отца, представлял, как он ехал когда-то по этому нелегкому пути, как гибли его люди от болезней и несчастных случаев при переправах через бурные реки. Часто встречались разрушенные города и селения, запущенные поля, где стаями бродили одичавшие собаки,

волки и шакалы. Самый тяжелый путь проходил по горным ущельям, где стремительно неслись холодные быстрые реки. Преодолевая глубокие снега, видели, как срывались горные лавины, сметая все на своем пути. Многие дни двигалось посольство по каменистой бесплодной земле, не встречая людей на своем пути. Наконец на одной из ямских станций путникам сообщили, что началась монгольская земля, что скоро они достигнут имперской столицы Каракорум.

Однажды после полудня путники увидели в долине монгольскую столицу. Город был не так уж велик. И почти не укреплен. Его окружал небольшой ров, невысокий вал, а на нем плетеный палисад, обмазанный глиной.

Александр, как опытный воин, сразу же оценил никчемность укрепления города и невольно подумал: «Пожалуй, я бы со своими дружинниками, которые находятся сейчас со мной, мог бы без труда захватить этот город. Да только какой смысл. Тогда через некоторое время татары стянут сюда огромное войско и уничтожат нас, как мух. Вернее, прихлопнут, так что и мокрого места не останется».

Невский отогнал свою несостоятельную мысль и велел позвать к себе Алана, который бывал в Каракоруме неоднократно. Князь остановил свой обоз на небольшом холме, с которого город был как на ладони, вышел из саней и обратился к ученому писарю:

– Расскажи, Алан, немного о городе, коли он отсюда хорошо просматривается.

Алан стал рядом с князем и, показывая рукой, стал рассказывать:

– Город делится на две половины. Самая большая – мусульманская, здесь живут в основном купцы и ремесленники, там же располагаются и базары. А вон там, где голубые купола с полумесяцами, – это их мечети, по-вашему, церкви. А недалеко виден католический храм. – Ученый писарь развернулся и, показывая пальцем, продолжил: – А вон рядом с городскими стенами виден дворец, покрытый красной черепицей, далее невдалеке на холме возвышается священная черепаха, смотрящая на запад. У восточных ворот купцы торгуют зерном, скотом, лошадьми. Гляди, князь, вокруг города пасутся бесчисленные стада лошадей, овец, быков, верблюдов, коз. А погляди, Александр Ярославич, сколько повозок и караванов двигаются к городу. Это покоренные великим ханом народы везут подарки из золота, серебра, драгоценностей, меха и разные товары. Все хотят почтить великую ханшу.

Невский вглядывался в расположение дворцов, домов и юрт, думал: «Сколько же всякого добра свозится сюда, складывается в кучи и ждет, когда ханша пожелает принять эти подарки. А теперь и мы будем тоже томиться в очереди, ожидая, когда она соизволит с нами встретиться. И долго ли это будет?»

Алан, взглянув на князя и как бы угадав его мысли, успокоил:

– Ты, князь пресветлый, не горюй. Настраивайся на хорошее. Самое главное, Батый тебя жалует. А это очень важно, так как Огул-Гамиш к его мнению прислушивается. На этот раз в Каракоруме русское посольство ждет успех. Только нужно вам с братом Андреем сменить гордыню на покорность и помнить, что ханша прежде всего женщина. А женщины любые – хоть татарки, хоть русские или монголки – любят ласковые слова и дорогие подарки.

– Ну, насчет подарков мы, конечно, постараемся, – уже весело ответил Александр и, повернувшись к брату, подмигнул ему. – И слов ласковых наговорим, лишь бы успех в нашем деле был.

Андрей криво усмехнулся и процедил сквозь зубы:

– Была бы моя воля, я бы много ласковых слов наговорил великой ханше, да, видно, не дадут.

Не поняв двусмысленной речи князя или, скорее всего, сделав вид, что он ничего не понял, Алан сказал:

– Великая ханша очень любит, когда ей говорят красивые слова такие, как вы, багатуры.

* * *

Русское посольство в Каракоруме встретили хорошо. Придворные слуги ханши выделили просторные шатры и довольствие такое же, как у хана Бату: мясо, просо и кумыс.

В сопровождении придворных Алан отправился ко двору ханши, чтобы узнать у главного управляющего, когда императрица соизволит принять русских князей в своем шатре. Когда ученый писарь был уже у ограды ханского двора, к нему подошел восточный человек, приложил руку к сердцу, поклонился и попросил пройти за ним. Алан с удивлением спросил:

– Кому же я так срочно понадобился?

– Ты этого человека знаешь. Это нукер Бурунтай. Он ждет тебя.

Посланник подвел его к небольшому пестро разрисованному шатру и, поклонившись, пригласил, указывая на вход.

Гость смело вошел вовнутрь и заулыбался, увидев знакомых Бурунтая, Азата и католического монаха Густаво. Они уютно расположились на мягких подушках, держа в руках чаши с кумысом и о чем-то оживленно беседуя.

Когда вошел Алан, Бурунтай воскликнул:

– Вот и наш верный слуга хана Батыя. Садись рядом и рассказывай, как добрались до великого города. Все ли живы, и здоровы ли князя Александр и Андрей.

– Все живы, все здоровы, – односложно ответил ученый писарь, принимая из рук Азата чашу с кумысом.

– Я прибыл сюда на несколько дней раньше, чем вы, и успел побывать у великой ханши, вручил грамоту Огул-Гамиш от хана Батыя. Она внимательно ее прочитала и вот что велела тебе передать: чтобы ты продолжал оставаться при князе Александре, служил ему как верный пес. Наблюдал, что творится, что говорится, что предпринимается князем Искандером во время его правления на Руси. Все, что просил Бату-хан исполнить при вручении ярлыков князьям, будет ею учтено, – известил Бурунтай и, показывая на монаха, добавил: – Вот Густаво желает с тобой поговорить отдельно, с глазу на глаз.

Католик медленно встал, потуже затянул веревочный пояс и вышел из шатра, а за ним последовал Алан. Отойдя на некоторое расстояние от шатра, чтобы их разговор никто не услышал, Густаво остановился и стал поджидать ученого писаря. Тот подошел к монаху и, вопросительно посмотрев на него, спросил:

– Так что же, Густаво, у тебя ко мне за дело?

– Очень важное, – подтвердил католик. – Дело, в котором заинтересованы не только наша церковь, но и великая ханша. Ты много прожил среди русских, причем при дворе князя Александра. Хорошо изучил их нравы, знаешь их намерения. Теперь тебе необходимо остаться около князя и еще больше завоевать не только его доверие, но и придворных, чтобы мы знали все, что там у них происходит. За все это мы будем тебе хорошо платить, золотом.

Густаво засунул за пазуху руку, достал туго набитый золотом мешочек и передал собеседнику. Алан молча принял щедрую оплату, затем молвил:

– Что же я должен делать?

– Пока ничего, – улыбаясь, ответил монах.

– Тогда за что?

– Твоя работа начнется, когда ты вместе с князем вернешься на Русь.

Монах вновь достал кожаный мешочек, передал собеседнику и пояснил:

– Это очень хитрое китайское снадобье, и тебе его придется применить на деле. Когда вы вернетесь назад, надо ждать время, чтобы подсыпать из маленького мешочка порошок и выпить Александру. Он сильно занеможет. И тогда ты возьмешься его лечить, давая ему настои порошка из мешочка побольше, и князь начнет выздоравливать. После этого ты полностью войдешь в доверие к князю как верный слуга и тогда найдешь путь ко всем его тайнам.

– А не проще ли будет дать яду князю. А после его смерти все князья передерутся за власть, а нам останется только, разделяя их, властвовать, – предложил Алан.

– В том-то и вся хитрость, он Бату-хану зачем-то нужен, видимо, хочет сделать его союзником. Поэтому идти против воли хана нам нельзя, иначе у нас самих полетят головы.

– А дальше что? – озадаченно произнес ученый писарь.

– А дальше что делать, тебе скажут люди, которые явятся либо от нас, либо от великой ханши. О нашем разговоре и наших планах не должен знать никто. В случае твоей измены мы найдем тебя, где бы ты ни находился, и возмездие свершится, – строго напутствовал монах своего собеседника.

В это время из юрты вышел Бурунтай и позвал ученого писаря:

– Алан, зайди, у меня еще к тебе дело есть.

В помещении уже никого не было, и Бурунтай, усадив рядом с собой писаря, спросил:

– Мишка-то с вами?

– Он самый близкий человек князя Александра. Они с ним часто уединяются и подолгу о чем-то говорят.

– А ты не знаешь о чем?

– Нет, не знаю, князь человек скрытный, а Михаил тем более, почем зря болтать не будет.

– Ты бы как-нибудь вошел в доверие к сотнику, – посоветовал Бурунтай.

– Ага, войдешь. Он и так, по-моему, меня подозревает в чем-то, хотя обо мне ничего не знает. Но он

долго жил в Орде и все наши порядки и хитрые уловки ведает. Поэтому, втираясь к нему в доверие, еще больше накличешь на себя беду.

– Может быть, его убрать потихоньку, здесь легко это сделать.

– Я не думаю, Михаил опытный воин, и после того случая он ведет себя очень осторожно. Ходит всегда в сопровождении охраны, а жену без особой нужды никуда не отпускает.

– А мы и не будем здесь его убивать, а сделаем это, когда они будут возвращаться домой. Меткая татарская стрела может настичь где угодно: в лесу, в горах и даже в степи, – мстительно сказал Бурунтай, и в глазах его заходили злые огоньки.

Алан усмехнулся и посоветовал:

– Может, оставишь его живым, и не будем зря рисковать. Если все это прознает хан Батый, то тебя уже не пощадят и наверняка сломают хребет.

Монгольский сотник заскрипел зубами, но упрямо ответил:

– И все-таки, если он ловко попадет под мою руку хоть здесь, хоть в пути, я его убью.

Ученый писарь покачал головой и назидательно заметил:

– Ох, Бурунтай. Я бы тебе все-таки посоветовал бросить эту затею. С огнем играешь. Михаил не простой воин, и может так статься, что не ты его убьешь, а он тебя.

– Не буду я нукером, если не убью его! – снова упрямо заявил Бурунтай.

* * *

Алан, вернувшись с ханского двора, принес князьям Александру и Андрею хорошую весть, что великая ханша на следующий день готова принять русское посольство.

Хотя подарки и приношения для ханского двора давно были готовы, но все равно в лагере чувствовалось оживление и радость от того, что скоро, возможно, посольству выпадет удача возвращаться домой.

Уже неоднократно Александр придирчиво пересмотрел все дары, для Огул-Гамиш и ее придворных.

Анастасия уже подготовила одежду, в которой торжественно будут представлять Русь князья и сопровождающие их члены посольства.

Александр и Андрей находились в шатре и обсуждали предстоящую аудиенцию к великой ханше:

– Как ты думаешь, Александр, как пройдет встреча с ханшой? – явно волнуясь, спросил Андрей.

– Как сказал Алан, который был при дворе и разговаривал с привратниками ханского дворца, Огул-Гамиш к нам настроена доброжелательно. Думаю, все будет хорошо, если только ничего не изменится и не наговорят на нас что-нибудь католики. Я уже давно заметил, как они вьются вокруг ханши. Даже церковь свою здесь возвели. А русских тут гораздо больше, а вот церкви нет. Надобно бы об этом с ханшей поговорить.

Андрей пристально посмотрел на Невского и раздраженно возразил:

– Тут надо все силы приложить, чтобы ярлыки на правление нашими княжествами получить, а ты о церкви печешься.

– Это верно ты, братец, сказал, да только и об этом тоже думать надо. Влияние нашей веры должно быть здесь обязательно. Это поддержка и помощь русским, которые уже долгие годы поневоле живут в полоне, а также влияние на политику монгольских ханов, а они лояльны к любой вере, и эту возможность упускать не нужно.

12

День выдался солнечный, в воздухе стоял аромат наступающей весны. Степь вокруг Каракорума зеленела изумрудом. Но недолго ей быть такой нарядной и красивой. С наступлением жары в разгар лета трава высыхает и становится желтой, а степь выглядит пустынной и унылой. Но сегодня молодая зеленая трава украшала ее и кормила тучные табуны лошадей и стада домашних животных. В небе, распластав крылья, парили орлы, зорко выискивая добычу.

Князья Александр и Андрей с утра со всеми подарками и преподношениями в сопровождении дружины уже были у ворот ханского двора, предназначенными для послов, которые неусыпно охраняла стража, вооруженная мечами, луками и копьями. Могучие нукеры стояли как изваяния, бесстрастно разглядывая послов разных народов, которые, не доезжая до ворот на полет стрелы, слезали с коней. Ханский писарь записывал имена послов, принимая подарки, и от них зависело, скоро ли их выкрикнут, чтобы пройти к ханскому дворцу.

В этот раз великая ханша послов принимала в шатре, который мог вместить даже до несколько сот

людей. Шатер был из белой ткани с разрисованными по ней яркими замысловатыми рисунками и драконами.

Русское посольство было подчеркнуто одето в начищенные легкие нарядные латы и кольчуги, которые поблескивали и сверкали на солнце.

Князь Александр, статный и красивый, одетый в серебряные латы, с накинутым на плечи алым плащом, расшитым золотой нитью. На голове легкий конический шлем, украшенный золотой и серебряной чеканкой. В это время в душе его нарастало волнение. Он даже перед самой ответственной битвой с врагами так не волновался. Казалось, что особенного. Они идут на прием к ханше. Но от каприза монгольской женщины зависело многое, может быть, даже будущее Руси. Сегодня она могла сделать с посольством все, что угодно. Милостиво вручить им с братом бразды правления в их княжествах. Или не дать вообще ярлыка и держать их здесь год, а может, и больше, по ее желанию их могли лишить даже головы. Нужно было быть готовым ко всему. Александру нелегко дался выбор союза с татаро-монголами. Вся душа его противилась этому. Быть союзниками с татарами, которые разорили Русь, убили его отца, загнали в полон тысячи русских людей, конечно, его не радовало. Многие думают, что он как знатный полководец, победитель во многих сражениях, поведет русских против злейшего врага. Наверно, так же думают и татары. Да и сам князь, особенно после безвременной смерти отца, готов был поднять Русь на татар. Но он посоветовался с митрополитом Кириллом, который дал ему совет не торопиться разорять Русь совсем, так как у татар несметная сила, а Русь уже ослаблена, разорена погаными и междоусобицей князей. Ей не справиться с несметной силой, а можно накликать новую беду. Александр долго размышлял над словами митрополита, обдумывая свои будущие действия. Он также думал и над тем, что, может быть, напрасно отказался от помощи западников, но чутье зрелого политика ему подсказывало, что как раз здесь и заключается их коварный план погубить Русь. А сейчас, когда он проехал по бескрайней территории монгольской империи, князь отчетливо понял, что надо искать пути мирного договора, ибо эта огромная военная империя, которая существовала у татар, сотрет с лица земли Русь и поглотит ее навсегда, как уже произошло со многими народами и государствами. Он однозначно понял, что бороться сейчас с татарами – это просто геройски погибнуть, а для русских на сегодняшний день главное выжить, строить сильное государство, объединяться, наращивать свою военную мощь, прекратить междоусобицу и распри между князьями. Что сейчас как никогда русским нужен сильный и уважаемый князь, который бы мог объединить вокруг себя всех. Таким был его отец. И поэтому татары его уничтожили, чувствуя в нем силу, к которой тянулись другие князья. Кто теперь может взять бразды правления над разрозненными княжествами? Этот вопрос Александр задавал себе снова и снова. Он чувствовал в себе силы, что может повести за собой Русь. У него был опыт. Но к этому стремятся его братья и другие родственники, особенно его брат Андрей. Он так и рвется к власти, даже не скрывая этого. Но Невский заранее знал, что это дело ему не по плечу, так как горяч и может через необдуманные поступки наломать таких дров, что потом русский народ будет расхлебывать своей кровью и свободой. Что предпринять, чтобы предотвратить это, Александр еще пока не знал и решил для себя подождать и все взвесить. Сейчас они должны вместе с братом закрепить за собой правление хотя бы в своих княжествах. И как это получится, сегодняшний день покажет.

Секретарь ханши выкрикнул имена князей Александра и Андрея, и русское посольство направилось на прием к императрице.

Огул-Гамиш в этот день принимала в белом, ярко расписанном драконами огромном шатре. Перед дворцом посланцы увидели серебряное дерево, увенчанное ангелом с трубой. Дерево обвивали четыре змеи, а у подножья с оскаленными пастьями стояли четыре льва. Когда ханше требовалось питье, то по знаку виночерпиев трубил ангел, из зевов львов бежал кумыс, а из пастей змей лились рисовое пиво, вино, мед в чаши, которые виночерпий разносил присутствующим.

Войдя в шатер, русские увидели императрицу, она восседала на стоящем на помосте троне из слоновой кости. Справа, к западу от трона, сидели мужчины, слева женщины, а в южной части шатра находились родственники ханши – мужчины, а слева – женщины.

После преклонения колен и вручения даров послы садились на скамью перед тронном великой ханши. Огул-Гамиш была одета в белую одежду, расшитую золотой и серебряной нитью. Выглядела она молодо, на смуглом лице был заметен румянец, на красиво очерченных ярких губах постоянно блуждала полуулыбка, хотя она пыталась сделать лицо надменным и бесстрастным, как подобает императрице. Черные раскосые глаза излучали игривый огонек и с любопытством рассматривали послов.

На Александра Невского ханша сразу же обратила внимание и уже до конца приема почти не сводила

с него глаз. После приема к князю Александру подошел личный секретарь Огул и попросил его пройти за ним в небольшую юрту, где его уже ждала великая ханша.

Князь в растерянности спросил секретаря:

- Что, идти мне только одному? А мое посольство?
- Только одному, – бесстрастно ответил секретарь.

Андрей толкнул под бок брата, подмигнул и негромко сказал:

- Давай, братец, не теряйся.

Невский вошел в юрту и сразу же увидел Огул-Гамиш. Женщина сидела за небольшим столиком, на котором красовались серебряные кувшины с кумысом, вином, а также зеленый виноград и розовые персики. Кроме того, на золотой и серебряной посуде находились восточные яства, чаши с медами.

Ханша повелительным жестом пригласила Невского присесть за ее столик. Когда князь сел на указанное место, служанка тут же налила ему в золоченую пиалу кумыса.

Хозяйка пристально разглядывала князя, на ее капризных губах блуждала улыбка. По всему было видно, что гость ей нравится. Женщина подняла чашу с кумысом и произнесла:

- Русский багатур, испей нашего напитка, он придаст тебе силы и освежит.

Александр взял пиалу, но медлил пить, держа ее в руке, думая про себя: «Возьмет и отравит, как моего отца, отправят на тот свет вместо получения ярлыка».

Ханша, заметив замешательство князя, с улыбкой произнесла:

- Не бойся, я ведь из одного кувшина наливала. Не думай, что мы поступим, как ханша Туракина.

Она уже за свои деяния наказана.

Александр засмутился, но нашелся что ответить:

- Я не об этом думал, великая ханша.
- А о чем же тогда? – с любопытством спросила женщина.
- О том, как все-таки решится вопрос с вручением нам с братом ярлыков.
- Ханша подняла бровь и серьезно ответила:
 - Сегодня же и решим. Ярлыки вам уже заготовлены. Осталось их вручить. Но прежде всего мне хотелось с великим багатуром и русским полководцем поговорить. Узнать, как он будет выполнять свои обязанности перед нашей империей и готов ли оправдать наши пожелания служить верно великому хану.
- А в чем будет определяться наша верность? – смело спросил Невский, с любопытством, в упор глядя на Огул-Гамиш.

– Прежде всего, платить дань. Следить, чтобы ваши люди не бунтовали в княжествах против нас, не чинили зла нашим воинам и чиновникам, которые скоро начнут перепись в ваших княжествах. А если понадобится, и своих воинов предоставить для завоеваний нашими ханами других стран и народов.

- Зачем переписывать? Мы вам и без переписи будем платить дань, – возразил князь.

– Нет, так не пойдет, потому что с Руси собирать дань будут баскаки хана Батыя. Сколько они соберут дани, мы не узнаем, а когда все ваши люди будут переписаны, тогда мы свою долю получим сполна. А у ханов в улусах не будет возможности украсть часть моей дани. Мои чиновники и счетчики над этим работают и скоро к вам заявятся.

- А все-таки, может, вы нам поручите самим собирать дань и присылать вам, – настойчиво попросил князь.

Ханша уклончиво ответила:

- Может быть, может быть. Время покажет. А теперь пришло время поговорить о самом главном и приятном для вас, к чему вы так стремились.

Великая ханша хлопнула в ладоши, появилась служанка. Она жестом показала подойти к ней ближе и зашептала что-то на ухо. Та кивала головой, затем ушла в другую половину юрты. Вскоре женщина появилась, неся в руках золотой поднос, на котором лежали два свитка из телячьей кожи. Служанка поставила поднос перед ханшей. Огул-Гамиш взяла свиток, исписанный золотыми иероглифами, развернула его, прочитала про себя, шевеля губами, затем свернула и, перевязав красной лентой, протянула Александру со словами:

- Вручаю тебе ярлык на великое княжество Киевское! Будешь править всей Русью, как ранее правил твой отец. – И, загадочно улыбнувшись, взяла с подноса второй ярлык, добавила: – А это ярлык твоему брату Андрею на великое княжество Владимирское. Думаю, вы нам будете верными слугами и помощниками в сборе дани.

Александр взял врученные ханшей ярлыки, встал, низко поклонился, преклонил колени перед императрицей и торжественно произнес:

– О великая ханша, правительница многих земель и государств! Мы, слуги твои, благодарим тебя за оказанную честь и вручение нашему посольству ярлыков на правление русскими землями!

Этот ответ явно понравился Огул-Гамиш. Она заулыбалась, затем молвила:

– Я думаю, вы со своим братом будете ладить и мирно, во благо нам править врученными нами русскими землями. – И коварно улыбнулась, встала, показывая, что аудиенция закончилась.

Уже потом, уединившись в шатре, Александр стал раздумывать о встрече с ханшей: «Почему же на вручение ярлыков она пригласила только его, а брат Андрей остался в стороне? В этом заложена какая-то татарская хитрость. Наверно, создать между нами зависть, недоверие и вражду. Настораживало то, что почти всю непродолжительную встречу ханша лукаво улыбалась. Судя по этому, можно догадаться: чтобы создать между ними вражду. И, кажется, уже добилась. Ведь Андрей самолюбив, и то, что его ханша не позвала на встречу, его глубоко задело. Он уже сейчас на него волком смотрит. Даже когда получил из его рук ярлык, не стал с ним разговаривать, не проявил никакой радости. А теперь избегает его. Он ревниво отнесся к тому, что в нем ханша усмотрела более важного князя, чем его брат. Ведь признавая его великим князем всея Руси, а его брата Андрея великим князем владими́ро-суздальским, она поступила очень коварно. У него как бы власть над всей Русью, Новгородом и Киевом, следовательно, Андрей ему подчинен. Но Новгород зависит от Владимиро-суздальской земли, а потому он вассал Андрея. Так вот чему коварно улыбалась великая ханша, вручая ему ярлыки. Это дальновидное решение наверняка должно рассорить его с братом. Зная вспыльчивый характер Андрея, он в этом не сомневался. Догадается ли брат о задумке татарских ханов, по принципу – разделяй и властвуй. А если догадается, то заторопится действовать и, как всегда, наломает дров. Скорее всего, сам не догадается, так найдутся люди и все разъяснят. Ну что ж, поживем – увидим», – решил для себя Невский.

В шатер вошел сотник Михаил, но, увидев задумавшегося князя, хотел потихоньку выйти назад, чтобы не мешать.

– Михаил, подойди сюда и присядь, – показывая на лавку, попросил Александр.

Сотник сел рядом.

– Зачем пришел? – спросил князь, освобождаясь от одолевающих его дум.

– Александр Ярославич, когда в дорогу? Надоела эта татарская сторонюшка. Пора домой.

– Сейчас нас уже здесь ничего не держит. Приводите военное снаряжение в порядок, запасайтесь съестными припасами, и дня через три двинемся в родную сторонюшку.

* * *

Вот уже более месяца русское посольство было в дороге, возвращаясь из Каракорума на Родину. Прошли самый трудный путь, горные ущелья и быстрые холодные реки, через которые было нелегко переправляться.

Началась бескрайняя унылая холмистая степь, с желтой, выгоревшей на солнце травой. Посольство двигалось от ямской до ямской станции, где путников ждали сменные лошади, вода и короткий отдых. Случись бы русскому посольству самим идти, без проторенного караванного пути, едва ли бы они смогли выжить и пройти свою дорогу до конца. Везде их поджидали опасности, вот и сейчас дружинники заметили, что их преследуют конные воины. Они то появлялись вдали по несколько человек, то вдруг исчезали, то снова маячили либо впереди, либо сзади.

Михаил подъехал к возку, в котором дремал Александр, в тревоге сообщил:

– Великий князь, нас уже с самого утра преследуют какие-то люди. Они хорошо вооружены, похоже, что татары.

Князь открыл глаза и спокойно потребовал:

– Приведите моего коня.

Вскоре подвели гнедого низкорослого, резвого, оседланного монгольского жеребца. Князь вскочил на лошадь и распорядился:

– Не останавливаться и продолжать путь, делать вид, что ничего не случилось, но всем быть наготове, в случае нападения, чтобы дать достойный отпор.

Около Невского уже верхом на лошади появился брат Андрей и в тревоге спросил, указав на вновь появившихся из-за холма вооруженных людей:

– Кто это может быть? Может, ханша послала нас охранять от степняков своих воинов.

– Я не думаю, что это так. Если бы ханша послала нас кого-то сопровождать, они бы делали это открыто, а эти люди прячутся, видимо, высматривают что-то или, вернее всего, ждут подходящего момен-

та, чтобы напасть. Поэтому будьте внимательны. Всем вооружиться, надеть кольчуги, латы, взять в руки большие щиты. Степняки очень меткие стрелки, и поэтому щит у вас должен быть наготове.

– Может быть, нам осмотреться. Вон высокий холм. Надо послать туда людей, пусть оглядятся и узнают, что там, – предложил Михаил.

– Что ж, пожалуй, так и сделаем, – согласился князь.

– Я pošлю трех дружинников.

Невский приказал всем остановиться и приготовиться к бою. Дружинники в полном вооружении верхом на лошадях рассредоточились с обеих сторон каравана, ожидая разведчиков. Вскоре посланные на холм воины вернулись, гоня лошадей во весь опор. Дружинник Никита на полном скаку остановился около Невского, в тревоге сообщил:

– Великий князь, это татары. Кажется, собираются на нас напасть.

– Сколько их? – спросил князь.

– Около сотни, а может, и больше. Возможно, еще где-нибудь в засаде прячутся.

В это время из-за холма появились монгольские конники. Они лавиной неслись на русский обоз, в руках сверкали секиры.

Александр, оценив обстановку, распорядился:

– Надо сделать так, чтобы схватка состоялась подальше от обоза, иначе все возки переломают, потом ехать не на чем будет до следующей станции. Ты, Михаил, скачи со своими людьми и ударь с левого фланга, а ты, Андрей, – обратился он к брату, – ударишь с правого фланга и старайтесь взять их в кольцо, а я ударю по ним в лоб, не дам им прорваться к каравану.

Князь Александр, приподнявшись на стременах, выхватил меч из ножен, крикнул:

– Вперед, ребята!

Конники ринулись в атаку на нежданного врага. Невский врезался в самую гущу монгол. Яростно разил мечом направо и налево. Визжали кони, кричали воины, со стоном падая от страшных ран. Все смешалось. Русские и татары сплелись в один клубок. Князь Александр столкнулся с монгольским воином и в нем узнал Бурунтая. В голове роились обрывки мыслей: «Почему татарский сотник здесь оказался, кто их натравил против нас? Неужели ханша? Тогда зачем надо было нас отпускать? Уничтожить все посольство они могли бы в Каракоруме. Что-то здесь не то?».

Бурунтай во весь опор мчался на Александра, направив копьё в самое сердце. Лицо его исказилось от злобы. Но князь ловко увернулся от смертельного оружия. Сверкнул тонкий булатный меч, и голова татарина покатила под ноги коня. Дружинники, наседая со всех сторон на монголов, не щадя их, уничтожали. Русские воины, разя своим оружием врага, вкладывали всю накопившуюся ненависть за разоренную Русь, за угнанных и замученных в плену соотечественников, за погибших воинов, защищавших свой дом, свою землю.

Часть III Татарская честь

*Или злая честь татарская,
или рабство запада.*

Из летописи

1

Родина русское посольство встречала золотой осенью. Она на редкость выдалась солнечной и теплой. Стройные березки светились яркой позолотой. В перелесках краснела листва рябин с обильными ярко-оранжевыми плодами. Птицы собирались в стайки, подолгу кружили над лесом, громко чирикают, видимо, совещаясь, как им быть с наступлением холодной зимы. Голубое небо было бездонным, ярким и праздничным, а воздух напоен особым осенним ароматом свежести и запахом увядающей нарядной листвы: красной, желтой, багряной.

Осенняя непогода где-то задержалась, и от этого дороги и леса были сухие, а плотный разноцветный лиственный ковер шуршал под ногами путников и копытами лошадей. Утомленные длительным и опасным путешествием, люди радовались возвращению в свою сторонку. Многим казалось, что назад дорога была даже короче и не так трудна. А когда их путь стал пролегать по родным местам, они повеселели, даже пытались петь песни. На то она и русская душа, когда горе – поют унылые и грустные песни, а когда весело и радостно – поются и слагаются веселые слова и мелодии.

Князь Андрей тоже был в хорошем настроении. Сидя в седле, он потихоньку мурлыкал себе что-то под нос. Душевное состояние его было радостным и умиротворенным. Еще бы: поездка оказалась не

напрасной. Таких результатов он даже сам не ожидал в своих мечтах – стать великим владимирским князем, а это выходит, что вся Русь в его руках. Во время правления князя Владимира поделилась Русь на многие княжества, отданные отцом своим сыновьям. Со временем князей стало много, а княжеств мало, вот и приходилось наследникам, чтобы утвердить себя, даже завоевывать стол у своих близких родственников. Брат шел войной на брата, отец на сына. Все это привело к междоусобице между князьями и ослаблению русского государства, ставшего лакомым кусочком завоевателей. Неусыпно и внимательно следили за политикой русских князей западники, которые стремились завоевать территорию русских княжеств. А татаро-монголы хотели выкачать с Руси побольше золота, мехов, продуктов питания и многих других товаров. Им было важно, чтобы русские князья по-прежнему враждовали и всячески стремились поддерживать политику «разделяй и властвуй». Вот и на этот раз им это неплохо удалось с князьями Александром и Андреем. Уже сейчас их отношения стали напряженными. Каждый из них обдумывал свое положение. Но на протяжении всего пути при возвращении из Каракорума они об этом не говорили. Никто из них не высказывал ни радости, ни разочарования о результатах поездки.

Князь Андрей, вдыхая аромат осени, чему-то улыбался. Он был доволен собой и своим новым положением, о котором даже и не мечтал. Теперь он великий Владимирский князь. Замечтавшись, он даже не заметил, как к нему подъехал Александр и уже некоторое время едет с ним рядом стремя в стремя. Поглядев на брата, заметил, как он изменился, лицо стало уверенным и властным. Нет, ему Александр не завидовал, был как всегда спокоен. Он знал себе цену. Он лишь только боялся, что, получив власть, как бы его братец не наделал непоправимых ошибок.

– Я вижу, Андрей, у тебя сегодня хорошее настроение, – улыбаясь, заговорил Невский.

– Куда уж лучше. Мы проделали огромный путь, едем домой живы и невредимы, с ярлыками. Скоро будем дома. Почему бы не порадоваться, – улыбаясь белозубой улыбкой, спросил: – А ты разве не рад?

– Почему не рад? Даже очень рад. И за себя рад, и за тебя рад.

Андрей после длительной паузы вдруг спросил:

– Интересно, кто у нас кому будет подчиняться? Ты мне или я тебе?

– Я думаю, никто никому, главное, нужно нам жить дружно. Любить друг друга и совместно решать все наши дела. Это будет залог нашего благополучия. А если мы начнем друг перед другом кочевряжиться и доказывать, кто из нас главней, то мы будем уязвимы для всех наших врагов.

– Это ты правильно сказал, братец, – рассудительно заявил Андрей и с усмешкой спросил: – Стольный город, свой Киев, будешь восстанавливать или вернешься в Новгород?

Вопрос, заданный с усмешкой, задел Невского за живое. Это было как раз то, о чем он неотступно думал. Как ему быть? Или вернуться в Новгород, или жить в Киеве, но этот город лежал в руинах, сожженный и ограбленный татарами. Люди оттуда ушли, и там ему делать было нечего.

– Так куда, брат мой, ты сейчас путь будешь держать? – опять с усмешкой спросил князь Андрей.

– Как куда, конечно, во Владимир. Чай не выгонишь? – испытывающе глядя на Андрея, спросил брат.

– Конечно, не выгоню. Живи, сколько хочешь, – как-то нехотя ответил Андрей.

Александр посмотрел на брата, с улыбкой ответил:

– Ты, Андрей, не бойся, я тебе в твоём правлении мешать не стану. Занимай свой стол и управляй на благо Руси. Просто мне нужно осмотреться немного, отдохнуть после утомительного и опасного путешествия. Сам знаешь, родное гнездо успокаивает и лечит. Вот и я в этом нуждаюсь.

– А в Киев ты поедешь?

– Нет пока, там пребывать смысла нет. Там всего-то осталось десятка два домов, а кругом пепелище и развалины. Люди оттуда ушли, только стаи одичавших собак рыскают в поисках пищи.

– А потом что намерен делать, когда отдохнешь?

– Вернусь опять в Новгород. Там меня ждут немалые дела. Снова с севера шведы и немцы на новгородское княжество посягают, даже крепости и укрепления уже строят.

– Откуда, Александр, у тебя такие сведения, как ты это узнал? – с удивлением спросил Андрей.

– Вчера человек из Новгорода прибыл. Его послали новгородцы. Христом богом просят быстрее возвращаться и взять бразды правления по защите княжества. Как только их прижмет, так бояре, тысяцкий и посадник просят защитить их. А когда отлевет от врагов, так начинают ограничивать власть князя. Без вече ничего не решай, у посадника спроси и про бояр не забудь, то дань собрал не там. Не буду торопиться в Новгород, пусть их прижмет хорошо, тогда покладистее будут и кочевряжиться перестанут перед князем, и ограничивать мою власть. Наш отец не очень-то с ними заигрывал. Как только переставали признавать власть князя, собирался и покидал Новгород, а потом они с поклоном шли и просили его

вернуться. Так и я торопиться сильно не буду, пусть подумают, нужен ли им сильный князь.

– А может, наоборот, тебе надо поторопиться в Новгород. А вдруг враг на подходе к городу?

Невский усмехнулся и бросил:

– Если бы это было так, они бы целое посольство прислали во главе с боярами. Наверно, еще не всем приперло, видимо, еще терпимо. Вот когда свита приедет за мной, тогда это уже наверняка серьезно враг угрожает городу.

– Знать, посольство от новгородцев будешь ждать, – разочарованно констатировал Андрей.

– Посольство из Новгорода от меня никуда не денется. Оно обязательно явится. Я буду ждать другое.

– Что же ты будешь ждать, Александр, поделись, если не секрет.

– Какой уж тут секрет. Митрополита Кирилла буду ждать, когда он вернется из Никеи, тогда и отправимся в Новгород.

Андрей усмехнулся и бросил:

– Что это, братец, тебя к церковникам потянуло? – И, не дождавшись ответа, стегнул плетью коня и помчался рысью к первому возку посольского каравана.

* * *

Наконец настал день, когда посольство подъехало к Владимиру. Со стен города давно уже заметили путешественников. Отворили ворота, и горожане вышли встречать подъезжающих. Люди со слезами на глазах смотрели на князей, их слуг и дружинников, будто они вернулись с того света. Но путники выглядели бодро и весело, улыбались знакомым встречающим и ничуть не походили на мучеников. Даже лошади, почуяв конец пути, картинно выгибали шеи и резво спешили к городским воротам.

У ворот князь Александр и князь Андрей спешили, поклонились народу на три стороны. Подошли к пышногрудой румяной женщине, которая на вытянутых руках держала большой каравай с солью.

Отломили от каравае по кусочку, обмакнули в соль и с наслаждением откушали. Сразу же повеяло родным запахом и хлебом насущным, мягким и сдобным. Здесь были ароматы не только испеченного румяного каравае, а пахло родиной, великой Русью.

Александр приложил руку к сердцу и еще раз поклонился в пояс народу, сказал низким сочным голосом:

– Мои родные! Сколько раз за все проведенные года в дороге я представлял этот момент, когда вернуться и так же, как сейчас, поклонюсь вам и увижу родные русские лица.

Собравшаяся толпа горожан взорвалась криками и даже женским плачем. Не только женщины, но и мужчины вытирали на радостях набежавшую слезу. Они возбужденно кричали:

– Слава нашему князю Александру Ярославичу! Невский снова с нами! Теперь нам не страшен любой враг: ни татарин, ни железный немецкий рыцарь, ни страшные дикие литовцы.

Александр широко улыбался и кланялся народу.

Кто-то из бояр выкрикнул:

– Скажи, Александр Ярославич, дал ли вам татарский хан Батый ярлыки?

Александр поискал глазами, кто же это крикнул, и встретился с грустным взглядом Святослава Всеволодовича, ныне правящего владимирским княжеством, и рядом стоящего его друга и советчика боярина Ивана Даниловича.

Невский, обращаясь в их сторону, ответил:

– Радуйтесь, люди, ярлыки мы получили!

Толпа горожан зашлась в радостном крике:

– Слава нашим князьям Александру и Андрею!

* * *

По всему было видно, что Невский из Владимира уезжать в Новгород не торопился. Жил он, наслаждаясь покоем, не вмешиваясь ни в какие дела. Частенько со своей дружиной выезжал на охоту. Не касался и дел Андрея, который развил бурную деятельность по созданию антитатарской коалиции из русских князей.

Отношения между Александром и Андреем осложнились из-за того, что произошли между ними разногласия: быть миру с татаро-монголами или не быть, и к чему это может привести Русь. Андрей считал, что как раз самое время готовить силы для борьбы с татарами, а Александр его предупреждал о плачевных последствиях, которые ждут Русь, если она встанет на тропу войны с Ордой. Но Андрей был

непоколебим, вел переговоры со своими братьями, тверским князем Ярославом, а также между князьями Владимира, Твери и Галича. Андрей для укрепления этого союза решил жениться на дочери галицко-волинского князя Даниила Романовича.

Братья все больше и больше отдалялись друг от друга. Андрей, горячий по характеру, даже не хотел слушать разумные советы Александра. На попытку поговорить он резко отвечал:

– Что ты мне указываешь, как мне жить и как править моим княжеством. Езжай в свой Новгород. – И уже с усмешкой добавлял: – Или в свой разоренный Киев и правь, как тебе хочется.

Невский давно бы уже покинул Владимир, если бы не ожидание митрополита Кирилла. Особенно сейчас он ему был нужен как никогда.

2

Накануне свадьбы великого владимирского князя Андрея с Устиной, дочерью галицкого князя Даниила, в стольный город съехалось немало гостей. Это прежде всего братья и князя Михаил, Ярослав, Константин, Василий, их жены и многочисленные родственники.

Из всех прибывших гостей особо выделялся будущий тесть Андрея Даниил Галицкий. Мужественный воин, уже в годах, прошедший немало лишений, битв и побед, он завоевал уважение и признание среди русских князей. Несмотря на 50-летний возраст, он был крепкого телосложения, бодр и по-прежнему деятельный. Строгое лицо с коротко стриженной бородкой на первый взгляд казалось надменным и суровым. Из-под седых густых бровей на мир глядели испытывающие, искристые глаза, которые светились молодым задором. Это был неунывающий человек. В разных ситуациях, какие бы ему ни преподносила судьба, он не терял самообладания и готов был бороться с любым врагом, которых у него всегда хватало, ибо галицко-волинские княжества всегда были лакомым кусочком как для запада, так и для востока. После смерти отца, князя Галицкого и Волинского Романа, он и его брат Василько остались малолетними детьми и не смогли удержать княжескую власть. Права на княжества заявили зять Романа Михаил Черниговский и его сын Ростислав. А также на Галицкие земли стали претендовать короли Венгрии и Польши.

Даниил же в наследство получил город Владимир-Волинский. Он попробовал взять власть в Галиче, но бояре изгнали его. В итоге ему почти всю жизнь пришлось бороться за свои земли с венграми, поляками и даже русскими князьями. Даниил Романович к 1229 году завершил объединение волинских земель. А в 1223 году участвовал в сражении на реке Калке против татаро-монгол, где русские потерпели сокрушительное поражение из-за несогласованности, неорганизованности между войсками князей. В этой битве он был ранен в грудь и поэтому не попал под пиршеский стол татар, под который они согнали всех уцелевших русских.

В 1245 году, разбив войска венгров, поляков и галицких бояр, завершил почти 40-летнюю борьбу за объединение Галицко-Волинской Руси. После упорной борьбы с врагами пора бы и угомониться воинственному князю, спокойно править в своих княжествах, но не таков был Даниил.

Теперь его взор обратился на татар. Он понимал, что рано или поздно ему с ними придется встретиться на поле битвы. Подчиниться им не хотел, поэтому стал создавать коалицию, привлекая русских князей, в то же время ведя переговоры с западом о совместных действиях против татар. Особое внимание он обратил на братьев Александра и Андрея в надежде тоже привлечь их на свою сторону. С Андреем все шло гладко, тот тут же изъявил желание биться с татарами и сделать Русь независимой от востока. А вот с Александром переговоров не получалось. Князь не изъявлял желания вступить в его коалицию, был скрытен и ничего не обещал. Находясь на свадьбе, князь Галицкий питал большую надежду договориться с Невским.

После венчания молодых начался пир. Столы ломались от кушаний, яств, вин и медов. Слуги обносили присутствующих блюдами, меняя их ассортимент. Вначале всем подали супы, затем уху из рыбы, потом стали ставить на стол запеченных молодых поросят, гусей, уток, рыбу.

Для простых горожан на княжеском дворе были накрыты столы, туда выносились блюда, оставшиеся после смены блюд с княжеского стола. Тут же стояли выкаченные бочки с медами и вином, а виночерпии щедро угощали всех желающих выпить за здоровье молодых.

Князь Галицкий сидел рядом с Александром и много расспрашивал его о поездке в Орду и Каракорум. Невский с охотой рассказывал Даниилу о своем путешествии.

Наполнив кубки с вином из кувшина Александру, своему брату Васильку, сидящему рядом, и Невскому, Даниил предложил:

– Давайте выпьем, князь, за нашу дружбу и чтобы мы теперь были не только родственниками, но и

единомышленниками! За объединение Руси против всех наших врагов!

После этих слов князья выпили терпкого вина, и разговор пошел еще оживленнее. Даниил, закусив кусочком пирога с севрюгой, с усмешкой обратился к Невскому:

– Я слышал, Александр Ярославич, что ты намерен дружить с татарами и будто сам хан Батый тебя называет сыном. Правда ли это?

– Это чистая правда, Даниил Романович. Я намерен заключить союз с татарами, и как мне показалось, в этом союзе даже больше нуждается Батый.

Собеседник с удивлением поднял густую бровь и, покачав головой, бросил с недоверчивой улыбкой:

– Неужели это правда? Тогда зачем с ними заключать союз, раз они нас боятся?

– А это как посмотреть, – с загадочной улыбкой ответил князь и продолжил: – Дело не в том, что они боятся нас или не боятся, скорее всего, не боятся, так как их военная сила и боевая организованность превосходят нас во много раз. И в случае нашего неповиновения они сумеют направить ее на Русь, которую не только уничтожат, а, наверно, больше не дадут возродиться вновь. Я ведь проехал до Каракорума, а это еще только часть их империи, и видел, какая у них военная сила, и нам пока ее не сломить.

– Тогда в чем же секрет их желания с нами заключать союз, раз они такие сильные? – с еще большим удивлением спросил Галицкий.

– А в том, что Батый довольно тонкий политик и умный полководец.

– Тьфу ты! – в злобе сплюнул Даниил под стол и даже стукнул кулаком по столу, видно, крепкое вино уже ударило в голову князю, почти крикнул: – Татарин он и есть татарин! Какой он умный?

– Зря ты так думаешь, князь Даниил, это далеко не так. Побыв при дворе у хана, я многое понял, понял суть того, в чем заинтересован Батый, заключив с нами союз. Мне говорили верные люди, которые вхожи к Батыю и его приближенным, что на первых порах ему предлагали уничтожить в завоеванных землях города, поселения и людей, чтобы там были пастбища для скота. Хан от этой чудовищной затеи отказался, а, наоборот, стал привлекать правителей народов на свою сторону, чтобы, собирая дань с покоренных, кормить своих многочисленных чиновников, свой двор, себя и огромную армию. И это у него неплохо получилось. Нам бы у них многому желательно поучиться, например, чего стоит их хорошо отлаженная армия и ямская система дорог, где путник, воин или чиновник, спешащий по государственным делам, может всегда найти ночлег, пищу и смену лошадей, – возразил Невский.

Даниил молча, с кривой улыбкой слушал Александра, затем, перебив его, с раздражением заговорил:

– Да эти татары воды боятся, мыться и стирать одежду для них страшный грех, даже чтобы выпить воды, они ее разбавляют молоком. Посуду грязную ополаскивают тем же мясным бульоном, который и едят. Они такие вонючие, что даже сидеть около них тошнит. Они вместо бога поклоняются какому-то Монхэ-Тэнгри, Вечному Небу и своему обожествленному Чингису, который все знает, все видит и якобы направляет все их дела и приносит победы. Да у них даже соли и той нет! – в сердцах закончил Даниил, пододвинул к себе черную соль, обмакнул кусок мяса и с наслаждением съел, затем взял кувшин, хотел налить вина, но он оказался пустым. Князь подозвал слугу, протянул ему посуду со словами:

– Налей-ка нам, дружок, еще вина да покрепче.

* * *

Еще за несколько дней до свадьбы Михаил Романович, сотник дружины Невского, вечером присел на княжеском дворе на лавку, чтобы отдохнуть. День выдался суетливый, и от усталости гудели ноги. Ему пришлось выполнить множество поручений от князей, связанных с подготовкой свадьбы Андрея. Немного отдохнув, он уже собрался идти к своей Анастасии, как его внимание привлекла сгорбленная старуха, вся в черном. Она медленно двигалась к нему, постукивая деревянным сучковатым посохом. Поравнявшись с ним, старуха истово перекрестилась три раза. Как ни старался Михаил рассмотреть ее лицо, так и не смог: его закрывал черный платок. Кончив креститься, она зашамкала беззубым ртом:

– Славный витязь и слуга своего князя. Скоро у вас на княжеском дворе будет праздник. Последи за своим князем. Особенно какое ему будут подавать питье.

В это время Анастасия окликнула его:

– Михаил! Что же ты тут сидишь? Я уже тебя давно ожидаю. Ужин на столе простывает.

Сотник обернулся на слова жены и ответил ей:

– Иду, Анастасиюшка.

Когда он вновь повернулся к старухе, чтобы порасспросить ее поподробней, что же ее слова обозначают, она уже бесследно исчезла.

Михаил встал, растерянно заозирался, пытаясь найти старуху, но ее и след простыл.

– Что ты там ищешь? – спросила Анастасия, подходя к мужу.

– Ты старуху в черном тут не видала?

– Какую старуху? – с удивлением переспросила жена.

– Не знаю, то ли мне все это привиделось, то ли знамение какое? – И Михаил рассказал, что с ним произошло, когда он сидел на лавке.

Анастасия, не на шутку забеспокоившись, высказала предположение:

– Может, и вправду, Михаил, нашему князю серьезно угрожает опасность? Ведь неспроста тебе было видение или вправду старуха подходила. Только на таких пирах, когда царит всеобщее веселье, где очень трудно проследить, кому что подают, могут легко подлить в питье, кушанье или вино яд или какую-нибудь отраву.

– А может, мне показалось, просто сидел на лавке да незаметно задремал, вот и привиделось. Куда ж так быстро старуха девалась? – засомневался Михаил.

– Может, оно и так, но все-таки настороже надо быть. Уж больно много врагов у нашего князя. Ты бы распорядился дружинникам, чтобы во время пира проследили за виночерпиями, а я со своими женщинами поговорю, чтобы они с кухни глаз не сводили, – решительно заявила жена сотника.

Когда началась свадьба и стали разносить блюда, вина, напитки, люди Михаила и приставленные Анастасией слуги неусыпно наблюдали за столом, где с гостями сидел князь, проверяли блюда, которые им подносились. Пока все шло хорошо и ничего подозрительного никто не усмотрел, но когда Даниил Романович подозвал слугу и потребовал, чтобы им снова налили вина, все насторожились.

Слуга взял кувшин и отправился к виночерпию. Когда он поравнялся с лестницей, где не было людей, из темного угла появился человек, железной хваткой закрыл ему рот, резко ударил кинжалом под лопатку, подхватил сникшее тело и бросил его под лестницу, сбросил со своего плеча накидку и закрыл мертвое тело. Взял из рук погибшего кувшин, вытащил из своего кармана порошок и всыпал в посудину. Михаил, незаметно наблюдавший со стороны за происходящим, сзади подошел к незнакомцу, схватил его за шиворот, ударил кулаком по затылку. Тот лишился чувств. Михаил распорядился, обращаясь к рядом стоящим дружинникам:

– Быстро уберите их отсюда, да так, чтобы никто не видел, – и, указав на убийцу, попросил: – А этого закройте в подвале, я потом с ним разберусь.

Взяв злополучный кувшин, отдал рядом стоящей жене со словами:

– Иди, Анастасия, набери хорошего вина и поставь князьям, пусть веселятся, а про то, что случилось, не говори никому. Пусть люди спокойно гуляют на свадьбе и ни о чем не беспокоятся, а со злодеем я сам поговорю.

* * *

Пир продолжался и набирал все большую радость и веселье. Играли бубны и сопели, скоморохи плясали, вертелись волчком, стараясь увлечь в этот безумный танец гостей.

Анастасия на серебряном подносе поднесла князьям вино и собственноручно разлила в золоченые кубки. Невский с удивлением взглянул на Анастасию, задавая, немой вопрос:

– Что же произошло?

Анастасия молча улыбнулась князьям и удалилась со словами:

– Веселитесь, пресветлые князья.

Даниил взял в руки кубок и, обращаясь к своим собеседникам, предложил:

– Выпьем за сильную и непобедимую Русь!

Когда все выпили, князь Галицкий обратился к князю Александру с каверзным вопросом:

– А расскажи-ка нам, Александр Ярославич, как же ты умудрился стать названным сыном Батыя?

Невский улыбнулся и в свою очередь задал вопрос князю Галицкому:

– Скажи, Даниил, хан Батый зовет тебя к себе?

– Не только зовет, а еще страшает, поганый! – с возмущением ответил князь.

– Так вот, тебе, конечно, все равно придется к нему ехать, а если не поедешь, то может послать к тебе своего темника с войском, а так, конечно, много всего татары в твоём княжестве натворят. А если все-таки поедешь и поладишь с ним, он тебя тоже назовет своим сыном. Этим он подчеркивает нашу зависимость от него, что мы должны с ним советоваться, как с родным отцом, и без него никаких дел не делать.

Даниил Галицкий усмехнулся и бросил:

– Ишь ты, отец родной нашелся.

Даниил опрокинул еще кубок, крякнул, вытер усы, снова заговорил:

– Надобно нам, князья, объединяться и совместно бороться против татар, а не в сыновья к ним лезть.

– Я согласен с тобой, Даниил, надо. Но сейчас нам с ними лезть в битву еще рано. Слаба Русь, чтобы с таким мощным врагом биться. Я даже не знаю, хватит ли наших жизней, когда придет тот час, когда Русь сможет освободиться из-под татар, – рассудительно ответил Александр.

– А я хочу все-таки попробовать. Вот и западники тоже предлагают объединиться против татар, и папа римский их благословляет на крестовый поход.

– А принять католичество он тебя не благословляет и за это короновать королем в твоих же княжествах?

– Предлагает.

– Вот и мне предлагал, только я не согласился, мне и княжеской короны хватит. Но запомни, Даниил, они нас только стравить с татарами хотят, а сами из этого выгоду изыскать. Так что, вступая с ними в союз, держи ухо востро.

3

Митрополит Кирилл возвращался из Никеи, куда его отправил князь Даниил Галицкий на утверждение митрополитом русской церкви, где византийские духовные власти были вынуждены возвести его на высший церковный пост. Хотя раньше считалось, что русский митрополит должен быть обязательно греком. Теперь же они изменили эти требования к этому высшему духовному сану, так как после татаро-монгольского нашествия разоренный Киев потерял свое значение и из греков больше не находилось охотников занять место митрополита на Руси.

Когда же высокопоставленный церковный служитель Кирилл посетил Киев и увидел полное разорение когда-то процветающего города, он поначалу впал в уныние. Но когда к нему приехал посланник от Невского с грамотой, где сообщалось, что князь его ждет во Владимире и что он приглашает Кирилла посетить Новгород, у митрополита сразу же возникла идея, а не перенести ли ему свое пребывание и свою власть на север Руси. А из письма князя Александра он понял, что получит от него не только моральную и финансовую поддержку, что сейчас для него было немаловажно. Кроме того, из послания от Александра ему стало понятно, что и тот в своих деяниях ищет поддержки церкви. С князем Даниилом ему было не по пути, хотя его власть на юге Руси стремительно набирала силу, но князь все больше и больше склонялся к западу, а те в свою очередь требовали принятия католичества. Поэтому, чтобы не оказаться не у дел, Кириллу нужно было определиться, где основать ему центр русской православной церкви, и выбор его пал на Новгородского князя, а ныне великого князя всея Руси, на что у того от татар был ярлык на правление. В то время Кирилл еще разделял взгляды Даниила Галицкого и был его сторонником вооруженной борьбы с татарами, способствовал заключению антимонгольского союза между русскими князьями. А этот союз ставил одной из главных задач уговорить Невского присоединиться к ним и занять руководящее место в святом деле освобождения от татаро-монгольской чумы.

Подъезжая к Владимиру, Кирилл, видя не столь разоренные земли, радовался, что Русь существует и постепенно оправляется от разорения от нечестивого врага.

День выдался ясный, солнечный. Наступала весна. На деревьях появились молодые клейкие изумрудные листочки. Под дуновением ветра они трепетали, издавая ароматный запах свежести, и напоминали ему детство, когда весной он любил бывать в лесу, где садился на цветущей ранними весенними цветами полянке и подолгу прислушивался к пению птиц и как кукует кукушка, вдыхая весенний аромат леса. Это было прекрасное время беззаботного детства, познания мира и божественного вдохновения земной красотой.

Город Владимир встречал патриарха колокольным звоном. У ворот его ожидали князь Александр и Андрей с боярами, священнослужители и толпа горожан. Перед въездом в ворота митрополит вылез из возка и пошел к встречающему его народу. Это был уже немолодой сухощавый человек. Седеющие волосы спадали ему на плечи, аккуратную бородку и усы чуть тронула седина. Его лицо было строгим, иконописным, а голубые глаза светились умом и излучали неугасимую жизненную энергию. Широкая черная ряса была ему почти до пят. На груди висел большой серебряный крест. Кирилл, не доходя нескольких метров женщины, которая на подносе держала каравай хлеба и соль, поклонился на три стороны народу, истово троекратно перекрестился, затем осенил крестом встречающих, отломил кусочек душистого хлеба, обмакнул в соль и положил в рот. Подошли князья, по очереди первыми поцеловали

руку митрополиту. Священнослужитель приветливо им улыбнулся, молвил:

– Благословляю, сыны мои, на ратные подвиги!

Затем к руке митрополита приложились бояре, получая благословение главы русской церкви.

Вскоре князь Андрей повел Кирилла в свой княжеский дворец.

– Не устал ли, батюшка, с дороги? – поинтересовался Андрей.

– Устал, великий князь Андрей Ярославич, – откровенно признался митрополит и добавил: – Эх, после такой длинной дороги сейчас бы не помешала банька.

– Зная, что ты, батюшка, любишь баню, мы заранее ее истопили, а теперь вольный жар ожидает тебя.

Кирилл с благодарностью посмотрел на Андрея, радостно улыбнулся, предвкушая помывку после длинной дороги, сказал:

– Пожалуй, Андрей Ярославич, я сразу же и отправлюсь туда.

Вечером после торжественной службы в Успенском соборе, где присутствовали все священнослужители, князя и их родственники, в княжеских хоробах состоялся ужин, куда были приглашены только близкие люди и родственники князей. Отменно закусывая и запивая шипучими медами, гости вели непринужденную беседу. Речь шла об организации союза между русскими князьями против татар. Все были настроены на непримиримую борьбу с нечестивым врагом.

Князь Александр сидел рядом с митрополитом Кириллом и в беседе почти не участвовал, а был скрытен и задумчив. Митрополит наконец решил заговорить с князем и спросил:

– Александр Ярославич, что же это ты сегодня так задумчив и не поддерживаешь разговор, или не согласен со своими братьями, или все-таки не хочешь прогнать с русской земли поганых? Хотя князь Даниил мне говорил, что ты противник заключения союза против татар. Действительно ли это так?

– Да, так, – твердо ответил князь.

Кирилл испытывающе поглядел на Невского и снова задал вопрос:

– Почему? Чего ты испугался? Ты же великий воин и вдруг перед татарами сник. Бил немцев, бил шведов и литовцев, ни одного сражения не проиграл.

Собеседник твердо в упор посмотрел в глаза митрополиту и спросил:

– Святейший отец, ты же, когда ехал из Никеи во Владимир, видел, какова стала Русь. Города и селения разрушены. Места эти обезлюдели. С кем мы пойдём на татар? Князья меж собой дерутся из-за власти. А западники так и ждут, когда мы схватимся с татарами, и как только это случится, нас будут уничтожать те и другие. Прежде чем думать о битвах с татарами, надо восстановить города и поселения. Надо чтобы русский народ стал под одну сильную руку. А сильная Русь нашим врагам не нужна. И чтобы стать сильной, надо к этому долго идти.

Слушая Невского, митрополит все больше и больше проникался уважением к рядом сидящему князю.

Оба собеседника замолчали. Каждый думал о своем.

Высокопоставленный священник с удивлением для себя отметил, что князь прав. Что перед ним сидит очень умный политик и государственный деятель. И будущее будет за этим человеком. Он мысленно стал укорять себя за то, что над всем этим не подумал, а очертя голову, как юнец, поверил в силу анти-татарского союза. На самом же деле это мыльный пузырь, не способный противостоять татаро-монголам. Наконец митрополит отвлекся от своих мыслей, с улыбкой посмотрел на князя, молвил:

– Ну, князь Александр, удивил ты меня! Много о тебе я слышал похвального, но сейчас понял, то, что говорили о тебе, мало. Самое главное, ты умен и расчетлив. Такие, как ты, должны встать во главе многострадальной Руси.

– Слишком много претендентов стать во главе Руси. Это надо вначале почти со всеми князьями воевать, чтобы поставить их под свою руку. Поэтому еще рано об этом думать. Единственное, что я боюсь, эта возня русских князей накличет новую беду на наш народ. Нет пока у нас еще сил, чтобы схватиться с таким врагом, как татаро-монголы. И единственный путь избавить Русь от полного разорения – это союз с татарами. Это спасет нас от новых нашествий наших врагов с запада. Ты думаешь, святой отец, что я так люблю татар, что готов сдать им всю Русь. Конечно, нет. До поездки в Сарай и Каракорум я так же думал, что отомщу за отца, соберу ополчение со всей Руси и прогоним поганых с нашей земли. Но когда своими глазами увидел силу и мощь, и организацию татарского государства с хорошо оснащенной армией, я понял, что этого врага нам сейчас не одолеть, лучше с ним договариваться. У них не только беспрекословное подчинение всех воинов и военачальников, но и стенобитные и метательные орудия, которые стреляют не только камнями, но и мечут взрывной огонь. Их воины все на конях, те и другие очень выносливы, могут долго обходиться без пищи и воды, стремительно передвигаются на большие расстояния

во время походов. И пока еще ни одно государство не смогло противостоять им. На что уж были сильные китайское и хорезмское царства, и те оказались под пятой у татар. А нашей разрозненной и разоренной Руси даже и пытаться воевать с татарами бесполезно. Их полчища в случае войны с ними двинутся на Русь и сметут ее с лица земли, как уже произошло со многими государствами и народами. Так что с таким противником, как татары, для нас сейчас лучше плохой мир, чем для Руси смертельная война.

Кирилл слушал Александра и все больше и больше начинал понимать, что Невский прав, что действительно нужно искать другие пути взаимоотношений с восточным врагом. Эти пути должны быть разумными, а именно то, что предлагает Александр.

После ужина митрополит и Александр удалились в покои князя и продолжили разговор почти до утра. В начале беседы Кирилл предполагал, что уговорит великого князя вступить в союз князей для борьбы с татаро-монголами, но уже к утру митрополит сам стал сторонником Невского. Он понял, что начинать сейчас борьбу с врагом преждевременно и, более того, опасно для Руси.

В конце разговора они договорились, что Кирилл отправится вместе с князем в Новгород. Там они решили начать осуществлять свои планы по укреплению веры и готовиться к новой поездке к хану Батыю.

Наутро следующего дня во Владимир прибыли посланники из города Новгорода во главе с боярином Данилой Федоровичем. Посланников вольного города Александр вместе с митрополитом встречал по-простому, по-свойски в гостевой палате. Князь сидел на деревянном креслице, вел неспешный разговор с священнослужителем Кириллом.

В палату вошел слуга Еремей и доложил:

– Великий князь, пришли посланники из Новгорода и просят тебя принять их и выслушать.

– Пусть заходят, – с усмешкой велел Невский и, как бы между прочим обращаясь к Кириллу, заметил:

– Приперло новгородскую верхушку, что даже бояр ко мне прислали.

Дверь распахнулась, и в палату несмело вошли бояре во главе с Данилой Федоровичем. На его лице блуждала хитроватая улыбка. Это был коренастый, уже располневший человек. Он огладил седую бороду и решительно прошел вперед, поклонился в пояс Александру, громко произнес:

– Великий князь Александр Ярославич, мы прибыли во Владимир звать тебя вернуться в наш город и княжить как прежде. – Посмотрев исподлобья на сидящих Кирилла и Невского, ввернул: – Или в город Киев уедешь от нас?

Александр чуть заметно улыбнулся, показывая на лавки, пригласил посланников:

– Присаживайтесь, бояре. В ногах правды нет. А поговорить нам есть о чем. Прежде всего, что там у вас случилось, коли вы так спешно послали за мной? Может, враги посягают на новгородские земли или опять литовцы с грабежами пришли на русскую землю?

Бояре чинно расселись по лавкам, молчали, преданно глядя на князя.

Александр усмехнулся, подумал про себя: «Сейчас такие смиренные и покладистые на вид, прямо сама преданность. Видно, хорошо приперло верхушку города Новгорода. Этот же Данило Федорович сколько раз поднимал новгородскую знать против меня, когда дело касалось их интересов. Сколько раз мутил он воду, натравливая на меня даже простой народ. Благо, простые новгородцы не очень-то верили этому строптивому боярину. Вот и сейчас просить меня пришел, чтобы вернулся назад. И так всегда. Недаром мой отец не любил новгородцев за их свободолюбие, а иногда предательское своеволие и неподчинение воле князя.

Или рядом сидящий с боярином Данилой Илья Андреевич. На вид вроде бы маленький, плюгавенький, а такой вредный старикашка, все время мне перечит, даже когда надо и не надо. Неоднократно на вече требовал сместить меня с князей и пригласить другого, более покладистого. Только новгородский народ, благодарный ему за спасение от шведских и немецких рыцарей, не захотел его менять на другого, менее требовательного князя».

Боярин Данило, будто угадав мысли Невского, возбужденно заговорил:

– Ты, Александр Ярославич, не обижайся на нас за прошлое. Недаром говорят, кто старое вспомнит, тому глаз вон!

Князь Александр с усмешкой ответил:

– А кто старое забудет, тому оба глаза вон!

Боярин погладил бороду и, преданно глядя на Александра, сказал:

– Я ведь прошу не за себя, а послан новгородцами просить тебя, князь, побыстрее возвращайся назад. Видно, прознали вороги наши, что тебя нет в Новгороде, и полезли на наши земли, даже начали строить крепости, укрепляться на северной границе. А теперь грозятся пойти на Русь войной. Литовцы

тоже зашевелились, стали опять делать набеги. Финнов прибрали к рукам и с них берут поборы.

– А что же делают у вас посадник и тысяцкий? – сурово спросил князь.

– Да ничего не делают! Боятся! Даже поговаривают среди бояр, что они сговариваются со шведами и немцами, чтобы им помогать, и за это берут с них деньги.

Князь в негодовании побагровел лицом, встал с места, прошелся по палате, остановился напротив посланников и раздраженно спросил:

– Вы-то что там смотрите? Неужели их нельзя прибрать к рукам?

– Не в наших это силах, – с сожалением ответил боярин.

– Да как это не в ваших? Что же вы тогда там делаете? Не можете даже защитить себя!

Данило Федорович недовольно потупился, потом печально произнес:

– Нет между нами согласия. Одни желают защищать свою землю, другие хотят за деньги все врагу отдать, лишь бы деньги дармовые получить. Одни хотят прогнать врага и биться с ним, не жалея живота своего, а другие над ними насмеются. Нужна твердая рука князя. Поэтому-то мы и поехали во Владимир уговорить тебя, чтобы побыстрее возвращался.

Князь сел в кресло, задумался, потом произнес:

– Хоть и есть во Владимире у меня еще дела, но на той седмице все вместе будем держать путь в Новгород, – и, повернувшись к митрополиту, сказал: – Вот и митрополит Кирилл вместе с нами поедет в Новгород.

4

Уже была середина лета, когда наконец князь Александр решил вернуться в Новгород. Все, что он намечал сделать, выполнил. Дождался из Никеи митрополита, сумел его убедить в своей правоте не враждовать с татарами, а, наоборот, заключить с ними союз.

Накануне отъезда во Владимир прибыли монахи-католики Григорио и Густаво. Они явились по поручению римской католической церкви, чтобы вновь встретиться с Александром. Он вначале не хотел принять католиков, но митрополит Кирилл посоветовал князю выслушать монахов, узнать, чего они хотят. Князь Александр принимал послов в гриднице, где стояли длинные дубовые дощатые столы с простыми деревянными лавками. На стенах было развешено оружие и снаряжение его дружинников. В палате крепко пахло кожей и травами, которые тут же висели рядом с оружием по совету знахарей, для отпугивания нечистой силы и злых духов.

Невский и митрополит Кирилл восседали на деревянных креслах, обитых бычьей кожей с медными бляшками. Они говорили о скорой дороге, которую им предстояло преодолеть до Великого Новгорода. Неожиданно Кирилл сменил тему разговора и, испытываясь глядя на собеседника, спросил:

– Как ты думаешь, великий князь, с чем к нам явились католические послы?

Князь усмехнулся и ответил:

– Известно, святой отец. У них песня одна, признать их веру. Ввергнуть нас в войну с татарами. Хотят, чтобы мы собственной рукой погубили свое государство и привели свой народ к разорению.

– Что же ты решил им на это сказать? – с любопытством поинтересовался священнослужитель.

– Вначале выслушаем послов, а в ответ мы найдем, что им сказать и посоветовать.

В гридницу вошел слуга и доложил:

– Пришли монахи и просят тебя, великий князь, принять их для важного разговора.

– Пусть заходят, – велел Александр.

В палату вошли Григорио и Густаво. Они поморщились от резкого запаха кожи и трав. Смирно опустив головы, низко поклонились. Густаво перекрестился и произнес:

– Великий король новгородской земли! Папа римский Иннокентий Четвертый, узнав о том, что хан Батый пожаловал тебя ярлыком великого князя земли русской, желает тебе благоденствия и долгих лет жизни и надеется на совместный союз с западными странами.

Александр поднял руку, прерывая речь монаха, и строго спросил:

– Когда это я вдруг стал королем земли русской? Насколько я знаю, я пожалован в великие князья ханом Батыем, на что мне был выдан ярлык, но никак не королем. Поэтому прошу не называть меня королем.

Густаво смутился на какое-то время, но тут же оправился и, глядя в глаза князю, заявил:

– Мне велено святейшим папой тебе передать, что римская церковь готова венчать тебя королем русских земель и надеть на тебя корону, великий князь.

Невский улыбнулся и, повернувшись к митрополиту, тихо сказал:

– Видишь, святой отец, как они нас заманивают, только их словам я не верю, обещать готовы все, а на деле спят и видят сделать из нас католиков.

Кирилл перекрестился на образа со словами:

– Господи, спаси и сохрани нас от таких союзников и благодетелей. – Затем обратился к монахам, не громко, но проникновенно сказал: – У нас, святые отцы, своя вера и свои понятия атрибутов власти. Королевская корона князю ни к чему. Две короны на одну голову не наденешь и на двух тронах не усидишь. Можно меж ними упасть и потерять все. И еще наша православная вера дана нам от прадедов, дедов и отцов. Она нами принята и выстрадана от бога, и мы ею дорожим и менять не собираемся.

Григорию поморщился, видно было, что ответ митрополита явно ему не понравился, но он еще попытался повернуть разговор в нужное ему русло и смиренно сказал, перебирая четки:

– А вот князь Даниил Галицкий не против стать королем, и сейчас папа римский готовит ему торжественную коронацию.

– Ну что ж, это его выбор. Если он считает, что ему с вами по пути, то, наверно, он все обдумал, чтобы сделать этот шаг. Мы же не считаем нужным менять союзников, тем более и веру, – вмешался в разговор князь и, надменно улыбнувшись, дополнил: – Тем не менее вы-то сами лезете в союзники к татарам, стараетесь склонить их в свою веру. Недаром французский король Людовик уже не одно посольство посылает к хану Батыю. А нас склоняете, чтобы мы воевали с татарами. Зачем вам это надо?

Последний вопрос Александра повис в воздухе, монахи молчали, оставив его без ответа. По всему их виду, как они потупились, им было неприятно, что Невский напрямую поставил перед ними такой вопрос. Видно было, что Григорию мучительно пытается найти достойный ответ. Наконец он поднял голову, заговорил:

– Мы ведем среди татар миссионерскую работу, пытаемся их заблудшие души направить на путь истинный и обратить их в святую веру.

– Если бы это было так. Еще куда бы ни шло. Но вы еще пытаетесь натравить татар на нас. Чтобы они нам не доверяли. Думали, что мы готовимся к войне, – напрямую жестко сказал князь. И встал, показывая послам, что разговор закончен.

Монахи низко откланялись и не спеша вышли из гридницы. Закрывая за собой дверь, Григорию злобно произнес:

– Посмотрим, князюшка, как ты запоешь, когда как собака будешь издыхать от болезней, – и, поймав недоуменный взгляд брата Густаво, добавил: – Скоро сдохнет этот упрямец.

* * *

Встреча Алана с монахами Густаво, Григорию произошла в небольшой каморке сзади княжеского дворца, где жил лекарь. Чтобы не вызывать подозрения, она была недолгой, можно сказать, почти на ходу.

Алан сидел за столом, наслаждаясь зеленым чаем, настоящим на мяте и меду.

Дверь резко отворилась, и на пороге появились монахи. От неожиданности ученый писарь растерялся, не зная, что ему делать, то ли вставать и встречать гостей, то ли продолжать спокойно сидеть на месте.

Но хозяин овладел собой, приложил руку к сердцу так, как встречают гостей на востоке, поклонился и пригласил к столу католиков.

В душе у Алана было беспокойно. Он уже привык к размеренной жизни при дворе князя, где к нему относились с почтением и уважением. И вот теперь этот покой был нарушен. Он понимал, что монахи так просто к нему бы не заявились, а пришли с каким-нибудь новым поручением от ханши Огул-Гамиш. А это уже не входило в его планы. Он думал, что про него все забыли.

Гости смиренно присели на лавку, перебирая четки. От приглашения Алана испить зеленого чая они категорически отказались, Григорию пристально взглянул на ученого лекаря, произнес:

– Надеюсь, табиб, ты помнишь наше поручение лечить князя Александра. И для этого тебе было дано все необходимое. Сохранилось ли оно при тебе?

Алан с усилием улыбнулся и тихо ответил:

– Конечно, все помню. Хотя лет мне уже немало, но память моя еще никогда не изменяла.

– Тогда очень хорошо. Ханша тебя просила все исполнить, как договаривались, и передала тебе этот дар, – монах вытащил из-за пояса кожаный мешочек с золотыми монетами и протянул Алану.

У ученого писаря алчно загорели глаза, он ловко схватил кошелек с золотыми, открыл его и попробовал на зуб. Удостоверившись, что это чистое золото, дрожащими руками спрятал его за пазуху.

Наблюдая за хозяином, Григорио презрительно улыбнулся, встал со словами:

– Я думаю, нам больше не придется тебе напоминать, что ты должен сделать. Теперь встретимся уже в Новгороде. А с завтрашнего дня начинай то, о чем мы договаривались.

Монах накинул на голову капюшон своей рясы и двинулся к выходу. Потом неожиданно остановился и спросил:

– Ты слышал что-либо о заговоре князей против татар?

– Слышал, да толком ничего не знаю. Это князь Андрей с князем Даниилой что-то замышляют. Они теперь родственники. Но я точно знаю, что князь Александр противник этих дел и остается верным договоренностям с ханом Бату.

– Тогда все разведай, что можешь, нам это нужно знать. Потом все расскажешь посланнику, который явится к тебе в Новгороде.

* * *

Хан Батый находился в своей небольшой, любимой юрте один. Здесь он предпочитал размышлять: о своих делах, военных действиях против врагов, мечтать о будущем, принимать близких родственников, встречаться с послами для разговора с глазу на глаз. Пожалуй, в этой небольшой и уютной юрте решались самые важные государственные дела. Сегодня он, попивая мелкими глоточками из пиалы кумыс, поджидал своего сына Сартака и брата Берке для решения очень важного вопроса, от которого будет зависеть будущее его улуса Джучи. А беспокоиться было о чем. Ханша Огул-Гамиш, с которой он на первых порах был в хороших отношениях и даже помогал ей сесть на трон императрицы, постепенно возомнила себя единовластной повелительницей всей империи. Не стесняясь, стала вести разговоры, что для нее улусы, а в частности улус Джучи и их правители ничего не значат, что она скоро упразднит их и поставит там править своих людей. Эти разговоры, хоть и не близко находился Каракорум, стали часто доходить до Батыя, который внимательно следил, что происходит при дворе императрицы. В монгольской столице у хана постоянно находились глаза и уши, как при дворе, так и у влиятельных, особенно приближенных к Огул-Гамиш ханов.

Все эти сведения не на шутку забеспокоили Батыя. Он знал, если промедлит, то может оказаться без власти, а скорее всего, и без головы. Но правитель улуса всегда старался опередить своих врагов. А особенно когда его посольный, Тимер, в Каракорум вернувшись недавно, сообщил, что Огул-Гамиш против него замышляет недоброе и послала к нему в Сарай человека, который должен его отравить.

Посланный человек по прибытии в город был схвачен и тут же казнен. Но самое главное было даже не это, а то, что долго несоглашавшийся его брат Мункэ стать великим ханом всей империи, решил наконец занять трон, но просит от него помощи. Тут-то у него созрела мысль послать в Каракорум, пока не поздно, три тумена войск, чтобы помочь своему ставленнику стать великим ханом империи. Конечно, он отрывает от себя значительное количество войска, которое и так было не большое, но здесь ему пока ничего не угрожало, только беспокоили слухи, доходившие с запада, будто русские князья заключили меж собой союз против него. Но это были только слухи. Он знал, что даже если это так, они все равно еще долго не смогут преодолеть свои противоречия, чтобы организовать и выступить против него. Когда он ходил походом на русских, он ясно усвоил одно: несмотря на все свои боевые качества, они долго раскачиваются, чтобы организовать в серьезную силу, и обязательно среди их князей найдутся предатели, которые либо покинут поле боя, а еще лучше просто перейдут на его сторону, чтобы из его рук получить власть над другими. И это он умело использовал во время походов на Русь. Завоевая одно за другим княжества, можно было быть уверенным, что на помощь друг к другу они никогда не придут. Единственный князь, который мог противостоять ему, это Александр. И то, пока Невский и его брат Андрей разбираются друг с другом, кто же из них главнее, он будет держать всех их в повиновении. Внимательно следя за всем, что происходит на Руси, он точно знал, что пока нет там силы, которая могла бы противостоять ему. Поэтому можно смело направить несколько туменов, чтобы навести порядок в Каракоруме в свою пользу. Он знал, что его брат Мункэ, придя к власти, станет его поддерживать во всем, и самое главное, не будет нападения со стороны соперников.

От всех его дум оторвал вошедший воин и доложил:

– Великий хан, к тебе пришли твой брат Берке и сын Сартак.

– Пусть заходят, я их уже с нетерпением жду.

Приглашенные вошли в юрту, низко поклонились.

Бату велел родственникам присесть рядом с собой, и им тут же подали пиалы с кумысом.

Великий хан не торопился сразу же начать важный разговор, молча наблюдал за родственниками, как они чинно мелкими глоточками пили резкий напиток, ожидая, что скажет Бату.

Наконец хозяин заговорил:

– Пригласил я вас по очень важному делу. И надеюсь, что все, что вам будет сказано, останется в юрте, и никто об этом не должен знать. Тебе, брат Берке, и тебе, сын мой, придется выполнить одно мое важное поручение, и от того, как вы его выполните, будет зависеть наша судьба. Вам придется, с тремя туменами наших воинов, срочно двинуться в поход на Каракорум для поддержки моего брата Мункэ в выдвижении его в великие ханы. Если мы этого не сделаем, то вскоре род Толуя начнет уничтожать нас. Вы уже знаете, что на курултае у озера Иссык-Куль в улусе Чагатая так и не пришли к согласию, кто же будет великим ханом империи. Вражда между родами еще больше обострилась. Скоро состоится новый курултай у реки Курулен. Вы туда должны прийти с большим количеством воинов, чтобы удержать прыть Огул-Гамиш с ее сторонниками. На курултае вы появитесь с небольшим количеством воинов, а чтобы наши соперники ничего не заподозрили, свое войско спрячете в засаде, и как только все соберутся и начнется курултай, пусть ваши воины возьмут всех в кольцо, и если наши соперники начнут сопротивляться, всех взять под стажу и переломать им хребты. А Огул-Гамиш казнить принародно за то, что она посягала на захват империи и хотела меня и моих братьев отравить.

Сартак и Берке молча слушали Бату-хана, не выражая на лице никаких эмоций, прекрасно понимая, что железная дисциплина не дает им права выбора. Здесь было одно: или полное повиновение или смерть.

Батый пристально посмотрел на своих родственников, пытаясь понять, согласны они с ним или нет. Но их лица были непроницаемы, тогда он спросил:

– Вам все понятно, что вы должны делать?

Берке как старший коротко ответил:

– Все, великий хан!

– Тогда через два дня быть вам уже в пути, – приказал Бату.

– Слушаемся и повинуемся! – враз ответили Берке и Сартак.

5

Уже по дороге в Новгород князь Александр занемог. Он чувствовал во всем теле слабость и ломоту в костях. Иногда кружилась голова, но он старался не показывать виду, что ему нездоровится, надеясь, что это недомогание пройдет как обычно само собой.

Невский в дороге почти всегда находился в седле, а на этот раз сел в возок и задремал. Лицом он был бледен, все тело трясло как в лихорадке, что не ускользнуло от внимательного взгляда Анастасии. Она, побывав в походах с князем, почти всегда безошибочно могла определить начинающуюся болезнь. Женщина позвала ученого лекаря Алана, чтобы осмотреть князя, затем потребовала, чтобы путники остановились на отдых.

Ученый лекарь внимательно осмотрел заболевшего и отметил про себя: «Снадобье, которое мне дали католики, медленно, но верно стало действовать. Сейчас самое главное следить за тем, чтобы Александр находился подольше в болезненном состоянии, но и не убить его этим зельем», а Анастасии сказал:

– Плохо дело. Надо князя лечить. Принеси мне кипяченой воды, чтобы развести лекарство.

Женщина принесла плотно закрытый сосуд с водой и со слезами на глазах попросила:

– Ты уж постарайся, Алан, поднять князя на ноги. Ты ведь излечивал и не таких больных.

Восточный лекарь загадочно улыбнулся и уверенно ответил:

– Не горюй, Анастасия, вылечу я князя, но болезнь не скоро пройдет. Придется нам с тобой постараться.

Разговаривая с женщиной, лекарь из небольшого кожаного мешочка насыпал в чашу зеленого порошка, тщательно размешал содержимое, затем подал помощнице со словами:

– Добавь в эту чашку воды и пои князя три раза в день, строго по три глотка. Больше нельзя, иначе может быть хуже.

Приготовленное лекарство Александр выпил с большим трудом и вскоре заснул крепким сном.

На следующий день Невский уже чувствовал себя хорошо и продолжил свой путь в седле на своем сером в яблоках жеребце, а тот, как бы почувствовав, что его хозяин опять здоров, гарцевал, красиво

выгибая шею.

Когда уже до Великого Новгорода оставалось совсем недалеко, князя с дружиной встретил отряд всадников во главе с боярином Даниилом Федоровичем. Они, подъехав к Невскому, спешили и, сняв шапки, низко поклонились князю, а боярин Данило молвил:

– Добро пожаловать, великий князь Александр Ярославич, вся новгородская земля тебя ждет не дождется! Почти три года тебя не было. Без твоей крепкой власти совсем вышли из повиновения как знатные, так и простые людишки, а враги наши возмечтали уже забрать под себя лакомые кусочки земли княжества нашего.

Князь приветливо всем улыбнулся и ответил:

– Что ж, я благодарен вам за встречу, и теперь будем в нашем княжестве править по совести и по закону божьему. – И, кивнув на священников во главе с архиепископом Кириллом, многозначительно объявил: – Вот едет к нам в Новгород новый митрополит ставить нового епископа взамен умершего Спиридона.

– Слава тебе Господи! А то Новгород остался совсем без пастора! Некому стало людей направлять на путь истинный! – набожно, с поклоном перекрестясь, воскликнул боярин Данило. Его примеру последовали и остальные встречающие.

Оставалось совсем немного до города, и путники заспешили побыстрее закончить свой путь.

Александр незаметно для себя погрузился в свои мысли. Сейчас его волновало то, что со своим братом они расстались почти как враги. Накануне отъезда у них с ним состоялся далеко не легкий разговор. Горячий и импульсивный Андрей стал требовать от него немедленного присоединения к союзу князей, агрессивно настроенных против татаро-монгол. Он горячо стал убеждать Невского:

– Александр, почему ты не с нами? Почему ты как бык уперся на своей дружбе с этими поганцами? Неужели они тебе дороже своей Родины и русских людей. Или ты действительно продался им, как многие уже поговаривают? Что у тебя общего с этими узкоглазыми? Ведь многие князья и весь русский народ смотрят на тебя с надеждой, а ты с этими поганцами дружбу хочешь водить. Вспомни, кто разорил Русь? Кто разрушил города и поселения, угнал в полон русских людей? А кто погубил нашего отца?

Невский молчал, не вступая в спор с братом, понимая, что если он сейчас начнет возражать, все кончится великой ссорой. Но Андрей наседал, распаяясь все больше и больше.

Первое время Александр еще сомневался в своем выборе, с кем ему быть: с татарами или действительно собрать ополчение со всей Руси и дать врагам достойный отпор. Но побывав у хана Батыея и затем в столице татарской империи Каракоруме, многое понял. Русь, если начнет войну с востоком, ей не устоять. Тем более она наполовину разорена, а князья так и смотрят, как бы захватить землю и власть своего соседа. Едут к хану Бату, плетут друг на друга интриги, чтобы получить ярлык на владение земель, не щадя даже родственные связи. Теперь он был твердо убежден в своей правоте. Хотя все это далось ему через душевные муки, сомнения и даже страдания. А его брат, совершенно не понимая, куда он хочет ввергнуть Русь, пытается и его втянуть в страшный водоворот самоуничтожения.

Наконец не выдержав, он решил все-таки как-то переубедить Андрея:

– Все ты правильно говоришь. И я рад, что у тебя такая ненависть к врагам нашим, и тоже готов биться и бороться с татарами, чтобы освободить родную Русь от татаро-монгол.

Андрей, услышав эти слова из уст брата, заулыбался, в глазах его промелькнула надежда, что он, наконец, смог убедить своего брата, и сразу же повеселел, мечтательно стал рассуждать:

– Да мы с тобой подыдем всю Русь, соберем огромное ополчение русских воинов, пригласим с запада литовцев, рыцарей. Создадим огромное войско, и тогда хану Батыею не устоять. Разобьем наших мучителей, уничтожим проклятый Сарай. А ты будешь главнокомандующим и поведешь рать на поганцев.

Невский чуть заметно улыбнулся и тут же разочаровал брата:

– Нет, Андрей, я с татарами биться не буду и не поведу воинов на Сарай. И тебе не советую. Займись лучше княжескими делами и укрепляй свою власть, если не хочешь, чтобы твою землю разорили.

– Что ты, Александр, так татар боишься? – со злобой в голосе спросил Андрей.

– Я не татар боюсь, а боюсь, что хан Батый шею вам свернет. Надо быть совсем безголовым, чтобы, особенно в это время, ввязаться с ними в войну. Нам сейчас надо набраться сил, присмотреться, что происходит. Что-то западники не очень-то рвутся сами воевать с татарами. А посылают туда монахов, чтобы перетянуть их на свою сторону. Строят там свои церкви. А мы на них войной пойдем. А в это время наши враги добиваются расположения хана Бату. Тут-то они и договорятся и уничтожат Русь.

У Андрея от волнения на лице пошли красные пятна, скулы ходили ходуном, он крикнул в лицо брату:

– Трус ты и предатель! Когда мы победим, стыдно тебе будет за то, что не пошел с нами против врага нашего!

После этих слов Андрей ушел и больше с ним не разговаривал. Даже когда Невский со своей дружиной уходил в Новгород, он не вышел с ним попрощаться. Александр после этой размолвки очень переживал и, уходя из Владимира, послал дружинника, чтобы тот сообщил, что он покидает город. Надеюсь, что брат выйдет попрощаться. Но Андрей так и не вышел, хотя Невский долго его ожидал. Видя, что брат не хочет с ним помириться, в сердцах хлестнул плетью своего коня, так что тот от неожиданности присел, вздыбился и галопом помчался вперед.

Теперь всю дорогу он неотступно думал о происшедшей размолвке. Как ему доказать, что с татарами воевать еще рано, что для этого, может быть, не хватит их жизней. Возможно, их дети или внуки освободятся от нечестивцев.

* * *

Новгород встречал князя, почти после трехлетнего отсутствия, колокольным звоном. У ворот собрались жители вольного города. Среди встречающих горожан в основном был простой люд: ремесленники, лавочники, купцы, черные работники и чуть в сторонке стояли во главе с посадником и тысяцким бояре. Церковнослужители крестили путников, кланяясь князю.

У ворот стояла румяная голубоглазая светловолосая женщина, она держала в руках хлеб, соль и улыбалась ослепительной белозубой улыбкой.

Александр остановил коня, спешился, подошел к женщине, отломил кусочек от душистого еще теплого каравая, обмакнул его в соль и положил в рот, затем, крестясь, поклонился на три стороны и низким голосом громко сказал:

– Здравствуйте, новгородские люди вольного города! Вот и снова мы вместе! Вот и снова я готов служить вам и русской земле!

Из толпы простого народа кричали:

– Здравствуй, светлый князь наш! Здравствуй, защитник и заступник наш! Добро пожаловать, великий князь! Заждались мы тебя!

Священники осеняли крестом князя и его дружину. Только тысяцкий с посадником и бояре стояли молча. Не проявляли особого восторга. Они заранее знали, что князь теперь не даст им спуска, что кончилась их вольница творить, что им заблагорассудится. Что с приездом князя в город возвращается твердая власть Невского. Правда, не все бояре его встречали настороженно, некоторые радостно улыбались. Это были его сторонники. Но со стороны противников он чувствовал тяжелые недобрые взгляды.

Александр вновь вскочил в седло и в это время почувствовал, как у него закружилась голова, в глазах потемнело. Он пошатнулся в седле, но огромным усилием заставил себя не упасть. Тошнота подступила под самое горло, в голове промелькнуло:

– Что это со мной? Неужели я заболел? Этого мне сейчас только не хватало!

Проезжая мимо бояр, хоть ему было плохо и уже не до церемоний, он все-таки заметил, что они как один поклонились ему.

Князю Александру становилось все хуже и хуже, и уже к вечеру он слег в постель. Его всего лихорадило, поднялась высокая температура. Жена князя не отходила от постели мужа, смачивала в холодной воде полотенце и прикладывала к пылающей жаром голове. Вскоре князь стал бредить. Метясь в жару, он выкрикивал:

– Отец, прости меня, я не смог за тебя отомстить! Для нас нужен мир с татарами! Андрей! Андрей! Ты со своим союзом против татар погубишь Русь!

Александра, чувствуя полное бессилие перед болезнью мужа, плакала, не зная, что предпринять. Митрополит и еще двое священников при зажженных свечах под иконами Иисуса и Божьей Матери читали молитвы, прося защиты и здоровья для великого князя.

Через какое-то время князь пришел в сознание, прошептал:

– Дайте воды! Пить!

Испив теплой воды, настоянной на травах, он, оглядев всех присутствующих, слабым голосом попросил:

– Позовите сюда Анастасию и восточного ученого лекаря Алана. Они умеют лечить. Во время нашего похода в Сарай и Каракорум они не одного человека подняли на ноги.

Тут же слуги князя пригласили Анастасию и Алана. Ученый лекарь внимательно осмотрел больного

и отметил про себя: «Однако я перестарался и переложил князю зелья. Теперь его надо действительно спасти. И это надо делать, не теряя времени. Если князь умрет, Батый наверняка лишит меня жизни. Казнит страшной смертью. Татары это умеют делать».

Алан достал мешочек с другим зельем, которое должно было вернуть князя к жизни. Обращаясь к Анастасии, попросил:

– Давай, Анастасиюшка, как можно скорее из этого порошка сделай питье для князя. Иначе он умрет.

Княжна, услышав эти слова, еще больше залилась слезами и стала просить лекаря:

– Сделайте же что-нибудь! Подымите князя на ноги! За это я вас щедро награжу! Помогите! Не дайте помереть ему безвременной смертью. Мы уж только кого ни приглашали: и заморских лекарей, и знахарок. Только те разводят руками и не знают, чем нашему пресветлому князю помочь.

Алан улыбнулся и вкрадчивым голосом произнес:

– Не горюй, княжна. Через несколько дней наш Александр почувствует себя лучше, а вскоре и совсем станет на ноги.

Во всех храмах во время болезни князя день и ночь горели свечи, шла служба за здоровье Невского. Все горожане, как и в былые времена тяжелых событий, грозящих бедой для новгородской земли, во время нашествия немцев и шведов, объединились в одном желании хотя бы молитвой помочь своему защитнику и радетелю земли русской.

Княжна Александра, Алан и Анастасия не отходили от постели больного, поили его отварами трав, натирали тело различными снадобьями, а священники тут же неустанно молились за скорейшее выздоровление великого князя.

И действительно, наверно, Господь услышал многочисленные мольбы множества людей и их огромное желание, чтобы князь выздоровел, произошло чудо. Князь перестал бредить, очнулся от забытья, хотя и слабым голосом стал разговаривать со своими родственниками и близкими людьми.

В одну из ночей его выздоровления случилось ему видение. А произошло это так, в наступившей полной тишине в его княжеских покоях он долго не мог уснуть, ворочался с боку на бок. В голову лезли всякие мысли. А поразмыслить князю было о чем. Пока он болел, прошли сильные дожди, затопило все пастбища и сенокосы, снесло мост через Волхов, а это грозило плохими последствиями, возможно, даже голодом. Необходимо было предпринимать меры, чтобы избежать этого. Его волновало, что некоторые бояре, пользуясь тем, что он из-за своей болезни не может ничего предпринять, подняли головы. Стали вести разговоры, мол, князь-то продался татарам, вместо того чтобы гнать их с земли русской, с ними дружбу хочет водить. То надобно бы пригласить тверского князя править в Новгороде, а от Невского отказать. Было ему еще горько оттого, что они вконец рассорились со своим братом, что он все больше и больше влазит в опасное дело создания союза князей для борьбы с татарами. Все это угнетало и вгоняло Александра в тяжелые думы, мешало его и так ослабленному телу скорее выздороветь. И неизвестно, чем бы это все закончилось для великого князя, сколько бы он еще лежал, прикованный к постели, если бы не эта ночь.

Наконец утомившись, князь устало закрыл глаза, а может, даже и не закрыл, а ему только показалось. Из глубины княжеских покоев началось свечение, оно становилось все ярче и ярче, переливаясь радужным цветом. И в этом свете начала проявляться женская фигура в голубом платье. Лицо ее сияло одухотворенным светом, над головой переливался радужный венчик. Женщина улыбалась доброй материнской улыбкой и легкой бесшумной походкой приблизилась к постели князя.

Александр смотрел на видение, а в голове пронеслось: «Да это же Божья Мать! Богородица!». Он, не отрывая глаз, глядя на видение, перекрестился. А Богородица еще ближе подошла к постели больного, приветливо кивнула ему, давая понять, что он правильно подумал, и от этого ему стало легко и хорошо, он как бы тоже стал парить в воздухе, не чувствуя в своем теле ни тяжести, ни боли.

Божья Мать наклонилась над князем, тихо произнесла:

– Не горюй и не беспокойся, князь, ни о чем. Твоя болезнь скоро пройдет, уже через несколько дней ты встанешь на ноги. Тебе придется еще много пройти тяжелых испытаний, но из всего этого ты выйдешь победителем. Тебя ждет народное почитание и святость, ты на многие века станешь символом славы своей Родины. Только уход твой будет злой волей врагов, но, приняв все это, ты примешь святость на веки вечные.

Сказав все это, Богородица растворилась в сиянии света. Наступила глухая тишина. Князь привстал, огляделся кругом. В опочивальне никого не было, по-прежнему горели, потрескивая, восковые свечи, распространяя душистый запах меда. Александр снова лег на подушки, задавая себе вопрос: «Что это

ему приснилось? Или действительно это было пророчество в видении Богородицы?».

Он никак не мог вспомнить, действительно он спал в это время или лишь на миг закрыл глаза, а может, и вовсе не закрывал. Только от всего этого на душе его было легко и светло. Уже засыпая, он подумал, что надо обязательно позвать митрополита Кирилла и рассказать о его видении и пророчестве Богородицы.

Утром Невский проснулся совершенно отдохнувшим, бодрым и здоровым. Он легко встал с постели, как будто никогда так тяжело не болел. Позвал слугу. Еремей, пришедший на зов господина и увидев его бодрым и здоровым, опешил, даже на некоторое время потерял дар речи. А Александр, как ни в чем не бывало, распорядился:

– Принеси мою одежду и вели побыстрее подать мне еду – свежий хлеб с теплым молоком.

Вскоре князь был одет, подошел к окну, распахнул створки, и в опочивальню хлынули потоки свежего бодрящего утреннего воздуха. В покоях запахло особым ароматом лета, леса, дымком березовых дров и утренней свежестью. За окном слышалось пение птиц. Над горизонтом восходило солнце. Оно показалось князю необыкновенно ясным, ярким, словно радовалось его выздоровлению.

Двери распахнулись, и в спальню ворвалась жена князя с радостными слезами на глазах. Она подбежала к мужу, крепко обняла его, восклицая:

– Слава тебе Господи! Выздоровел, князь ты мой пресветлый! Надо сегодня же по этому случаю отслужить молебен за чудесное выздоровление нашего князя!

В покои Александра, без приглашения, радостно улыбаясь, вошли Анастасия и Алан, а через некоторое время, опираясь на посох, пришел митрополит Кирилл в сопровождении двух священников.

Когда митрополит вошел, князь попросил всех удалиться из покоев и, оставшись со священнослужителем, рассказал ему все о своем ночном видении. Тот очень внимательно выслушал его и медленно встал, подошел к Образам, три раза перекрестился, затем осенил крестом Александра, торжественно, с подобострастием произнес:

– Великая честь тебе выпала, Александр Ярославич. В твой дом явилось знамение в образе Божьей Матери! И она прочила тебе не только большие испытания, которые придется пройти, но большую честь, славу и святость на Руси.

Продолжение следует.

Георгий КАЮРОВ

Краб

Рассказ

Меня попросил приятель, который перебрался с семьёй в Америку, разыскать могилу его предка, похороненного ещё в тринадцатом году. Я обходил городское кладбище, рассматривая надписи на могильных плитах. Слух уловил тяжёлый, грудной рык. Я огляделся по сторонам, но ничего не заметил. Рык повторился, и в этот раз удалось ухватить, с какой стороны он доносился. Особо не раздумывая, я направился на возбуждавший моё любопытство звук, поглядывая вокруг в поисках того, кто мог бы его издавать. Неожиданно рык раздался совсем близко. Справа от меня, наполовину скрытый небольшим постаментом, склонив голову к коленям, сидел крупный мужчина и содрогался всей

спиной. Рядом с ним был вкопан столик, на котором стояли начатая бутылка водки и гранёный стакан с налитой на треть прозрачной жидкостью. Мужчина не обратил внимания на незнакомца. Мне даже показалось, он не заметил меня. Я взял бутылку и подсел к нему, протягивая стакан. Не поднимая головы, мужчина принял стакан, но я успел разглядеть его крупные сосудистые глаза. Он стукнул стаканом по бутылке и залпом выпил.

– Фёдор Игнатьевич, – возвращая стакан, представился он, и на меня посмотрели залитые слезами красные глаза.

– Юрий, – представился и я, плеснув себе немного алкоголя.

– Батя мой, – едва сдерживая новый приступ рыка, проговорил мужчина, посвоему истолковав мою медлительность.

– За светлую память о нём, – сказал я и выпил.

– Память... – с досадой проговорил Фёдор Игнатьевич и, схватив лежащий рядом свежесрубленный сук, переломил его пополам. – Посмотри, какая липа толстенная вырастает! Я вырубая её, а она снова отрастает. В один год я каждый день приходил. Решил, буду рубать на ростке, но добыюсь своего и изведу. Пока ходил, не росла. Думал, всё, покончено. Прихожу на годовщину батю проведать, а она снова стоит. И когда только успевает силу набрать?!

– Может, оставить, пусть растёт?! – предположил я.

– Как же оставить?! Она растёт прямо в изголовье.

С кладбища мы с Фёдором Игнатьевичем уходили вместе. Он слегка прихрамывал, но шёл бодро.

– Ты кем работаешь? – неожиданно поинтересовался мой новый знакомый.

– Я писатель.

– Писатель? – с недоверием переспросил Фёдор Игнатьевич и тут же схватил меня за плечи. – Хочешь, я тебе про своего батю расскажу?

– Расскажите.

– Поехали ко мне, – переполняемый восторгом, предложил Фёдор Игнатьевич. – Я живу один. Супруга моя год как умерла. Дети живут отдельно. Так что нам никто не помешает.

Мы устроились на кухне. Фёдор Игнатьевич насыпал в пузатый заварник чаю, залил кипятком и накрыл полотенцем, вчетверо сложенным.

– Пусть заваривается, – подмигнул мне хозяин и, не откладывая, приступил к рассказу. – Мой батя всю войну прошёл. С самого первого дня. В феврале сорок пятого получили на него похоронку. Я тогда мальцом был. Мать взглянула на этот жёлтый листик и как вкопанная замерла, глаза выпучила, тяжело задышала, а потом вмиг стихла и говорит: «Жив. Забирай обратно», и вернула почтальону. Ещё соседка наша, Павлючиха, говорит: «Как бы не тронулась». Э-эх! – Фёдор Игнатьевич с силой сжал кулаки. – Наши люди умеют поддержать. В общем, и, правда, в апреле получаем письмо. Детским таким почерком написано, приезжайте, ваш муж жив, только надо его забрать, сам не доедет. Мы всей семьёй поехали. Долго добирались. В какой город приехали, сказать не могу, врать не буду. Когда это было?! Всего не упомнишь. Пятьдесят лет как отца нет, а он почти двенадцать пожил после войны. Хорошо помню, был это большой, объединённый госпиталь. Со всех фронтов туда свозили раненых. Встретили нас хорошо. Разместили при госпитале. Мать подметила и нам, ребятишкам, говорит: «Прямо не смотрят, всё исподлобья на нас поглядывают или искоса, навроде стыдятся за что-то. Нам-то, ребятишкам, всё равно. Мы встречи с батей ждём. Сестрички обходительные с нами, сахару надавали, а одна даже разрыдалась.

Потом выяснили, она и писала письмо. Привели нас в палату. Глядим, батя лежит. Такой смиренный, в потолок глядит. Мне тогда почему-то сразу показалось, какой-то он странный, может, контуженый. Ещё про себя подумал, если малахольный стал, этого нам не хватало. У Серёги отец тоже вернулся с фронта тяжёлораненый, но у того на груди три медали, два ордена. Бригадиром его сделали. А этот лежит – ни гимнастёрки, ни орденов не видно, во всём белом. Думаю, что это за герой? Мысли у меня были такие. Даже не подозревал, всё куда хуже обстоит. Как сейчас помню – он лежал в самом дальнем углу палаты и улыбался, а взгляд светлый-светлый. Как будто не он раненый, – мы к нему раненые приехали. Мы через ряды коек пробираемся, мать нас вперёд подталкивает, а он глядит, улыбается и говорит матери моей, ну, своей жене: «Вам чего, гражданочка?» Вроде не узнаёт или признать не хочет.

Мать к нему кинулась. Плачет. Медсёстры вокруг тоже плачут. Раненые недоумённо смотрят, плечами пожимают, переглядываются. Мамка ему: «Игнат, Игнатушка». Он снова в ответ: «Вам чего, гражданочка? Вы ошиблись. Я не ваш Игнат».

Тут уже мы, дети, давай плакать. Папка от нас отказывается. Вглядываемся, вроде похож, а вроде и нет. Я его только по фронтовой карточке помню. Он уходил на фронт, мне и трёх не было. Война людей добре меняет. Мать на груди у него лежит, жмётся к нему, а он даже не погладит её. Обидно мне за мать стало. Аж возненавидел его!

Фёдор Игнатьевич умолк, обхватив лицо ладонями и скрежеща зубами и с силой делая глоток за глотком. Уняв эмоции, он обтёр жменями глаза и продолжил:

– Нас притянула и хочет, чтобы он потрогал, чтобы таким образом вспомнил детей своих. Батя даже не пошевелился и всё твердит: «Нет у меня никаких детей». Она думала, наверно, контузией память отшибло. Руки его хватает, а не находит. Откинула одеяло, может, прячет их, и тут всё открылось. У бати не было ни рук, ни ног. Понимаешь, он всю войну сапёром был. Вот и подорвался на противотанковой mine. Это же надо было такому случиться перед самым концом войны! Всю войну без царапинки прошёл, а перед самым концом... В общем, врачи сшили его на авось. Выживет – так тому и быть, а помрёт – война спишет. Только конечности пришлось ампутировать. Батя крепкий был, возьми, и выжил. Мать давай ещё сильнее рыдать. Схватила батю и давай тискать, прижиматься к нему, а он всё твердит: «Гражданочка, вы ошиблись. Я не ваш супруг, – головой мотыляет, всем улыбается и всё твердит: «Люди добрые, это не моя жена. Не было у меня никогда жены. Ни жены, ни родителей, ни детей, сирота я».

Месяц мы жили в госпитале, а он всё твердил, нет у него жены, он не наш отец и не муж мамки нашей. Кто его только ни уговаривал, чтобы признался, а он ни в какую. Мать столько слёз выплакала. Раненые уже начали его стыдить. Главврач на беседу забирал к себе в кабинет, а он на своём стоит, и всё тут. Второй месяц пошёл. Деньги кончились. Нас с матерью трое приехало. Ещё домой возвращаться. Дорога дальняя. Уже мы, дети, стали сомневаться и матери говорить: «Может, не он? Не хочет ехать, пусть остаётся!». Мать на своём стоит: «Наш батька. Домой все вместе поедет. Погодите чуток. Надо, чтобы обвыкся. Война никого не красит». Сама в платок прячет заплаканные глаза.

В один день главврач нас к себе приглашает. Привозят и батю.

«Ну вот что, Игнат Пантелеевич, – главврач говорит, – раз это не твоя семья, тогда, значит, выгоняю их из госпиталя. Кормить больше не стану. Но если твоя семья, то выделю денег на дорогу и на всех паёк дам». Мать снова давай рыдать. Едва на ногах стоит. Батю по волосам гладит, свои слёзы с его щёк вытирает. Ну тут батя и сдался.

«Моя, – говорит, не удержался, давай плакать. – Зачем я тебе такой? Найдёшь мужика. Я же ни к чему не способный. Ни ног, ни рук, какой с меня кормилец?»

Мать его на руки подхватила и давай тискать. Мы плачем. В общем, снарядили нас в дорогу. Всем госпиталем провожали. Главврач слово сдержал – выделил паёк, денег дал на дорогу. Люди скинулись кто чем мог. Посадили нас в полуторку и отвезли на вокзал.

Прибыли мы на нашу станцию, а до городка, в котором жили, ещё семь километров пешком. Подвод нет. Мы войсковым приехали. Не по расписанию машинист остановился, чтобы нас высадить. Никто никого не встречает. Мать батю на спину посадила, платком обвязала и пошли домой. Так и зажили.

– Заварился, – хозяин сделал паузу и, пока переводил дыхание, разлил заварку по чашкам. Разговор складывался для него непростой, но видно было – он нуждался в том, чтобы рассказать кому-то всё накопившееся за эти годы. – Ты понимаешь, зачем я тебе рассказываю? Ты же писатель! Кто, если не ты, напишет о моём бате?

– О войне много написано, – попытался я возразить.

– Это не о войне, – в сердцах выпалил мой собеседник. – Я и сам знаю, о войне написано и переписано

сано. Да и не к чему тебе о войне писать. О человеке надо написать. О простом труженике, семьянине, защитнике.

– Это можно, – неуверенно согласился я, ещё больше сомневаясь в перспективах, но не стал разочаровывать хозяина – о простых тружениках тоже написано и переписано.

– Ты подожди отказываться, – взволнованно заговорил Фёдор Игнатьевич. –пей чай, а я буду рассказывать. О моём бате надо написать. На чём я остановился? Так вот, с первых дней, как батя оказался дома, он стал с нашим кузнецом цыганом подолгу переговариваться. Уединятся за ширмой и всё что-то чертят и обсуждают. Потом цыган на два-три дня исчезнет, а придёт, снова подолгу обсуждают. И всё потихоньку, тайком от нас, домашних. Не помню, сколько это продолжалось, но как-то пришёл цыган довольный, светится, словно вычищенный чугунок. В руках держит два мешка, набитых какими-то железяками.

Вынесли нашего батю в огород, и стал цыган вынимать из мешка всякие причудливые приспособления, все обвязанные ремешками. Одно достанет и батю на культю ноги наденет и ремешками пристегнёт к пояснице. Мы с сестрой и братом смотрим, а батя встал на эти приспособления. Покачивается, но стоит. В общем, они с кузнецом придумали специальные инструменты. Ну, знаешь, лопату, сапу, грабли, что-то ещё было, топор, вилы. Целый арсенал. Он у меня до сих пор хранится. И стал наш батя в огороде работать. Мать подвывает к культе необходимый ему инструмент и уходит на работу, а батя выползает в огород и работает. Поначалу часто падал. Еле-еле поднимется и снова давай копать. Потом приловчился и так здорово орудовал. Культы в кровь разбивал. Мать на обед прибежит, перебинтует, другой инструмент подвывает, и батя снова в огород. Мать в слезах убегает на работу, а мы, дети, наблюдаем. Смешно было смотреть, как батя мается в огороде. Он позовёт кого-то из нас помочь перенести то или другое. Мы бегом помогаем и что есть прыти в дом прячемся. Стыдно нам было. Люди посмеивались. Хоть и прятали улыбки, но мы замечали.

Весь посёлок говорил о нашем батю. Сверстники смеялись над нами и зло шутили, поначалу за глаза, а затем всё чаще и чаще в глаза. Мы, дети, стыдились отца. Мать часто приходила в слезах, и подолгу родители за ширмой выясняли отношения. На коленях просила его не выходить на улицу в этих грозных железяках. Батя молча выслушивал, что-то тихо возражал, успокаивал мать, а утром всё сызнова. Мать подвывала ему на культю лопату, на другие культы костыли, и он выползал в огород. Мы тоже пытались не пускать его, загораживали дорогу, закрывали двери на ключ, а он вылезал в окно и всё равно полз работать. Пока были маленькие, он ругался на нас. Когда подросли, ему уже тяжелее было с нами справиться, так он приловчился и бил нас своими железными культиями. Так ловко орудовал ими. Больно было!

Вся семья выслушивала от соседей всякие злые и нелепые шуточки. Больше всех доставалось матери. Над ней особо ядовито подтрунивали мужики. Мы не знали, доходили ли слухи до бати и то, как его называют в посёлке. Но весь посёлок быстро окрестил его. У нас люди по части навешивания ярлыков мастаки!

Как-то я пришёл в школу, в тот год заканчивал десятый класс, прохожу мимо учителей и слышу, мне в спину тихо говорят: «Вон идет сын того-то», и по обидной кличке батю моего называют. Мне так обидно стало, до слёз, разворачиваюсь и домой. Решил – убью. Пусть меня посадят, но спасу семью от позора. Вбегаю в родительскую комнату, а батя на полу сидит и пытается ртом завязать на культе топор, мучается страшно. Мать с утра плакала, упрашивала его не выходить на улицу и наотрез отказалась ему топор пристёгивать. Мы тоже не понимали, зачем все эти жертвы?! Он дождался, пока все ушли из дому, и сам решил всё сделать. Понимаешь, с вечера привезли пять кубов дров, вот он и решил наколоть. Тут я вбегаю и давай на него орать. Как сейчас помню, кричу: ты знаешь, как тебя называют? Ты знаешь? И правду матку ему в глаза, так-то! У меня не отец, а... и снова правду матку, так-то! Нас называют детьми такого-то! Ору на весь дом. Ненавижу тебя! Чтобы ты сдох! А он только головой покачивает. Я наорался, трясусь весь, а он поднял на меня полные глаза слёз, смотрит таким светлым взглядом, даже слёзы искрятся, и тихо так говорит: «Сынок, помоги мне завязать». Всю жизнь живу с этим взглядом перед глазами. – Фёдор Игнатьевич замолчал, и я почувствовал, с какой неимоверной силищей он давил в себе рыдания.

– Я тогда схватил все его железяки, – переведя дыхание, продолжил он, – побросал в мешок и на речку. Там и утопил.

Вскоро батя умер. Умер во сне. Бабы на похоронах говорили, мол, повезло – не мучился. Что у нас за люди?! Как не мучился?! Попробуй походить в этих железяках?! А он в них работал, семью кор-

мил. Представляешь, огород вскапывал! В общем, уснул и больше не проснулся. Весь посёлок собрался проводить его. Приехали из районного военкомата солдаты. Какой-то полковник оркестр привёз. Мать достала батины награды. Стали солдатам раздавать, чтобы несли перед гробом. Не хватило солдат. Оказалось у моего бати наград уйма. Мы, дети, впервые видели столько наград. Больше, чем у отца соседского Серёги, которому я позавидовал. Выстроились люди, чтобы принять награду и нести с почётом. У многих были в руках батины медали, ордена. Оказывается, мой батя был в особых списках нашего военкомата, как геройски воевавший. Идёт процессия, солдаты с винтовками. Когда гроб опускали, салютовали трижды.

Фёдор Игнатьевич умолк и уставился на меня. Я молча взирал на собеседника, не находя, что ему ответить.

– Ты не думай, – беря меня за руку, продолжил мужчина. – Мы ему гроб в полный рост сделали. Как был у него рост метр восемьдесят, так мы ему рост в рост. Я даже пиджак его потихоньку от матери приколотил гвоздиками к доскам. Думаю, понесут, а он ссунется, ног же нет?! Уже когда закопали, то люди подходили и на холм клали награды. Представляешь, вся могила была уложена наградами. Вот какой у меня был геройский батя.

Мой собеседник надолго замолчал, погружённый в воспоминания. Я тоже не спешил нарушать тишины, потрясённый судьбой человека.

– Ну, – неожиданно обратился ко мне Фёдор Игнатьевич, – какой я тебе подкинул материал? Напишешь?

– Как его называли? – потрясённый услышанным, пожимая плечами, поинтересовался я.

– Кого? – сразу не понял мужчина.

– Батю вашего.

– Краб.

– Ка-ак? – я пристально посмотрел на обескураженного моим вопросом собеседника.

– Краб, – одними губами проговорил Фёдор Игнатьевич, сотрясаясь от подкатывающегося нового приступа. Слёзы хлынули у него ручьями. Мужчина завалился на стол и, не скрывая чувств, разрыдался. Я не мешал ему, давая успокоиться. И самому было о чём подумать.

– Цыган ему сделал приспособления небольшие, – не поднимая головы, заговорил хозяин, – чтобы сподручнее держать равновесие. И когда батя передвигался, то опирался на все четыре культи. Как бы тебе объяснить? Представь, к одной культе руки пристёгнута сапа, к другой – скребок, чтобы с лопаты счищать налипшую землю, к ноге – лопата, а к другой – костыль. И вот всё это передвигается. Со стороны смешно было глядеть, и правда казалось, словно краб бежит.

Фёдор Игнатьевич снова захлебнулся слёзами. Давя в себе приступ, пытался продолжить рассказ, но только потрясал кулаком и скрежетал зубами. Наконец мужчине удалось справиться.

– Ты знаешь, – неожиданно продолжил Фёдор Игнатьевич. – Если бы не батя, мы бы в голод умерли. С сорок шестого по сорок седьмой сильный голод был, а батя мой с самого утра в огороде – копает, сажает, сеет. Всё, что могло вырасти, он сажал и сеял. Каждый день обрабатывал землю. По всей округе, по всем полям носился, собирал где что найдёт. Десять колосков найдёт, да что там десять, один колосок – так он ни одному зёрнышку не даст пропасть. Всё соберёт. Всё в дом, чтобы семью выкормить и не дать погибнуть. Сильные семьи поумерали. Мужики здоровенные не выдерживали и с голоду валились в снег, а мой батя носился с утра до поздней ночи. У нас за домом стояла тачка с навозом. Так он знаешь, что придумал? Зимой работы же нет в огороде, приспособил в погребе эту тачку и выращивал грибы. На наших грибах вся улица кормилась.

Фёдор Игнатьевич снова замолчал, потрясая уже двумя кулаками, и с силой обрушил их на стол.

– Как это понять? Вся улица кормилась, а они его – краб!

– Можно инструменты посмотреть? – я поймал себя на ощущении дикой потребности увидеть орудия труда этого чело-века.

Фёдор Игнатьевич словно ждал этого. Резво подскочил и скрылся в коридоре. Послышалось глухое бряканье кованого железа об паркет. Хозяин внёс на кухню два мешка и стал выкладывать прямо на стол.

– Вот они, все до одного. Я их потом из речки достал, чтобы память о бате осталась. Вычистил. Цыган у нас был кузнец что надо. Дело своё добре знал. Гляди, какой инструмент! Ты же знаешь, кованое железо ржа не берёт! У меня и батя был такой – настоящий русский мужик – кованый – ржа его не брала!

Три банки кофе

Рассказ

С протяжным гудком заходил в приграничную зону небольшой, из восьми вагонов, поезд, возвращающийся из Праги в Москву. Пассажиры взволнованно выглядывали в окна, выискивая приметы границы. В четвёртом, спальном вагоне немногочисленно – из девяти купе занято всего-то два. В одном из них попутчиков трое – Нина Ивановна, Николай Захарович и Сергей. Нина Ивановна, как она сама успела поделиться, сумела вырваться к дочке, которая живёт в Чехословакии с мужем, тот дипломат, работает в нашем торгпредстве. Николай Захарович возвращался из командировки на завод «Татра». О Сергее оба его попутчика ничего, даже малого, рассказать не смогли бы. С виду – молодой мужчина лет тридцати двух. Садилась в поезд ночью, а он зашёл в купе, когда поезд уже отъехал от вокзала. Ничего не говоря, освободил от матрацев нишу над коридором и затолкал в неё свой, огромного размера рыжий кожаный чемодан.

– Сергей, – коротко представился он взирающим на него соседям и завалился спать. Так всю дорогу его не было ни слышно и ни видно.

Тряхнув внутренностями, а затем грохотнув сцепкой, поезд завизжал тормозами. От этой канонады наконец проснулся и наш третий пассажир. Его взлохмаченная голова свесилась с полки и осмотрела соседней. Убедившись в том, что ничто не изменилось, его густые усы раздвинулись в широкую улыбку, которая озарила всё лицо.

– Вот это я всхрапнул, – свешивая босые ноги, радостно заговорил Сергей. – Придавил так минут по шестьсот на каждое ухо, – и снова его довольное лицо расплылось.

Достав из чемодана небольшой кейс и накинув полотенце на шею, он вышел в коридор.

– Куда это он? – озаботилась Нина Ивановна.

– Умываться, наверное, – пожимая плечами, предположил Николай Захарович.

– Так уже закрыли туалеты.

– Этому откроют, – уверенным тоном заверил мужчина. – Давайте пока почаёвничаем.

В подтверждение слов Николая Захаровича из тамбура слышался разговор Сергея с проводником, который наотрез отказывался подчиниться, а пассажир, словно не замечая протестов служаки, повторял одно и то же.

– Давай, давай, не разглагольствуй. Открывай быстрее. Открывай, открывай. Я бы уже сто раз вымылся, пока ты со мной торгуешься.

– Не-е могу я, запрещено в приграничной зоне открывать туалеты, – объяснял проводник.

– Какая граница? Они, что, не люди, не умываются? Я вот скажу пограничникам, что ты назвал их неумытыми. Спасибочки, я бы-быстро, – и лёгкий смехок Сергея закончился щелчком замка.

– Ну-у, прохвост, – проводник устремился по коридору к себе.

Поезд медленно въехал на вокзал и остановился. Из здания вышли люди в форме и направились по вагонам.

– Надо же, – взволнованно заговорила Нина Ивановна. – Где же наш сосед?

– Я здесь! – в широко распахнутой двери, обтирая лицо полотенцем, стоял Сергей и, как и прежде, широко улыбался, растянув усы через всё лицо.

– Серёжа, – взволнованно обратилась к нему Нина Ивановна, – вы не знаете, можно три банки кофе перевозить?

– Нет, я не знаю, – распахивая двери купе, ответил Сергей. – А вот и таможня! – неожиданно воскликнул он. – Сейчас узнаем.

Не успела Нина Ивановна опомниться, как стала центром внимания таможни.

– Товарищ таможенник, – Сергея несло, – подскажите вот тут женщине, можно три банки кофе с собой провозить?

– Сколько? – переспросил таможенник, но по его тону Нина Ивановна сразу всё поняла.

– Три банки растворимого кофе, – торжественно объявил Сергей.

– Не-е! Не положено, – заревел таможенник и грозно уставился на Нину Ивановну. – У кого тут контрабандный товар?

– Почему сразу контрабандный? – залепетала женщина. – Купила в магазине... везу баночку себе домой, одну дочке... и на работу баночку... сослуживцам...

– Не положено! – гремел грозно таможенник. – Так, с документами на выход.

– Зачем на выход? – перепугалась Нина Ивановна.

– Протокол составим и лишнее изыдем, – отрезал таможенник. – Так, гражданочка, документики взяли и на выход. Не забудьте банки с кофе прихватить. Все сдали документы для проверки!

Вмиг превратившись в самую несчастную женщину на свете, Нина Ивановна, раскрасневшаяся, перерывала сумочку в поисках паспорта.

– Да куда же я его сунула?! – совсем разнервничавшись, она села на полку и заплакала. – Эх, Серёжа, Серёжа! Я вам как другу, по секрету поделилась, а вы что же наделали?!

– Нина Ивановна, голубонька, ну что же я наделал? – растерянно оправдывался Сергей, передавая пограничнику свой и Николая Захаровича паспорта. – Вы спросили, я тоже спросил. Кто же знал, что не положено? Я же хотел как лучше.

– Господин таможенник, – не зная, как ещё помочь женщине, кинулся к проверяющему Сергей. – Простите вы её. Давайте я скажу, что одна банка моя.

– Не положено, – стоял на своём таможенник.

– Я же могу купить банку кофе у женщины? – не унимался Сергей.

– Да, да, – ухватилась за спасительную ниточку и Нина Ивановна.

– Женщина! – грозно крикнул таможенник. – Я сейчас привлеку вас ещё за спекуляцию, – и, сличив фотографии в паспортах, таможенник направился на выход. – Пошевеливайтесь, а то поезд задерживаете.

– Это что же? Они без меня уедут? – совсем убитая услышанным, разрыдалась Нина Ивановна, тяжело опускаясь на край полки. – Что же я преступницей стала? Я в жизни копейки чужой не взяла. Всю жизнь на фабрике проработала, и всегда для людей. Последнее от себя отрывала.

– Не переживайте вы так, – пытались утешить соседку мужчины. – Без вас поезд не уедет.

– Это же они на работу сообщат? – испуганно посмотрев, встревожилась Нина Ивановна.

– Никуда они сообщать не будут, – уверенно заявил Сергей. – Только изымут контрабанду и всё. – Сергей осёкся, поймав осуждающий взгляд Нины Ивановны. – Я имел в виду, надо быстро всё оформить, чтобы поезд не задерживать, а то за задержку поезда могут сообщить куда следует.

Заливаясь слезами и с укором качая головой, Нина Ивановна вышла догонять неуступчивого таможенника.

– Ну что? Я что, специально? Кто же знал?! – искал поддержки у соседа Сергей.

– Да ладно, разберутся, – Николай Захарович отвернулся.

У обоих настроение было испорчено, и разговор не клеился. Оставалось только ждать. Не поднял настроения и вернувшийся таможенник с паспортами. Он через дверь сунул их в протянутую руку и скрылся. Сергей хотел поинтересоваться о женщине, но тот так быстро убежал, что и след его простыл.

Со своим экземпляром протокола об изъятии контрабандной продукции Нина Ивановна вернулась в купе. Расстроенная вконец, она ни с кем не разговаривала. Села у окна и уставилась на улицу. На улице объявили отправление состава. Медленно стали стекаться от вагонов к зданию таможни сотрудники погранпоста. Поезд, коротко прогудев, медленно пополз мимо вокзала, набирая скорость. Обитатели купе сидели молча, каждый погружённый в свои мысли.

Неожиданно Сергей засуетился. Выглянул в окно и вышел в коридор. У проводника справился, далеко ли уже отъехали от границы и скоро ли будет большой город. Получив удовлетворительную информацию, довольный вернулся в купе.

Николай Захарович встретил соседа с улыбкой, а Нина Ивановна только грозно посмотрела и ещё сильнее разозлилась, когда увидела его сияющую физиономию. Сергей и правда был в приподнятом настроении, казалось, его не занимало настроение женщины. Он вскочил на полки и стащил вниз свой чемодан. Когда открыл его, то и Нина Ивановна, и Николай Захарович ахнули, чемодан был доверху заполнен в несколько рядов банками точно такого же кофе, который полчаса назад изъяли у Нины Ивановны как контрабанду.

– На, тётка, твой кофе! – весело объявил Сергей. – И не три, а целых пять банок тебе даю! Захарович, – Сергея несло, – и тебе банку за артистичную импровизацию!

Олег ЦУРКАН

Бушующий апрель

Рассказ

После очередного приступа головной боли Вадим с ненавистью швырнул пустые пачки из-под бесполезного цитрамона в мусорное ведро и отправился на улицу покурить. Дымить в помещении банка категорически запрещалось, поэтому тем, кто страдал никотиновой зависимостью, начальство милостиво разрешало курить во внутреннем дворике на специально огороженном тяжелыми чугунными цепями пятачке.

Оказавшись на крыльце банка, Вадим достал сигарету, но не успел чиркнуть зажигалкой, как услышал за спиной недовольное покашливание охранника. Вадим обернулся и, чтобы избежать нравоучений, попытался сквозь боль выдавить из себя улыбку. Скорченная им гримаса скорее озадачила стража порядка, чем расположила к себе, поэтому, недолго думая, Вадим успокаивающе помахал охраннику зажатой в руке сигаретой и поспешил на пятачок.

Здесь на скамеечке уже сидели трое менеджеров из планового отдела и, окутанные облаком табачного дыма, что-то живо обсуждали промеж себя на молдавском языке. Одного из менеджеров звали Даном Попеску. С Вадимом они познакомились год назад на новогоднем корпоративе. В тот раз Вадим единственный из чинной офисной публики согласился поддержать Дана в стремлении по-мужски, как следует проводить Старый год. У Дана тогда были какие-то проблемы на любовном фронте. С предложением напиться он подвалил к Вадиму, будучи уже под хорошим градусом. Говорил он по-молдавски, но Вадим без труда понял, о чем речь. Ответив Дану по-русски, что не возражает против хорошей попойки, Вадим поднял в подтверждение слов рюмку с водкой. Тогда Дан, щелкнув воображаемыми каблуками, представился, но, переходя на русский, умышленно поменял ударение в своей фамилии со второго слога на последний, отчего его молдавское «Попе́ску» прозвучало, как русское «по песку». Вадим оценил самоиронию собеседника и в ответ тоже удачно пошутил. Они разговорились и, выпивая, весело провели за остроумной беседой остаток скучного, в общем-то, корпоратива. С тех пор Вадим с Даном поддерживали приятельские отношения. Встречаясь в коридорах банка, они дружески раскланивались, обменивались последними новостями, сплетничали и даже пару раз ездили в шумной компании Дановых друзей на рыбалку.

Выйдя на пятачок и услышав, что менеджеры говорят между собой по-молдавски, Вадим к ним не подошёл, а устроился на дальней от них лавочке. Он не владел молдавским языком, поэтому во избежание неловкости в незнакомой компании лишь приветливо кивнул Дану и, отвернувшись, стал отрешенно глядеть в сторону.

– Вадим! – громко по-русски окликнул его Дан. – Иди к нам, чего в углу жмёшься!

Незнание Вадимом молдавского языка несколько не смущало Дана и никогда не служило препятствием для общения с ним. Кроме русского Дан свободно владел ещё несколькими иностранными языками. Вадиму запомнилось, как на одной пирушке, хвастая, что у него по всему миру полно друзей, Дан приложил к уху трубку мобильного телефона и битый час разговаривал с разными заморскими приятелями то по-английски, то по-французски. Его еле угомонили.

Легкость, с какой Дан пересказывал с одного языка на другой, побудила Вадима мысленно поклясться себе с ближайшего понедельника начать изучение молдавского языка. Он даже купил несколько учебников и словарей. И даже тетрадку завёл, в которую собирался выписывать новые слова. Но именно в ближайший понедельник, чрезвычайно загруженный на работе, Вадим устал настолько, что, придя домой, ни читать, ни тем более учить что-либо не имел ни сил, ни желания. Впрочем, уже не в первый раз. Таких понедельников за те двадцать лет, что прошли с момента обретения Молдовой независимости, когда статус государственного языка вместо русского обрёл молдавский, накопилось в жизни Вадима немало. И всегда под рукой находилась веская причина отложить выполнение данной себе клятвы.

Нельзя сказать, правда, чтобы Вадим совсем не знал языка. Работая программистом в банке, он владел молдавским в необходимом канцелярском минимуме, да и на бытовом уровне понимал достаточно. Но так, чтобы полноценно общаться, свободно выражать мысли, этого он, конечно, не мог. В учебниках рекомендовали погрузиться в среду, языком которой хотелось бы овладеть, однако что это за среда? Дом, друзья, работа? Но дома с женой и дочерью Вадим общался на русском языке. С друзьями тоже.

По телевидению и радио смотрел и слушал российские или русскоязычные европейские каналы. Газеты, если читал, то исключительно русскоязычные, благо, их недостатка в Молдове пока не было. Что же до работы Вадима, то в банке молдавскому языку отводилась далеко не главная роль. Делопроизводство здесь велось в основном на английском языке, реализацию поставленных перед ним задач Вадим осуществлял тоже на английском, так что при такой англоязычной нагрузке не то что молдавский не выучишь – родной русский забудешь. О том же, что будет в Молдове с русским языком через десяток лет, Вадим старался не думать.

– Слышал, что в городе творится? – живо спросил у Вадима Дан.

– Нет. А что там? – протягивая руку для рукопожатия, спросил Вадим.

– Это Кристиан, это Нику, – быстро представил Дан менеджеров и, пока те здоровались, весело продолжил: – Да вот я рассказываю мужикам. Оппозиция перед зданием парламента несколько тысяч человек вывела! Студентов в основном! Орут, что результаты состоявшихся на днях парламентских выборов сфальсифицированы.

– Кем? – не понял Вадим. Он совершенно не интересовался политикой. Разгул национализма в конце восьмидесятых-начале девяностых, Приднестровская война и последующее за ними двадцатилетнее увязание Молдовы в нищете и коррупции настолько разуверили Вадима в здравомыслии молдавских правителей, что он пренебрегал молдавскими политическими новостями.

– Кем, кем, – передразнил его Дан, – правящей верхушкой! Коммунистами!

– А-а, – понимая теперь, о чем разговор, протянул Вадим и не столько заинтересованно, сколько из вежливости спросил: – И чего ж хотят митингующие?

– Как чего?! – вскрикнул Дан, удивляясь спокойствию Вадима. – Перевыборов, конечно! Но это одни! А другие требуют немедленного присоединения к Румынии! По новостям передавали, что на границе задержаны какие-то румынские экстремисты. А сколько их уже приехало – не известно! Говорят, перед зданием парламента уже стычки с полицией происходят! Там же одни студенты! Их же хлебом не корми – дай побузить! Это тебе не экзамен на «отлично» сдать. Чтоб в мента камнем из толпы запустить, много ума не надо! Особенно когда румынские заводилы пуще местных в сиротском плаче заливаются!

– А ты-то чего радуешься? – ухмыльнувшись так, чтобы не тряхнуть головой и не всколыхнуть приутихшей боли, спросил Вадим. – Тоже в Румынию захотел?

– А то я не был! – засмеялся Дан. – У меня там родни выше крыши! Мне другое интересно! Коль началась такая заваруха: братья-румыны понаехали, оппозиция на дыбы встала, – может, действительно, как понесет нас сейчас оторванным прицепом к Румынии, да как жажнет об неё со всего размаху! Ты как, Вадим, думаешь, прав я?

– Нечем мне думать, – поморщился Вадим. – Башка раскалывается, будто в неё топор всадили. Ты у нас банковский воротила, ты и соображай, кому новый бардак выгоден.

– Думать я потом буду, – хлопнул себя по колену Дан, – а для начала надо к парламенту смотаться. Посмотреть, о чём люди глотку рвут. Я сунулся к своему заводу, чтобы отпроситься на часик, но он так на меня рявкнул, что мне не только пораньше не уйти, но и допоздна здесь торчать придётся. Иначе премии лишат.

– Ну и правильно делает, что не пускает, – сказал Вадим, зажмурив глаза от нового приступа боли. – Ты, что, толпы ни разу не видел? Как Союз рухнул, так добра этого, кажется, достаточно насмотрелись.

– Обидно мне! – Дан резко вскочил и, указывая зажатой двумя пальцами сигаретой в сторону центра города, воскликнул: – Вот мы здесь с вами спокойненько сидим, сигаретки покуриваем, а на площади, может, уже парламент штурмом берут! – Дан, паясничая, замахал древком невидимого знамени. – А что?! Чем молдаване хуже остальных? Может, мы тоже революцию заслужили! С Робеспьерами, с «Авророй!» Глядишь, не мамалыгой, так пушечным громом на весь мир прославимся! В студентов у нас еще не стреляли! Стрельнут – и мы в мировой истории!

Нику с Кристианом заулыбались над кривляниями Дана, а Вадим, стараясь не трясать больной головой, сказал:

– Тебе, Дан, лишь бы языком трепать. Сам-то ты хочешь, чтобы мы с братьями-румынами объединились?

– Дан румын не любит, – ответил за приятеля Кристиан. – Он у нас государственный. Всё о молдавской независимости печётся.

– И, между прочим, неспроста, – Дан скорчил недовольную мину. – Родня моя румынская, знаешь, какая высокомерная? Что ты! Белая кость! Я для них дворняжка бессарабская. Поэтому я лучше буду

первосортным молдаванином здесь, чем второсортным румыном в Румынии.

– Что ж тогда обо всех русскоязычных говорить, о молдавских болгарях, о гагаузах? – превозмогая боль, спросил Вадим. – Если ты, молдаванин, в Румынии себя человеком второго сорта чувствуешь, какого сорта мы все остальные там окажемся?

– Вот заладили «братья-румыны», «люди второго сорта!» – Кристиан говорил по-русски с сильным акцентом, и, видимо, неправильность речи смущала его. Поэтому дальше он продолжал по-молдавски. – Где вы набрались этой дряни? Был я в Румынии. Нормальное европейское государство! Цивилизованное государство, – уточнил он, – где права человека, в отличие от нашей Молдовы, соблюдаются на самом деле! Нам бы хоть толику их цивилизованности, глядишь, и тоже бы по-другому зажили.

– А мы, значит, дикари, – с иронией в голосе заключил Дан.

– А разве нет? – в тон ему ответил Кристиан. – Вон Европа, после Второй мировой войны за двадцать лет из пепла возродилась и до рая добралась. А мы за двадцать лет независимости только и научились, что друг дружку есть да разжиревшим племенным вождям поддакивать.

– Так вот зачем румыны сюда понаехали, – понимающе закивал Дан. – Цивилизованной дубинкой будут нас от дикости избавлять.

– Что за чушь! – возмутился Кристиан. – Я про эту дубинку не от тебя первого слышу. Где вы набрались этого вздора?

Пока Дан затягивался сигаретой, вместо него ответил Вадим:

– Кто где. Мне, например, про неё ещё в девяносто первом братья-молдавине вдолбили, когда из троллейбуса выволакивали за то, что я кому-то из них чего-то там по-русски ответил.

– Так это когда было, – небрежно отмахнулся Кристиан. – Времена-то изменились.

– Вижу я, как они изменились, – стараясь не нервничать, сказал Вадим. – На площади сейчас, небось, снова националисты бузу поднимают.

– Дурачье там, а не националисты, – возразил Кристиан. – Студенты! А этому народу всё равно, за что дебоширить, лишь бы дармовое пиво наливали.

– Чтоб вы знали, как мне всё это надоело, – вступил в разговор третий менеджер Нику. Как и Кристиан, он обращался к говорящим по-русски Дану и Вадиму по-молдавски. – Наши парламентские кровососы между собой грызутся, а народ волнуется, переживает. Думает, кровососы о народе пекутся. А эти ведьмаки только о своём кармане заботятся. Что мы, молдавине, за народ! Сколько лет на одни и те же грабли наступаем и всё никак не поймём, что нельзя за нашу власть глотку на площадях рвать. Нашими руками один кровосос сменяет другого, а народ как копошился в своей суверенной помойке, так и продолжит копошиться.

– Помойка, – с упреком повторил Дан. – Тебе, Нику, при таких взглядах на отчизну надо от молдавского гражданства отказываться.

– А я уже, – согласно кивнул Нику. – Со дня на день должен получить румынское гражданство. Уже терпения не хватает. Как только получу паспорт, в тот же день ноги моей в Молдове не будет.

– К родственникам поедешь, в Румынию? – докуривая сигарету, спросил Кристиан.

– Нужна мне та Румыния, – презрительно отмахнулся Нику. – С румынским паспортом можно по всей Европе колесить. В Италию поеду. Или ещё куда. Европа большая, хлебных мест в ней достаточно.

– Видал я таких умников! – съязвил Дан. – Возле посольства Румынии не протолкнуться от таких европейцев. И, главное, молодые в основном. Плоть и кровь нации. Куда вас всех несёт? Чего вам здесь не работается?

– За похлёбку? – ухмыльнулся Нику. – Сам так живи! Вон у меня сосед в Италии стропальщиком работает. Так за пять лет уже и машину купил, и дом обустроил, и кредит за квартиру выплачивает. А у нас здесь на зарплату квартиру купишь? Нет. А там это возможно. А раз там это возможно, а здесь нет, и раз там у меня дом появится, а здесь – нет, то и жить я буду там. Сосед мой в Италии кредитами по рукам и ногам связан, но нужду ни в чём не испытывает. Я его спрашиваю: «Ты сюда вернёшься когда-нибудь?», а он мне: «Ещё чего! Сдались вы мне с вашей нищетой!» И он прав. Да и изменился он сильно. Совсем европейцем стал. После работы в кафе ужинает, а потом остаток дня в социальных сетях сидит, треплется.

– Да уж, – грустно согласился с Нику Кристиан. – Может, и мне за тобой податься?

– Ну вы даёте, мужики, – осуждающе закачал головой Дан. – Уедете все, кто ж здесь останется? Русские, хохлы да гагаузы? – он метнул хитрый взгляд на Вадима. – Вадим, который молдавского не знает?

– Давай, давай, издевайся, – не поддерживая игривого настроения Дана, сказал Вадим. – Я, может, тоже возьму и в Россию перекочую. Только меня здесь и видели.

– Не перекочуеть, – уверенно заявил Дан. – Хотел бы уехать – давно бы уехал.

– В Россию? – пренебрежительно скривился Нику. – Какой смысл? В Россию цивилизация ещё не скоро придёт. Это же патриархальная страна. Там пока царь-президент чего-нибудь не прикажет, никто и пальцем не пошевелит. В Москве у них неплохо. В Питере тоже. А так в России жизни нет.

– Ну да! – возмутился Вадим. – Ерунду-то не говори. По телевизору только и говорят о подъёме страны.

– Конечно, в подцензурных программах они себя и не так ещё перед миром выставляют, – не меняя пренебрежительного тона, сказал Нику. – А на самом деле как хлебали щи лаптем, так и хлебают. В России, чтобы что-то с места сдвинулось, надо обязательно кровь реками пролить. Или столько народу по тюрьмам пересадить, чтоб даже китайцы от страха перекрестились. Вот как начнут в России сажать или расстреливать, так, значит, пошло какое-то шевеление. Судьба у неё такая, у России твоей.

Вадим с досадой поморщился от слов менеджера.

– Тебе-то откуда про судьбу знать? – сверху вниз глянув на Нику, грубо спросил Вадим. Он чуть не выпалил «европейчик задрипанный», но вовремя сдержался. Пренебрежительный тон, с каким менеджер отзывался о России, невероятно возмутил Вадима. Может, потому, что, рождённый и выросший в СССР, он не мог отречься от некогда общей истории. Его отречение означало бы тогда предательство самого себя, своего прошлого и прошлого своих родителей. А может, потому, что народы бывшего советского государства всё ещё воспринимались им по привычке как один народ, хотя уже и не советский. Народ, в стремительных потоках страстей которого, в сумбуре мыслей, эмоций и желаний скрывалась великая тайна мироздания. Вадима не покидало ощущение, что, может быть, именно сейчас, в столкновениях противоположных устремлений, когда под гнётом внешнего давления обнажаются неведомые до сих пор пласты человеческой души, ему и откроется великий смысл бытия, сокровенная тайна человеческой жизни. И тогда ему приходило на ум, что, возможно, азарт от предчувствия близкой уже разгадки этой тайны, тот азарт, что наполнял его душу восторженным трепетом, именно он и назывался патриотизмом?

Впрочем, уехавшие за границу друзья называли патриотизмом одну из разновидностей лени, отсутствием изворотливости, что так или иначе в современном динамичном мире являлось синонимом ограниченного ума, почти что тупости. «Пойми, – поучали они Вадима, – сегодня Родина там, где выгодно». Вадим не спорил и, невольно поддаваясь их энергичному напору, нет-нет, да и задумывался об отъезде. Правда, не куда-то конкретно: в Россию ли, в Америку – а об отъезде вообще. Хоть куда. Помаявшись в тяжелых раздумьях день-другой, он наконец остывал к своей затее и в погоне за хлебом насущным продолжал существование суетного добытчика. Мысли об отъезде возвращались к нему лишь в тяжелые минуты жизни, связанные чаще всего с отсутствием достойной работы. Но стоило только появиться нормальному заработку, как тут же мечты о загранице терялись в сутолоке повседневных забот. «Зачем? – недоуменно пожимал он плечами, зазывающим уехать друзьям. – Мне и здесь неплохо». И при этом не кривил душой. Он и сам не мог бы объяснить равнодушия к благам западной цивилизации. Возможно, потому, что исторически на территории маленькой Молдовы в избытке намешалось и Запада и Востока, отчего душа Вадима всегда находила подпитку в самодостаточной культуре этой земли.

– Откуда мне знать? – ухмыльнулся Нику. – Ты, что, новости не смотришь? Русские же сами о себе всё рассказывают. И страшно и противно смотреть.

Острая боль в висках заставила Вадима мысленно выругаться. «Ох уж мне эта голова», – с раздражением подумал он. Но, сетуя на нездоровье, часть досады за физическое расстройство Вадим невольно переносил на Нику, огульное охаивание России которым оскорбляло Вадима и настраивало как против самого менеджера, так и Европы, такими людьми, как Нику, возведённую в эталон цивилизованности. «Противно ему, – передразнил менеджера Вадим. – А под педераствующую Европу тебе не противно прогибаться?». Вадима коробила манера таких новоиспеченных европейцев, как Нику, раболепно преклоняясь перед Европой, обязательно с презрением высказываться о российском государстве. Эти высокомерные отзывы пробуждали в душе Вадима неосознанное желание встречной волной негатива защитить от поругания далёкую расстоянием, но близкую духовно Россию.

Но пока Вадим сквозь головную боль собирался с мыслями, намереваясь противоречить менеджеру в его осуждении России, Дан, почуяв неладное в настроении Вадима, благоразумно поменял тему разговора и теперь весело тараторил о глупости местных полицейских, потерявших контроль над разбушевавшейся толпой. Менеджеры в разговоре уже не переходили на русский, а говорили только по-молдавски.

– Слушай, Дан, – вдруг осенило Вадима, – так если в центре буза, значит, центр перекрыт. И как же мне тогда домой попасть?

– У-у, приятель, да ты влип. Вот что значит безлошадный человек. Раз ты у нас общественным транс-

портом пользуешься, – рассудительно заметил Дан, – то поезжай лучше сейчас. Потом иди знай, что будет.

Согласившись с Даном, Вадим быстро со всеми распрощался и заторопился в офис. Его отпустили без проблем – с утра все видели, как он мучается. Вадим прихватил сумку с ноутбуком и поспешил на троллейбусную остановку.

На остановке столпилось множество народа. Не желая терять времени, Вадим у продавщицы в газетном киоске узнал, когда был последний троллейбус. Оказалось, сегодня троллейбусы едут по измененному маршруту, в объезд центра, поэтому иначе как на маршрутке Вадиму не уехать. И тут весьма кстати подъехал нужный Вадиму маршрутный микроавтобус. Вадим наскоро поблагодарил продавщицу и через окно микроавтобуса глянул внутрь забитой машины. «Не помешусь», – подумал Вадим, но всё же рванул дверцу микроавтобуса и втиснулся в салон.

– Через центр! – громко объявил водитель, принимая деньги за проезд. – Едем через центр!

– Как через центр?! – вдруг начали возмущаться пассажиры. – Там же беспорядки! Почему вы заранее не предупредили?

– А я и не обязан предупреждать, – равнодушно отвечал водитель. – У меня такой маршрут. Менять его я не имею права.

– Зачем же рисковать?! Езжайте в объезд или верните нам деньги за проезд! – негодуя, кричали пассажиры.

– Да? А если я в объезд поеду, кто мне за солярку заплатит? – оборачиваясь к кричащим людям, нервно спросил водитель. – Умники какие! В общем так! Я еду по своему маршруту. Хотите – оставайтесь. Нет? Пожалуйста, вот остановка, не задерживайте маршрутку. У меня и так сегодня график сдвинут!

Видимо, в центре города действительно происходило что-то серьезное, потому что большая часть пассажиров, посылая в адрес водителя злобные высказывания, благоразумно покинула микроавтобус, так что даже появились свободные места. Одно из них, в последнем ряду среднее по проходу, Вадим и поспешил занять. Остальные места заняли поднявшиеся вслед за Вадимом смельчаки с остановки. Водитель и им объявил по-русски и по-молдавски, что едет через центр. «Не беда, лишь бы ехать», – отвечали заждавшиеся троллейбуса люди. Водитель плотнее захлопнул за последним вошедшим пассажиром дверь и тронулся в путь.

Слева от Вадима сидели две полные пожилые женщины и тихо по-русски жаловались друг другу на тяготы жизни. По правую руку от него в белом плаще и повязанном на шее шелковом цветастом платочке сидела женщина лет сорока. В руках она держала большой букет желтых хризантем, обернутый в плотный, трещавший при малейшем движении целлофан. На красивом лице женщины застыла гримаса брезгливого неприятия окружающей реальности. Вадим не понимал, что вызывало у неё отвращение: то ли то, что она, нарядная, пахнущая духами и хризантемами, вынуждена сидеть наравне со всеми в душном салоне микроавтобуса, то ли то, что Вадим осмелился дерзко вклиниться между тремя женщинами, тем самым потеснив их. В любом случае Вадиму не хотелось её тревожить, поэтому, устраиваясь между женщинами, он не откинулся на спинку кресла, а, скрючившись, установил сумку с ноутбуком на колени, облокотился на ребро компьютера и попытался в таком неудобном положении удержать равновесие при резких манёврах микроавтобуса. Глядеть в окна через головы соседок Вадим посчитал неприличным, поэтому, чтобы лишний раз не вертеть головой, принялся украдкой рассматривать пассажиров.

Все места здесь занимали женщины разных возрастов. Вообще, если не считать Вадима, водителя да сухого старичка-инвалида, расположившегося на переднем сиденье, мужчин в салоне больше не было. В проходах теснились подбираемые по дороге подростки, юноши и девушки. Они весело перекликались между собой, спорили по поводу возможных стычек с полицией, смеялись, шутили. Молдавская речь здесь перемежалась русской. Парни петушились перед девушками, выказывая себя героями, сорвиголовами. Девушки прыскали со смеху и, издеваясь, дразнили кавалеров, не веря в их отчаянность. Шум от веселой болтовни молодёжи стоял в салоне приличный. Сидевшие женщины с осуждением поглядывали на разбушевавшихся подростков, но замечаний молодым людям не делали. Они лишь укоризненно качали головами да обменивались с соседями неодобрительными восклицаниями, неслышными, впрочем, в общем весёлом гомоне.

Вадим тоже осуждал легкомысленное отношение подростков к городским беспорядкам. Веселье молодых людей порождало ощущение несерьёзности происходящих в городе событий, а варварский задор молодёжи не вызывал ничего, кроме раздражения. Вадим предположил, что, вероятно, с таким же задором вандалы разрушали величественный Рим.

К тому же от разноязычного галдёжа у Вадима усилилась головная боль. Он закрыл глаза и, стараясь не двигать головой, прислушался к звучащей в салоне радиотрансляции. Однако вместо ожидаемых новостей с центральной площади Кишинёва по радио передавали песни о нелёгкой жизни современных заключённых. Радиотрансляция, измотанная душеспитательными историями, часто прерывалась на социальную рекламу. Созданная при поддержке какого-то европейского фонда, она призвала радиослушателей правильно пользоваться индивидуальными средствами гигиены. Диктор нравоучительным тоном убеждал чистить зубы только своей зубной щёткой, бриться только своей бритвой, отвергая нестерильные чужие. «За дикарей нас считают, – спокойно подумал Вадим. – Вот кто мы для европейских наших соседей. Хотя... Сами виноваты. Смотрим на них снизу вверх, сами добровольно унизились, чего ж теперь сожалеть».

Его невесёлые размышления прервал телефонный звонок у соседки справа.

Поприветствовав по-молдавски собеседника, соседка тут же пожаловалась, что вот сломалась машина, поэтому она вынуждена ехать общественным транспортом, а за рулем хам сидит, ему нет никакого дела до пассажиров. А сейчас ещё через центр пробираться. Хаму нет бы объехать опасное место, а он упёрся и делает только то, что сам пожелает. Поэтому она наверняка опоздает.

В одном супермаркете Вадим как-то слышал разговор двух румын. Соседка говорила так же как они, тоже четко произносила каждое слово, не глотая предлоги и окончания. Только акцент у неё был мягче, не такой резкий. Вадим даже слегка повернул голову в сторону соседки и, делая вид, что созерцает проносящиеся в окне улицы Кишинёва, украдкой следил за движением её губ, маковым цветом горящими на чрезмерно выбеленном косметикой лице. Затронув в разговоре события, происходящие в центре города, соседка выразила одобрение действиями разбушевавшихся студентов. Её густо накрашенные помадой губы растянулись в улыбке, обнажив два ряда прекрасных белых зубов. Но улыбка эта не понравилась Вадиму. Она напомнила ему оскал голодной хищницы вблизи обреченной уже жертвы. И то, с каким злорадством заблестели у соседки глаза, лишь усиливало возникшее сходство.

– Уже убили кого-то? – сдерживая восторг, спрашивала соседка у невидимого собеседника. Ноздри её зашевелились, вбирая воздух. – Много жертв?.. Они полицию или полиция их?.. Нет, лучше, конечно, чтобы они полицию, а то устроили они здесь... Шагу ступить нельзя, чтобы в полицейского не ткнуться.... Давно пора на место поставить... – Соседка вдруг странно зашипела, будто поперхнулась воздухом, но это она так смеялась, выражая удовлетворение узнанными новостями. – А мы сейчас сами всё увидим... – похвастала соседка и взглянула в окно. – Мы уже подъезжаем.

И действительно, микроавтобусу оставалось всего пара кварталов до здания президентуры, где сейчас происходили главные события. Маршрут микроавтобуса проходил на два квартала ниже центральной улицы Кишинёва, так что высотку президентуры микроавтобус проезжал с тыльной стороны. В салоне стало гораздо тише, и даже подростки галдели не так задорно, как прежде. Шутливо намекая, что их давно заждались, они вежливо попросили водителя не забыть остановить в нужном им месте.

– Забудешь тут, – огрызнулся водитель, затормозив у бордюра. – Всё! Приехали! Выходите!

– А в чём дело?! Почему так рано?! – загалдели подростки и, согнувшись, пытались через лобовое стекло рассмотреть дорогу. Но всюду, впереди и по бокам микроавтобуса, неподвижно стояли легковые автомобили и маршрутные микроавтобусы. И, судя по отсутствию выхлопных газов, стояли уже давно. Поняв бессмысленность дальнейших расспросов, подростки начали покорно покидать салон.

– Чего стоите? – обратился водитель к тройке оставшихся студентов. – Пробка впереди, не видите что ли? Выходите и пешком топайте. Вам тут недалеко осталось.

Когда подростки, гогоча, выскочили на улицу и громко хлопнули дверью, водитель неодобрительно зацыкал языком, уменьшил звук радио и достал мобильный телефон.

– Здоров, Мишка! – громко по-русски сказал он в трубку. – Ты стоишь или едешь? А-а, значит, я не ошибся, твоя машина впереди.... Нет, я тут недалеко от тебя. Ты диспетчеру звонил? Давай, звони. И про меня ей тоже скажи! Неизвестно, сколько ещё здесь стоять придется.... А-а, вот оно как. Тогда да, тогда ладненько.... Но ты всё равно позвони, на всякий пожарный.... Да, давай. Всё, я на связи.

Водитель обернулся к пассажирам и предложил:

– В общем, так, граждане. Тут пробка небольшая. Я напарнику звонил, впереди колонна студентов к парламенту движется. Когда они пройдут, тогда уже все тронутся. Так что придётся подождать немного. Кому невтерпёж, могут выйти, пройти вперёд. Там маршруток достаточно. Выбирай любую.

Водителю никто не ответил, но никто и не вышел из микроавтобуса. Шофёр сделал звук радио чуть громче, заглушил двигатель и, закинув руки за голову, развалился в кресле, весело насвистывая в такт звучащей мелодии.

У Вадима от скорченного положения давно ныла в пояснице спина, ноутбук отдавил колени, ноги затекли. Поэтому он распрямил плечи, положил сумку с компьютером плашмя на колени, а ноги, разминая, вытянул в проход. При этом он задел букет правой соседки, целлофан затрещал, соседка недовольно пробормотала, что надо быть аккуратней, и, видимо, не доверяя послушанию Вадима, подняла букет и заслонила им окно. Вадиму пришлось отвернуться, и тут он увидел приближавшуюся толпу студентов. Молодёжь двигалась сразу с двух сторон спереди и снизу, поднимаясь в направлении парламента с нижних улиц. Из-за большого скопления машин прибой толпы разбился на мелкие потоки. Обтекая плотно стоявшие автомобили, как волна, накатившая на каменистый берег, толпа студентов быстро заполнила пустующее пространство между тесно стоявшими машинами. И так же быстро с приливом молодёжи увеличился и поднимаемый ею шум. Сначала это был неясный гул многих голосов, с отдельными выкриками и призывным свистом. Но постепенно, чем плотнее толпа облепляла микроавтобус, тем различимее становились разговоры, смех, гоготание ломающихся подростковых голосов.

– Ну, началось, – заелозил в кресле водитель и выключил радио, отчего шум толпы за окнами увеличился ещё больше.

– Что будет? Что будет? – чуть слышно запричитала по-русски старушка на переднем сиденье и, глядя на иконки православных святых, прикрепленных для оберега к приборной доске микроавтобуса, принялась быстро-быстро креститься. Святые молча взирали на пассажиров, а застывшая на их лицах тревога за человечество, сейчас казалась тревогой за всех людей, сидящих в микроавтобусе.

– А кто его знает, что будет, – громко по-русски ответил водитель, словно вопрос старушки адресовался лично ему. – Никто не знает. Может, сейчас русских начнут по одному выводить и расстреливать, – в салоне, казалось, стало ещё тише. Водитель обернулся и, видимо, удовлетворённый произведённым впечатлением, широко осклабился в довольной улыбке. – А может, всем без разбора репы начистят! Они ж пьяные. Им сейчас что ни прикажи – всё сделают!

У Вадима ёкнуло сердце. Колени предательски дрогнули. По телу пробежал озноб. Вадим схватил ноутбук и, презирая себя за минутную слабость, с отчаянием подумал: «Просто так не дамся! Хоть одного – да покалечу! – и он, как слепой, ощупывая ноутбук с торцов, решил: – Углом отбиваться! В глаз! Или в висок!»

– Как это, всем без разбора?! – словно очнувшись, возмутилась по-молдавски правая соседка Вадима. – Что ж вы так спокойно сидите?! Немедленно закройте изнутри маршрутку!

– Только не надо, гражданка, мне тут приказывать! – резво огрызнулся по-молдавски водитель. – И студентов провоцировать не надо! Увидят, что заперто, начнут камнями кидать! Или арматурами бить! Дай Бог, чтобы вообще не подожгли! А кто мне потом ущерб возместит? Вы что ли?

– А что вам дороже – маршрутка или жизнь? – истерично взвизгнула соседка.

Пассажиры загалдели, что женщина права, надо скорее закрыться, а там будь что будет. Другие приняли сторону водителя, считая, что не надо провоцировать молодёжь, ей же чем больше препятствий, тем лучше. Шанс силу показать. Друг перед другом повыпендриваться.

– Вот что, граждане, я вам скажу, – повышая голос, чтобы перебить общий гомон, обратился ко всем по-молдавски водитель, но в зеркало заднего вида глядел только на соседку Вадима. – Если кто внутрь сунется – я с ним договорюсь! Даже если по морде получу – не велика потеря! Зелёнкой помажу, и пройдет! А вот если мне машину покалечат, то у меня такие расходы будут, что мама не горюй! Так что пусть лучше морду бьют! – не терпящим возражения тоном заключил водитель.

А толпа снаружи всё напирала и напирала. Окна облепили растопыренные ладони, раскрасневшиеся смеющиеся лица. Обтираясь плечами о стальной корпус микроавтобуса, толпа зашуршала, заскребла снаружи. Касания спин, плеч, гулкие удары рук, упирающихся в борта автомобиля, враждебным шумом обрамляли напряжённую тишину в салоне. Пассажиры, словно киношные подводники, боясь обнаружения, затаились каждый на своём месте и не проронили ни слова. А бурлящий людской поток все накатывал на капот микроавтобуса и, разрезанный им, растекался по сторонам, уносясь прочь. Вот из толпы вынырнула зажатая в кулаке стеклянная бутылка пива. Кулаком упёрлись в межоконную перегородку, бутылка чуть ударила по стеклу, и глухой удар её заставил пассажиров вздрогнуть, а водитель обернулся и, хмурясь, следил, как бутылка исчезла в толпе, потом вынырнула в дальнем окне микроавтобуса, ещё раз прощальным стуком напомнила о себе и исчезла теперь уже навсегда. Подростки сквозь пыльные стекла с любопытством заглядывали в салон, высовывая языки, дразнили пассажиров, корчили им страшные рожи. Некоторые женщины, в страхе наблюдая за обтекающей машину толпой, осеняли себя крестным знаменем и вслед за старушкой на переднем сиденье повторяли как заклинание:

– Господи, что будет? Что будет, Господи?

Их ропот тонул в шумном многоголосье ликующей толпы.

Вдруг по правую сторону микроавтобуса послышались улюлюканье и свист. Тут же из-за угла одноэтажного дома вывалилась толпа бегущих от парламента манифестантов. Щеки их горели алым румянцем, глаза возбужденно блестели. Невозможно было понять, пьяны они или просто раскраснелись от бега. Многие были легко одеты: джинсы, джемпера, рубашки с длинным рукавом. Лавина митингующих, не останавливаясь, неслась вниз, но плотный встречный поток прибывающих людей изменил её направление, толпа повернула влево и на предельной скорости ударила в борт микроавтобуса. Машину сильно качнуло. Завидев это, облепившие микроавтобус студенты, подбадривая друг друга, попытались ещё сильнее раскатать машину с явным намерением перевернуть её. Одна из женщин в салоне взвизгнула, и вслед за ней, в одно мгновение, все пассажиры повскакивали и, истошно крича проклятия и угрозы, замолотили ладонями по окнам микроавтобуса. Вадим тоже поддался общей панике. Запихав подмышку ноутбук, он сунулся было к окну, чтобы пригрозить шпане кулаком, но соседка справа, истерично посылая проклятия в адрес манифестантов, так усердно хлестала букетом по окну, что не заметила, как, размахивая цветами, несколько раз огрела Вадима букетом по лицу. От острой боли в глазах Вадим мгновенно прослезился и, чтобы не выронить ноутбук, согнулся, схватился руками за лицо и грохнулся на своё место. Массируя пальцами глаза, Вадим почувствовал, что болтанка кончилась. Когда же он утёр наконец обильно пролившиеся слёзы и посмотрел в окно, то увидел, как между толпой студентов и микроавтобусом бегаёт небольшого роста пухленький мужичок в белой летней сорочке с коротким рукавом и, живо размахивая руками и крича, заставляет молодёжь вернуться к парламенту. Ему помогало несколько ребят покрепче. Так же внезапно, как и нагрянула, толпа манифестантов отхлынула от микроавтобуса и в считанные минуты унеслась вверх по улице. Пока, ругаясь, пассажиры рассаживались по местам, на улице не осталось ни одного студента. Общее сумасшествие продолжалось всего несколько минут, но и этого хватило пассажирам, чтобы долго ещё обсуждать дерзкую выходку распоясавшейся молодёжи.

– Куда только полиция смотрит?! – приводя в порядок себя и букет, громко возмущалась по-молдавски правая соседка Вадима. – Только зря дубинки с собой таскают! Надавать бы соплякам по физиономиям, чтобы научились вести себя правильно!

– Поздно, гражданочка, дубинками их полосовать! – спокойно ответил ей водитель. Он один, казался, не потерял самообладания. Пока люди усаживались, он успел выскочить наружу и, оббежав микроавтобус, осмотреть его со всех сторон. Видимо, никакого ущерба водитель не понёс, потому что, как и прежде, развалившись в кресле, являл собой вид совсем благодушный. – Дома надо было их воспитывать, а не теперь, когда они в стаю сбились!

– Ничего! Пару-тройку сволочей расстреляли бы, остальные сразу бы уgomонились!

– Стрелять? – искренне удивился водитель. – В детей? Да вы в своем уме? Может, мой шалопай тоже среди них где-то носится. Сопляки же ничего в политике не понимают. Для них эта буча – всего лишь забавное приключение. Потом всю жизнь будут хватать, как в парламенте окна били.

– Значит, надо вас вместе с вашим уродом к стенке поставить! – решительно заявила женщина, недовольно оглядывая отремонтированный букет.

На её замечание водитель лишь весело поддакнул:

– А, ну да. Конечно. По детям пострелять – и в Европу. В ласковые объятия цивилизации.

Тем временем стоящие в пробке маршрутные микроавтобусы начали медленно продвигаться вперёд. Водитель завёл мотор и тронулся вслед за ними. Пробка потихоньку рассасывалась. Легковые автомобили резвее обгоняли микроавтобусы, да и у тех прибавилось скорости. Через некоторое время микроавтобус Вадима уже проезжал мимо здания президентуры. Все пассажиры с беспокойством глядели вверх по улице в сторону зданий парламента и президентуры, до которых оставалось рукой подать и где сейчас разворачивались основные события этого беспокойного дня. Однако улицы сейчас пустовали. Лишь несколько подростков, на ходу раскуривая сигареты, спешили в сторону парламента, чтобы присоединиться к митингующим.

Тут старичок-инвалид по-молдавски попросил водителя остановиться. Он с трудом поднялся на слабых ногах, набожно перекрестился и, прежде чем выкарабкаться из микроавтобуса, с придыханием сказал:

– Дождался. Святые дни наступили. Дождался.

Опираясь на костыль и сильно прихрамывая, старик заковылял в сторону митинга.

– Не сидится ему, – усмехнулся водитель, ни к кому особенно не обращаясь. – Старая гвардия. «Чемодан! Вокзал! Россия!» покричит и дальше на кладбище похрамает.

Удачно миновав президентуру, микроавтобус подкатил к Центральному парку Кишинёва, упиривше-

муся в Площадь Великого Национального Собраниа. По сообщениям радиоккомментаторов, на площади сегодня собрались десятки тысяч человек. Однако сколько Вадим ни приглядывался, сквозь заслонившие площадь парковые деревья ничего разглядеть ему не удалось. До его слуха доносился лишь рёв толпы вперемешку с громким свистом и завыванием футбольных гудков.

А по парку спокойно прогуливались мамы с колясками. На травяных газонах носились выгуливаемые собаки. Множество скамеек занимали пенсионеры и влюбленные пары. Ничто не нарушало общего умиротворения, и если бы не полицейские машины, перекрывшие дороги к Площади Великого Национального Собраниа, да непривычное скопление автомашин, нельзя было понять, происходит что-то в городе или нет. И чем дальше отъезжал микроавтобус от центра города, тем безлюднее становились улицы, тем спокойнее велись разговоры в салоне. В микрорайоне, где проживал Вадим, так вообще ничто не напоминало о творящихся в городе беспорядках. Так же, как и прежде, неспешно прогуливались по асфальтовым дорожкам старики, работяги после трудовой смены выпивали у ларьков успокаивающие нервы сто граммов водки, озабоченные родители забирали из детских садов детей. А к Вадиму с новой силой вернулась головная боль. Будто кто-то невидимый когтистым пальцем буравил ему мозг, желая дотянуться через переносицу к правому глазу. Поэтому дома Вадим набрал в холодильнике льда, положил на лоб холодный компресс и, хотя было ещё слишком рано, улегся на тахту с единственным желанием поскорее уснуть. Но тут вернулась с работы жена и с возмущением принялась рассказывать последние новости о штурме парламента и разгроме здания президентуры.

Вадим занервничал. Первым его побуждением было высказать жене, что вот он, больной, лежит со льдом на голове, умирает от боли, а её не муж интересует, а какое-то дурачьё на площади. Но сдержался. Он молча выслушал рассказ жены и, притворяясь усыпающим, не ответил ни на один из множества вопросов об его отношении ко всему, что происходит в городе. А жена, выговорившись, обратила наконец внимание на состояние Вадима и тут же предложила таблетки от головной боли. Презрительно скривившись: «Химией травиться?», Вадим отказался. «Само пройдёт». Пятнадцать лет замужества научили жену распознавать настроения Вадима, поэтому она больше не досаждала ему своим присутствием, а вышла на кухню. Один в тишине, Вадим только-только начал дремать, как тут с тренировки по каратэ вернулась дочь. Голодная, она первым делом бросилась к холодильнику, и как всегда у них с женой вышел шуточный спор по поводу дочкиного поведения, и как всегда Машка первая уступила матери и согласилась подождать полноценного ужина. Потом, намыливая в ванной руки, она громко поинтересовалась, где Вадим. Узнав, что тот лежит с больной головой в спальне, обрадованно воскликнула:

– Чудесно! Сейчас мы будем лечить больного!

Поклонница нетрадиционной восточной медицины, дочь устроилась у Вадима в изголовье и, поводя ладонями над его головой, принялась, по её выражению, «очищать энергетические каналы». Тяжело вздохнув – никуда не денешься – Вадим поддался уговорам выступить в качестве пациента и терпеливо ждал, пока Машка, наигравшись в мануального терапевта, оставит его в покое.

Жена заскучала одна на кухне. Пристроившись рядом с Вадимом, она затеяла с Машкой разговор о событиях в центре города. Но дочь в центре не была. Да и когда ей? Утром школа, потом курсы английского, потом тренировка. Но пацаны из класса днём ходили в центр, смотрели.

– А, ничего интересного, – стряхивая в сторону «энергетическую грязь», говорила Машка. – Орут себе и орут. Хоть бы по-русски орал, тогда бы ещё понятно, а так только по-молдавски. Да ещё румыны со своими флагами носятся.

Про вечерние события на площади дочь ничего не слышала, но если мама хочет, Машка вызвалась позвонить одноклассникам, разузнать, что к чему. Если в центре беспорядки, то пацаны наверняка там болтаются, где ж им ещё быть.

В это время у Вадима зазвонил лежащий рядом на тумбочке мобильный телефон. Звонил Дан, звал с собой к парламенту.

– Бери лучше Нику с Кристианом, – отказался Вадим. – Тебе с ними сподручнее.

– Не хотят они, – с досадой сказал Дан. – Нику от всего молдавского отплёвывается, а Кристиан вообще всякую власть презирает. Вот, звоню тебе. Может, ты согласишься со мной на площадь смотаться.

– Дожили, – вспомнив старика в микроавтобусе, недовольно проговорил Вадим. – Раньше русским с площади кричали: «Чемодан! Вокзал! Россия!», а теперь я должен на этой же площади спину тебе прикрывать.

– Во-первых, я лично ничего подобного не кричал, – миролюбиво поправил Вадима Дан. – А во-вторых, я просто хочу разобраться, кто ломится на смену нашим кумачовым олигархам. Защищать нам их или добить.

– Ну а я здесь при чём? Бери братьев-молдаван и топай с ними куда хочешь, – резкий тон Вадимовых слов, возможно, кого-нибудь и обидел бы, но только не Дана.

– Пойми ты, чудак-человек, – вразумлял он Вадима. – Если на Молдову обрушится беда, она не будет разбирать, русский ты или молдаванин. Всех согнёт. Без разбора. А оставить всё на самотёк, так мы тогда к любой катастрофе прикатимся: от легализации наркотиков и педофилии до диктатуры гомосексуализма.

– Тогда и ты меня пойми, – Вадим был непреклонен, – если братья-молдавane тебя к стенке прижмут, ты хоть отбрехаться сможешь. А мне, что, немым прикидываться? Дурака из себя строить?

– Так ты, русский оккупант, за шкуру свою дрожишь? – с напускной грубостью спросил Дан.

– Тебя послать?

– Сам пойду, – грустно вздохнул Дан. – Точнее, поеду. Только один вопрос. Неужели тебя не возмущает, что нас специально делят на русских, молдаван и прочих, чтобы, пока мы, как бараны, сталкивались лбами, парламентское жульё и дальше кромсало и продавало нашу истерзанную страну?

– Ой, Дан, я тебя умоляю, – Вадим не хотел спорить. Им владело единственное желание скорее прекратить неприятный разговор и забыться спасительным сном, – давай без патетических завываний.

– Ладно, не буду, – легко согласился Дан. – Но и ты не будешь раскисать, а немедленно возьмёшь себя в руки и поедешь со мной в центр.

– Чтобы на площади стало двумя баранами больше? Нет уж, уволь, – не поддавался уговорам Вадим. – Сколько уже было у нас этих революций и контрреволюций – не сосчитать! Рассосалось всё. И нынешняя буча рассосётся. Никуда не денется. Так что нечего политикой заморачиваться. Надо беречь нервы. Заботиться лишь о собственном спокойствии. Жить в согласии с собой.

– Своим обедом и женой, – грустно процитировал Пушкина Дан.

– Перестань, – Вадим не имел желаний шутить. – И давай заканчивать трёп. У меня голова трещит, никаких сил не осталось. Спать хочу. И это единственное, чего я сейчас хочу по-настоящему.

– Всё с тобой ясно, – печально вздохнул Дан. – Что ж, такой у нас народ, – тоскливо заключил он. – Одним плевать, потому что они лыжи в Европу наострили. Другие на Румынию молятся. Третьи, – он снова печально вздохнул, – спать хотят. А ты живи среди них. Думай о будущем.

Вадим ничего не ответил. Он ждал, пока Дан выговорится и прекратит разговор.

– Ладно, – с сожалением сказал Дан, – поеду сам. Завтра расскажу, что видел.

– Осторожнее там, – предупредил Вадим. – Жизнь всё-таки одна.

– В курсе. Бывай.

Пока Вадим сопротивлялся уговорам Дана, жена с дочерью сели в кухне ужинать. Они и Вадима позвали, но тот отказался.

Разговор с Даном пробудил горькие воспоминания о событиях начала девяностых годов. Тогда с площади тоже кричали о европейском пути Молдовы, о поклонении новому божеству – европейской цивилизации. И тогда же под крики о цивилизованности и возрождении молдавской культуры четверо молдаван в кишинёвском троллейбусе экзаменовали Вадима на знание молдавского языка. А он, подросток, не смог объяснить пьяному хулиганью, что его далёкие предки-староверы поселились на молдавской земле ещё задолго до громких революций и переворотов, бегством из России, спасая веру от новомодных веяний тогдашней цивилизации. А что язык он не знал, так в том не его вина. Идеологический пресс советской власти вкупе с русификацией многочисленных народов СССР навязали советским людям такое мировоззрение, которое мало того, что оправдывало владение лишь русским языком, но и стирало всякую связь с прошлым, отчего Вадим и его родные ничем не отличались от тех русскоязычных граждан Советского Союза, что во множестве приехали в Молдову после Второй мировой войны поднимать из руин этот благодатный край. Отученные от поклонения небесам, потеряв преемственность религиозного духа, и родственники Вадима, и он сам, исповедовали уже не традиции и культуру предков, а навязанную советской властью культуру социального равенства. Ту культуру, что исчезла с развалом СССР и последними носителями которой, по иронии судьбы, остались люди, выросшие, как и Вадим, при советской власти и этой властью воспитанные.

В общем, экзамен в троллейбусе Вадим не сдал. А мама потом плакала, зашивая пуговицы на его рубаше, и умоляла не говорить на улице по-русски, отмалчиваться. Разбитыми в кровь губами Вадим дал обещание молчать.

И, вспомнив давнее происшествие, Вадим мучительно застонал. Оказывается, он ничего не забыл. Старая обида за былой страх и унижение всколыхнули неуправляемое чувство мстительного злорадства.

С язвительным раздражением он думал: «Что, братья-молдаване, хотели самостоятельности? Ну так черпайте её полной ложкой! Жгите парламент, мародёрствуйте! Поделом! А пока вы между собой грызётесь, пусть ваши правители и дальше продают страну! Пусть подкладывают её под педеравствующую Европу! вспомните ещё, как гнали русских отсюда, как отрекались от России, да поздно будет!»

Посылая проклятия на головы молдаван, Вадим не стеснялся в выражениях. Однако за грубостью жестоких слов пряталась не ненависть к молдавскому народу, а паническое отчаяние и горькая, до спазмов в горле жалость к себе, вынужденному жить в мрачную эпоху смут и потрясений. И что бы сейчас ни кричали на площади о благах европейской цивилизации, о правах человека и европейских ценностях, Вадим не был в состоянии услышать и понять митингующих. Для него любое нарушение размеренного хода жизни означало только возврат в девяностые, в хаос и беззаконие. И чем чаще в этом хаосе торговались Европой, тем с большим ужасом Вадим относился к европейским устремлениям Молдовы. Он боялся, что политическое движение на Запад отдалит Молдову от России, а отсутствие могучего российского покровительства обернётся для него, как и для всех русскоязычных граждан Молдовы, новым витком гонений и нетерпимости. А снова почувствовать себя беспомощным подростком, как когда-то в троллейбусе, Вадим не хотел.

«Европой они бредят, – досадовал он на молдаван. – Думают, если будут стремиться к чужеродному стандарту, назовутся европейцами, то в одночасье уравниются с великими мировыми цивилизациями. Но ведь великие цивилизации возвысились не национальной безликостью, а тем, что в полную силу проявили неповторимые черты национального характера. Беспощадный практицизм американцев. Яростный альтруизм России. Что прославит молдаван?»

Если бы в Молдове развивали уникальную молдавскую самобытность во всём её интернациональном разнообразии, Вадим не давил бы в себе чувства патриотизма, не тяготился мыслями об отъезде, да и молдавский бы выучил с лёгким сердцем, без постоянных сомнений в необходимости подобного изучения. Но знание того, что большая часть молдавских правителей имела румынское гражданство и бесконечные разговоры о поглощении Молдовы Румынией, о скором исчезновении молдавской государственности ледяным душем гасили зарождение всякого патриотического чувства и охлаждали и без того слабое желание учить молдавский язык.

«Уеду, – твёрдо решил Вадим. – Соберу семью и уеду. Хватит. Надоело уже. Пусть только всё немного утрясётся, а там соберём чемоданы – и прощай, Молдова! Пусть братья-молдаване сами решают, как им жить. Меня это больше не касается».

Вадиму показалось, что именно сейчас он принял окончательное решение об отъезде и непреклонно будет ему следовать. Что никакие политические события в Молдове его больше не взволнуют. Что он к ним вполне равнодушен.

Но по телевизору в кухне передавали свежие новости из центра города, жена усилила звук, и Вадим, вопреки желанию спать, замер, прислушиваясь к последним новостным сообщениям.

Валерий СТРЕЛКОВ

Вагон до Екатеринбурга

Рассказ

1

Во время обеденного перерыва Ефима Несговорова неожиданно вызвал шеф. Молодой рабочий даже растерялся: с чего бы это? Неужели допустил брак, пришла рекламация, и «крайним» оказался он? Бабай, как называли директора мебельной фабрики между собой рабочие из-за того, что уж очень похож был на узбека, хотя фамилию носил распространенную русскую – Волков, конечно же будет читать мораль. А посмеет краснодеревщик оправдываться или перечить, начальник тут же подаст бумагу и ручку и потребует написать заявление об увольнении «по собственному желанию». Бывший «красный директор», неведомыми путями сначала обанкротивший предприятие, а затем по бросовой цене прибравший его к рукам, особо не церемонился с рабочими, не «воспитывал», как в прежние времена. Однако надо признать, высококвалифицированных специалистов ценил, ибо готовить новых было себе дороже. А у Ефима руки как раз были «золотые» – любое его изделие радовало глаз. Профессию унаследовал от отца. Мало того, еще и инженер по образованию, но так как в поселке работы по его специальности нет, высоко нес знамя рабочего класса.

Отложив мастерски любовно обработанную часть будущего углового дивана, он снял пахнущий древесными опилками и перепачканный клеем фартук, пересек заполненный штабелями дубовых, липовых, сосновых брусьев двор и поднялся на крыльцо конторы, как теперь говорят, офиса. Увидев его, молоденькая секретарша, болтавшая по телефону, кивнула ему головой, мол, проходи, шеф тебя ждет. Парень со страхом постучал в дверь кабинета, но по улыбке Григория Петровича понял, что вызвали его не «на ковер», а, скорее всего, поступил важный, точнее сказать, ответственный заказ, вот на него, Ефима, и взвалит эту работу – изготовить необычную кровать, лестничные перила с затейливыми стойками или еще что-нибудь с различными причиндалами.

Хозяин кабинета, видимо, для порядка, а может, и искренне поинтересовался настроением, все ли хорошо в семье, а потом неожиданно спросил:

- А в теплые края не хочешь поехать?
- В каком смысле?

– В прямом. В Молдавию, например? Знаю, что у тебя иногда побаливает желудок, а с этим не шутят. Поправишь здоровье, отдохнешь, наберешься сил. Моря там, правда, нет, но санаторий, говорят, отличный. А путевка тебе выделена не случайно – забота о здоровье хороших специалистов входит в социальный пакет предприятия. Надеюсь, заграничный паспорт имеешь?

– Имею.

Григорий Петрович, достав из папки путевку, улыбаясь, вручил ее Ефиму:

– Послезавтра в путь-дорогу. Так что пиши заявление на отпуск с завтрашнего дня и счастливо тебе съездить. Надеюсь, не пожалеешь.

Оставшееся до конца смены время, по привычке искусно выполняя одну операцию за другой, молодой столяр думал о предстоящей поездке в далекий край, о том, как воспримет эту весть Зина, красивая, серьезная и деловая представительница слабого пола, к тому же, хорошая хозяйка, но до истерики ревнивая. Ефим представил, как она, придя с работы, расстроится, будет плакать и укорять, что там, в санатории, он ни одной юбки не пропустит. Может, не надо и говорить ей, а то, чего доброго, додумается позвонить, а то и наведаться к Григорию Петровичу и настоять на том, чтобы путевку отдали другому человеку.

Говорят, случайностей не бывает, но в этом мире все зависит от законов бытия. В том, что случайность – звено в цепи закономерностей, Ефим убедился вечером, когда с Зиной они сели ужинать. Она вдруг объявила, что на три дня едет в командировку в Пермь. Ефим привык уже к довольно частым поездкам жены в областной центр и воспринял новость почти спокойно. В поселке, правда, ходили слухи, что Зина там погуливает со своим начальником – директором швейной фирмы, филиалом которой она заведовала, но конкретных фактов привести никто не мог. Может, эти командировки она и совмещала с изменами, но поди проверь. Может, не зря она каждый раз не скрывает удовлетворения от предстоящей поездки. Вот и на сей раз заявила, что, мол, выполнив задание, постарается побывать в художественном музее и в Академическом театре оперы и балета. Тем более там как раз ставят оперу Родиона Щедрина

«Лолита». И, конечно, прокатится на речном трамвае по Каме, полюбуется окрестностями города с рукотворного моря.

– Только смотри, чтобы тебя никто не украл. В городе ребята шустрые, – пошутил Ефим.

– Господи! Да кому я, провинциалка, нужна... Там своих девчат хватает, – как-то не очень уверенно ответила Зина.

– Нужна, нужна! И мужиков не интересуется, где девушка проживает, – встав из-за стола, он притянул Зину к себе и несколько раз чмокнул ее.

– А что интересуется? – наигранно спросила она и поцелуем ответила на его ласки.

– Как будто не знаешь...

2

На нужную Ефиму станцию поезд Москва-Кишинев прибыл, когда на небольшой городок опускался вечерний сумрак. На перроне царил оживление: одни провожали, другие встречали; у первых на лицах угадывалась печаль, другие искренне радовались. Восклицания звучали и на русском языке, и на певучем молдавском. Несговоров удивился тому, что, хотя на дворе хозяйничал уже октябрь, было по-летнему тепло, деревья будто и не думали переодеться из зеленого в оранжево-золотистый наряд. Там, на Урале, готовясь к суровой зиме, леса уже оголились, и людей достали холодные дожди, а тут благодать.

Слабый ветерок доносил на перрон запахи перегоревшего бензина. Когда поезд, дав длинный свисток, тронулся, Ефим обогнул здание вокзала и увидел несколько автобусов, пару маршруток и такси на площади возле небольшого каменного здания, пассажиров, видимо, ожидавших прибытия своих автобусов. Вот один из автобусов тронулся, Ефим успел прочитать табличку, прикрепленную к стеклу, «Оризонтул – вокзал». Первое, хоть и незнакомое слово, он уже где-то читал, пытался вспомнить. Ага! Это же в его путевке, выданной самим шефом, есть оно – так называется санаторий. И тут до отпускника дошло: его автобус ушел. Но, может, придет другой? У мимо проходившего железнодорожника он спросил, как попасть в желанное оздоровительное учреждение. Мужчина, оглядев незнакомца и догадавшись, что гость, судя по чисто русскому, окаяющему говору, явно не из Молдовы, с сочувствием подчеркнул:

– Эх, парень, опоздал ты чуть-чуть. Теперь только на такси можно добраться, автобус будет лишь утром. В принципе, пока не стемнело, можешь и пешком, до санатория километра три-четыре, не больше.

– Спасибо, – буркнул Ефим невесело, а про себя подумал: «Тоже мне, нашелся советчик. Пешком? По незнакомой-то местности?». Не зная, как поступить, он присел на ободранную скамейку. Площадь почти опустела. На соседней скамейке сидел пожилой человек с орденскими планками на груди; невдалеке прогуливалась молодая семья, толкая перед собой детскую коляску; из бара напротив здания вокзала вывалила шумная подвыпившая компания – примерно одногодки Ефима. А вот из переулка, примыкавшего к площади, вышла молоденькая девушка и направилась к зданию автовокзала. «Интересно, тачка будет?», – задавался вопросом Несговоров. Чтобы убедиться, он подошел к незнакомке и поинтересовался, до какого часа ходят такси. При этом обратил внимание на ее стройную фигуру, тугие бедра.

– А вам куда? – в Ефима уставились серые веселые глаза. Подкупающая улыбка девушки смутила его, а когда он ответил, что надо попасть в санаторий, она с понимающим видом сообщила, что им по пути. Пока ждали машину, незнакомка, отойдя в сторону, куда-то позвонила, о чем лепетала, было непонятно, да Несговорова это и не интересовало – не привык подслушивать чужие разговоры.

В прибывшую машину они нырнули один за другим на заднее сиденье. Девушка назвала адрес. Таксист, дядька лет сорока, буркнув, что мигом доставит молодых в село, завел мотор, и «школа» резво полетела вперед.

– Он сказал «в село»? При чем тут село? – изумился, а точнее – насторожился Ефим, обращаясь к попутнице.

– Да санаторий в селе, в райском уголке, вам и уезжать не захочется, – глядя в глаза парню, успокоила его девушка.

За окном осталось море огней, по обе стороны дороги величаво стояли зеленые ели вперемежку с соснами, напоенный его запахами воздух врвался в салон, из радиоприемника певица все повторяла: «А он мне нравится, нравится, нравится...». Ефим осторожно взял в свою руку мягкую ладонь девушки, притронулся к ней губами. И от того, что незнакомка в ответ лишь улыбнулась, у него сладостно забило сердце. Несговорову так хотелось, чтобы дорога была длинной, а тут, как нарочно, впереди замаячили огни, и вскоре машина катила уже по улице села, судя по многоэтажным зданиям, центральной. «Ничего

себе село!» – подумал он, в уме сравнил с ним свой уральский поселок, где даже двухэтажные каменные дома можно пересчитать на пальцах рук.

Такси остановилось у огромных ворот, за которыми раскинулся огромный парк, и по светящимся окнам угадывались затерявшиеся среди темных деревьев и кустарников здания санатория.

– Вот вы и на месте, – сказала девушка, выйдя вслед за Ефимом из машины, а таксист укатил. – А эта вот аллея, – она показала на выложенную плиткой широкую дорогу за художественно оформленной металлической аркой, – приведет вас прямо к администрации санатория.

– А вы куда сейчас? Спешите? Вас ждут дома? – Несговоров завалил ее вопросами, явно давая понять, что не хотел бы с ней расстаться. – Здесь есть бар или кафе? Может, отдохнем?

Она томно улыбнулась, проворковала, что есть и бар, и ресторан, что вообще-то спешит к подруге, но из уважения к гостю можно часок уделить ему внимание. Голосом заботливого человека посоветовала:

– Сначала вы устройтесь, оставьте свой баул в номере. Я вас здесь подожду. Кстати, свое имя назовете сейчас или потом?

– Ой, простите, пожалуйста... Ефим, – представился Несговоров.

– А меня зовут Феличия, – протянула девушка красивую, нежную руку, а он не упустил возможности поцеловать ее и не скрыл удивления:

– Впервые слышу такое имя. Красивое, как и вы... Музыкальное... Что оно значит?

– Ничего не значит. В Молдове много таких имен, о которых в России вряд ли слышали, – она мило улыбнулась. – Идите, устраивайтесь.

– Я мигом буду у ваших ног, – все более смелел Ефим.

3

Он предстал перед ней уже не в джинсах, вязаной кофте, клетчатой рубашке и кроссовках, в чем был до этого, а в темном костюме, белоснежной рубашке, при галстуке, в лакированных туфлях. Рискую быть оштрафованным с первых минут пребывания в статусе отдыхающего, он все же осмелился нарвать цветов недалеко от корпуса, в котором его поселили. Радушно протянул букет Феличии:

– От всей души. Пусть наше знакомство будет таким же ярким, красивым, как эти фиолетовые астры.

– Спасибо... Вот уж не ожидала... Вы просто волшебник...

– Феличия, давайте договоримся: с этой минуты переходим на «ты».

– Хорошо. Почему бы и нет, – великодушно согласилась она.

Бар оказался почти рядом. В уютном небольшом зале стоял полумрак; из динамика саксофон лил незнакомую Ефиму музыку, в которой тонул разговор влюбленных пар, воздух был пропитан кислотовато-ароматным запахом вин. Заказать ужин Несговоров попросил новую знакомую.

– А пить что-то будете? – спросил их официант.

– По двести граммов кагора и водки, – ответил Ефим, согласовав заказ с девушкой.

Выпив и закусив, молодые люди рассказали друг другу о себе. Оказывается, она работает на консервном заводе, отца давно нет в живых, а в прошлом году похоронила и мать – съел рак. Живет одна. Дружила с молодым лейтенантом – выпускником Полицейской академии, а он, оказывается, был женат. Теперь не верит мужчинам ни капли.

– А зря, – возразил Ефим. – Не всех же под одну гребенку.

– Может, ты и прав, жизнь покажет, – вздохнула Феличия.

Лицо ее после выпитого порозовело, и Ефиму оно казалось еще красивее. Как же он давно, еще в армии, когда служил танкистом в Чебаркуле, мечтал вот так посидеть в кафе с красивой девушкой, отключиться от окружающего, говорить ей нежные слова, целовать ее руки, щеки. С Зиной ему не пришлось осуществить мечту. Во-первых, в поселке нет даже нормального кафе – это обыкновенная забегаловка, где грязно и неуютно и посетители его – местные алкаши. Да если бы и была возможность, она бы ни в какую не согласилась «убивать там время» и «бросать деньги на ветер». Не к месту вспомнил про записку, оставленную жене: «Зинуля! Подвернулась путевка в санаторий. Не могу не воспользоваться случаем. До встречи. Целую».

– А ты мне тоже не веришь? – задал он вопрос девушке.

– Не знаю. Вообще-то у тебя глаза честные. И лицо открытое. Наверное, ты не способен на подлость

– Ну таки уж... Спасибо, – зарделся Ефим, щелчками пальцев пригласив официанта, сказал Феличии:

– В знак высокой оценки моей личности необходимо повторить.

– Может, не надо? – заикнулась она.

- Мы по махонькой, чуть-чуть, – возразил Несговоров и заказал для девушки вино, а для себя коньяк.
- Надо же отметить встречу с такой миловидной, неотразимой девушкой.
- Фима, ты явно льстишь мне... И тише, а то люди уже на нас смотрят.
- Пусть глазеют и завидуют, что у меня такая принцесса.

По тому, как постепенно у него развязывался язык, как его рука тянулась к округлым коленям девушки, было понятно, что крепкий напиток действует все сильнее. Ефим был доволен тем, что она позволяет гладить ее ноги, целовать щеки.

4

Бар они покинули почти в полночь. Ефима покачивало. Правда, он еще соображал, что надо идти к себе в номер и завалиться спать, но не хотелось отпускать Феличию. Тем более и она не знала, как дальше поступить: бросив его на произвол судьбы, идти к подруге или все же переждать вместе с ним, пока он протрезвеет. Но, боже, до утра так далеко! И тут Несговоров услышал ее полупьяное воркование:

– Фима, в таком виде тебе нежелательно показываться в санатории. Давай поедем в город, устроимся там в гостинице, а утром вернешься.

– Как скажешь, – пьяно ответил Несговоров. – Честно говоря, я не хотел бы с тобой расстаться... Надеюсь, мы стали друзьями? А друзья должны понимать друг друга с полуслова.

– А не слишком торопишь события?

– Не годы сближают людей, а минуты.

– Наверно, ты прав. В общем, я вызываю такси, – она достала из плаща кармана мобильник и набрала нужный номер.

В машине его охватила страсть. Одной рукой он обхватил тонкую талию девушки, другой шарил то груди, то ее налитые ноги выше колен. Чтобы он успокоился, Феличия шепнула ему на ухо: «Не балуйся. А то пересяду на переднее сиденье». Такой исход первого свидания не устраивал Несговорова и он, несмотря на шумливость и веселость в нетрезвом виде, унялся. Тем более ехали уже по городу, где редко и тускло горели фонари, а в большинстве окон домов уже не было света.

– Нам в гостиницу, – сказала девушка водителю.

– Так она ж на ремонте, – притормозил мужчина машину. – И куда теперь прикажете ехать?

– Жаль. А я и не знала. В таком случае на улицу Узинелор.

Вскоре такси остановилось у деревянной калитки, за которой в темноте просматривались силуэты довольно большого дома и каких-то строений.

– Для дорогого друга из России – ворота настезь, – включив свет на крыльце, засмеялась Феличия.

– Проходи.

В доме было уютно и тепло. Хозяйка включила стоявший возле журнального столика торшер, который разливал по полу бирюзовый свет. В верхнем углу комнаты висели иконы. Из-за стекол старинного серванта красочными этикетками глядели в комнату разной формы бутылки с винами и коньяками.

– Коллекционируешь? – спросил Ефим у молодой хозяйки, которая переоделась уже в халат, распустила покрашенные под седину волосы и выглядела по-домашнему нежной и привлекательной.

– Папа занимался. Сам он не пил совсем, а вот коллекционировать любил. Этот набор – память о нем. Мама не трогала, и я не смею.

– Ты чисто говоришь по-русски, – перевел Ефим тему разговора.

– Наше поколение еще знает русский язык, а вот нынешние школьники – ни бум-бум. Русский язык у нас сейчас считается иностранным. А ведь говорят: сколько языков знаешь, столькокими жизнями и живешь.

– Я в поезде слышал, как молдаване не очень лестно отзывались о правительстве.

– Тут, на периферии, политика нас не очень-то интересует, но по телевизору видим, как в Кишиневе люди бунтуют, – раскладывая для неожиданного гостя постель на диване, отвечала Феличия. Ее халат то и дело раскрывался, и Ефим никак не мог оторвать взгляда от ее плотных загорелых ног.

– Раздевайся и ложись, – проворковала она, но уходить, похоже, не собиралась. Ефим это понял по своему. В мгновение ока он оказался возле девушки, с жаром обнял ее, взял на руки и, как куклу, уложил на диван, со сладострастием думая, что вот та минута, ради которой была многочасовая прелюдия. Он быстро снял с себя одежду и кинулся к столь желанной миловидной подруге, с жадностью целовал ее губы, груди, живот.

– Свет, свет выключи! – с дрожью в голосе проронила она.

Не успел Ефим протянуть руку к выключателю, в сенях неожиданно возник какой-то шум, дернули дверь. Так как крючок был хилый, она почти сразу же поддалась усилиям непрошенных гостей, широко распахнулась, и в дом ввалились двое верзил: один – постриженный наголо, в спортивном костюме, другой – худощавый, с короткой бородкой, прыщавый, в джинсах и вязаной кофте.

– Ты, сучка, корчишь из себя недотрогу, а сама домой приводишь хахалей, – закричал бородач, пошел к дивану, схватил Феличию за волосы и ударил ее по лицу.

Девушка испуганно отшатнулась к стенке, заплакала и с ненавистью бросила:

– Слизняк, ты только с бабами и можешь драться...

– Ты что, гад, делаешь! – возмутился и Ефим, успевший надеть брюки, и нанес обидчику Феличии короткий боковой удар в челюсть, от которого тот медленно опустился на пол. Но тут же и сам получил по голове каким-то тупым предметом от постриженного наголо парня. Словно во сне Несговоров слышал, как Феличия, плача, упрекала ночных гостей во вмешательстве в ее личную жизнь, что просто так это дело не оставит и об их нападении заявит в полицию, закричала, чтобы не трогали вещи ее друга. Что было дальше, Ефим не слышал – впал в забытие. Очнулся на диване лицом вниз. Было тихо, Феличия прикладывала к его темени тампон, откуда сочилась кровь, и приговаривала: «Сволочи... Уроды... Бандюги...». Увидев, что он пришел в себя, помогла ему повернуться на спину и спросила:

– Может, «скорую» вызвать?

– Не надо. А что это за типы были?

– А-а, местная шпана. Один из них давно уже мне прохода не дает.

– Почему не заявляешь в полицию?

– Обращалась. Говорят, нет основания. Еще и усмеваются. Тем более тот сверчок, ну, который меня ударил, сынок заместителя председателя района.

– Понятно. Значит, правды не добиться.

– А знаешь ли ты, что тот, который ударил тебя зонтом, рылся в твоих карманах и, по-моему, забрал деньги. Много их было?

У Ефима перекошилось лицо, он кинулся к пиджаку, висевшему на спинке стула, достал портмоне. Оно действительно было пустым.

– Вот это я влип! – только и выдал из себя Несговоров. А про себя подумал: «Придется связаться с Бабаем или Зиной и попросить, чтобы выслали деньги». Выглядел он растерянным и жалким.

– Не отчаивайся, что-нибудь придумаем, – пыталась успокоить его Феличия. – Мой отец, знаешь, что говорил: нашел – не радуйся, потерял – не огорчайся.

– Для этого надо иметь каменное сердце, – возразил Ефим.

5

В сущности, она поначалу не представляла, как выручит свалившегося на ее голову российского друга. Ведь на обратный путь Ефиму потребуется немалая сумма. Хоть Феличия и работала технологом на небольшом консервном заводе, но зарплата была курам на смех. Правда, хозяин завода обещал молодому специалисту добавить зарплату и выдать премию за то, что по ее предложению яблоки теперь проходили тепловую обработку, что значительно повысил выход сока. Но сдержит ли он слово? И сколько может выделить? Хватит ли тех денег Ефиму на дорогу?

Феличия сама себе не могла объяснить, почему в первую же ночь после знакомства пригласила его домой. Да, можно оправдываться тем, что вынудили обстоятельства. Но с чего это вдруг взяла на себя заботу о том, как вернуться ему на родину? Пусть позвонит на работу или домой и объяснит, в какую ситуацию попал. Однако, вспоминая, какой он нежный и ласковый, как признавался в любви и что без нее теперь не сможет жить, эти мысли отгоняла прочь. Кто знает, может, это ее судьба? Может, сам Бог их свел? Не все же курортные романы заканчиваются одинаково, то есть без обязательств и упреков – хоть и редко, но имеют и продолжение. Вообще же поселковые девушки и незамужние молодые женщины предпочитают не заводить любовных интриг с приезжими. Этого правила придерживалась и Феличия, но что ее подтолкнуло изменить неписаному закону, ответа она не находила. На удивление себе, она только теперь задалась вопросом: интересно, Ефим женатый или нет? Надо же – о главном не спросила! Неужели это и есть любовь с первого взгляда?

Сезон переработки овощей и фруктов подходил уже к концу. Заводской конвейер работал в обычном ритме, девчата споро снимали с ленты трехлитровые банки с яблочным соком. Где со временем окажется эта продукция – в далекой Сибири, на Урале, в Москве или в Питере – никто не знал. Одно волновало

коллектив: не забракуют ли янтарный напиток всемогущий российский Онищенко? На заводе подспудно понимали, конечно, что эти козни то и дело вспыхивают из-за антироссийской политики молдавских властей. И соки, и варенья соответствуют всем нормативам. Феличия готова была доказать это не только чиновникам Роспотребнадзора, но и самому президенту России. «Кстати, когда и куда будут отправлены очередные вагоны?» – задалась она вопросом. И сразу же побежала в бухгалтерию. Главбух, открывая журнал, спросила, уж не сама ли Феличия собирается сопровождать груз?

– Нет, никуда я не собираюсь, у меня загранпаспорта даже нет, – ответила девушка, быстро подчитала в уме, какое число будет после оставшихся двух недель отдыха Ефима в санатории, и назвала примерные даты.

– Вот в Сыктывкар есть заказ, в Ижевск, Казань...

– Нет, не то...

– А тебе куда надо?

– Хорошо бы в Пермь.

– В Пермь только в декабре, а вот в Екатеринбург – 21-го числа, через две недели.

– Пойдет! – загадочно улыбнулась Феличия, поблагодарила главбуха и выскочила из кабинета. «Это же здорово! – радовалась она своей сообразительности. – Ефиму не то что на дорогу деньги понадобятся, он еще и получит командировочные! А уж оформить его проводником груза ей не составит труда. Если даже кто-то будет против, мол, он не гражданин Молдовы, а проводник материально ответственное лицо, она выступит в роли поручителя. После смены позвонила другу, не скрывая радости, сообщила, что для него есть хорошая новость и попросила приехать.

6

Несговор был уверен, что о ночном происшествии Феличия заявила в полицию, и пацанов, укравших у него деньги, задержали. И следователь наверняка пригрозил им: или возвращаете похищенное, или загремите за решетку. Ефим, конечно, простит их – по молодости лет никто не застрахован от ошибок. А когда девушка рассказала, что ждет его после санатория, воспрянул духом.

– Боже, дорогая моя, как же я тебе благодарен! – еще не веря тому, что придумала Феличия, воскликнул он. – Это точно: женщины сообразительнее мужчин, из любой ситуации найдут выход.

– Лучше скажи, рана на голове болит? – заботливо спросила она, осторожно наклонив его голову к себе. – Давай еще раз смажем йодом.

Такого теплого, искреннего отношения к себе со стороны девчат Ефим никогда раньше не испытывал. И поймал себя на мысли: как хорошо рядом с этой миловидной, с тонкими чертами лица и большими карими глазами девушкой. Остаться бы с ней навсегда, создать крепкую семью и любить друг друга. Чтобы она родила ему сына и дочь. С Зиной у них детей никогда не будет – такой приговор вынес ей гинеколог районной больницы. По этой причине он, Ефим, даже хотел с ней разойтись, но родители решительно заявили: в нашем роду такого не было и не будет, женился – живи. В принципе, как человека, как женщину, Ефиму жаль было Зину. Тогда он представил, как она будет страдать, переживать, наконец, стыдиться людей. Сарафанное радио непременно объявило бы, что от хороших жен мужа не уходят. Она наверняка и сейчас места там не находит, думая о том, чем он занимается, с кем крутит шашни...

– Чего молчишь? Больно? – посмотрела Феличия ему в глаза. Ефим даже испугался, что она разгадает его не ко времени пришедшие мысли.

– До свадьбы заживет, – машинально ответил он и, поблагодарив за врачевание, поцеловал ее.

– А у тебя ее разве не было? – воспользовалась моментом девушка.

– Была – не была, теперь это не имеет значения, – буркнул Ефим, вселив в нее своим заявлением и тревогой и смутную надежду одновременно.

– Может, объяснишь, как это понимать?

– Феличия, милая, лучше скажи, ты правда меня любишь? Понимаешь, я почему-то не верил в любовь с первого взгляда, а, встретив тебя, в душе у меня вдруг все перевернулось.

– Можешь не верить, но я еще на вокзале, когда ты спросил у меня, как добраться до санатория, чутьем поняла, что встретила свое счастье. Еще мама мне говорила – у нее был дар от Бога предугадывать судьбы людей, что со своим суженым познакомлюсь случайно, и будет он издалека.

– Но ведь на моем месте мог быть и кто-то другой, – возразил Ефим.

– Нет, не мог. Я не собиралась к подруге, но кто-то свыше именно в этот момент меня послал на автовокзал.

– Видимо, и правда: чему бывать – того не миновать.

– И все-таки ты не сказал: тебя кто-то ждет на Урале?

– Дома каждого человека кто-то ждет – родные, близкие, – вновь неопределенно ответил Ефим, хотя понимал, конечно, чего хочет услышать Феличия. – А ты знаешь, – сменил он тему разговора, – какая мысль посетила меня после ночного происшествия? Подумал, что этот спектакль вы разыграли втроем. В этой ловушке оказался не я первый, что вы действуете по одному сценарию: ты завлекаешь, для убедительности затаскиваешь жертву даже в постель, и в самый ответственный момент в дом вваливаются твои дружки, избивают романтика, опустошают его карманы и выкидывают на улицу...

– Фима, милый, ты такое мог обо мне подумать! Хотя догадываюсь, почему. Я действительно не знаю, что на меня нашло, в первую же ночь пригласила тебя домой. Вообще-то я поставила перед собой цель: правильно прожить жизнь.

– А что ты под этим подразумеваешь? – не понял Ефим.

– Прежде всего, быть любимой и любящей, иметь работу по душе, не иметь врагов...

– В этом ты видишь счастье?

– Любая женщина об этом мечтает.

– Я с тобой не согласен на счет того, чтобы не иметь врагов. Тогда слишком неинтересной будет жизнь, – заметил Ефим. – Ты наверняка Роберта Рождественского знаешь. Так вот, в одном из стихотворений он выдал такую мысль: «Человеку много ль надо, чтоб искал и находил, чтоб имелись для начала друг один и враг один».

– А он у меня есть, ты же сам убедился. Так что скучать, наверное, и после твоего отъезда не придется.

– Давай я с ним серьезно поговорю, по-мужски.

– Не надо тебе с ним связываться. Я сама его отошью...

В это время зазвонил стационарный телефон. Мужской голос поздоровался с хозяйкой, поинтересовался ее настроением. И от того, что она обрадовалась этому звонку, с улыбкой отвечала на вопросы собеседника, Ефиму стало не по себе: что за мужик? Почему звонит так поздно? Сообщил даже число, когда уезжает. Феличия обращалась к нему по имени-отчеству. Особенно задела его слова, когда она сказала, что придет провожать. Ему казалось, что говори вот так при нем Зина, он бы и глазом не моргнул, но чтоб позволил себе такое человек, которым наполнена вся его душа, женщина, за которую он готов в огонь и воду, это уже слишком. Ефим готов был броситься вон, но неведомая сила удержала его. Феличия уловила настроение друга, поняла, из-за чего.

– Дурачок, ты что, ревнуешь? Да я говорила с штатным проводником грузов, с которым ты поедешь. Зовут его, ты слышал, Андрей Никодимович. Мировой дед, ему уже под семьдесят. Я вас познакомлю. Кстати, в вашей психологической совместности, что немаловажно в дальней дороге, не сомневаюсь.

– Феличия, я действительно без тебя сойду с ума, – признался Ефим. – Я пришел к выводу, что мы созданы друг для друга.

Она села рядом с ним на диван, привлекла к себе, погладила его голову. Вздохнула:

– Мне тоже эта мысль часто приходит в голову. Кстати, ты останешься на ночь? Давай-ка я приготовлю ужин. И скажи, что любишь.

– Я тебя люблю, – крепко обнял он ее. – Ты для меня теперь самый дорогой человек на свете.

7

Андрей Никодимович действительно оказался простым, добродушным стариком. Положение, в каком оказался Несговоров, воспринял близко к сердцу. Почему так о нем печется Феличия, допытываться не стал, но догадывался, что неспроста. Тем более девушке пора замуж, а ее избранник, судя по поведению, человек положительный. Она то и дело прибегала к главным дверям склада, вместе с Андреем Никодимовичем и Ефимом смотрела, как дюжие парни вывозили на каре тяжелые коробки с соками и аккуратно рядами укладывали их в вагоне, интересовалась, приготовлены ли буржуйка и дрова, запаслись ли водой.

– Феличия Петровна, да не беспокойтесь вы, – улыбаясь, великодушно отвечал старый проводник. – Не первый раз замужем.

Когда погрузку закончили, Ефим помог Андрею Никодимовичу занести в пульман доски, древесную стружку, ломик, мешковины, не зная, конечно, для чего этот атрибут, но старик, словно угадав его мысли, показывая на вагон, назидательно сказал:

– На неделю с лишним это будет наш дом. А в дальней дороге надо иметь все – вплоть до иголки с ниткой.

После того как старик наклеил с обеих сторон на стенку вагона бумагу со словами «Осторожно – стекло!», оба отправились в заводскую бухгалтерию. Несговорова удивило доброжелательное отношение ее работниц к проводникам, когда им оформляли необходимые документы, и обрадовало то, что им сразу выдали командировочные, правда, молдавскими льями. Обменять их на российские рубли – это уже была забота самих проводников. Потом обоим пришлось идти на станцию, куда три недели назад приехал Ефим и где он встретил Феличию, возможно, свою судьбу. В товарной конторе мужчинам выписали удостоверения, подтверждающие, что они являются проводниками вагона, и в которых были напечатаны их права и обязанности. Несговоров до этого дня даже не подозревал, хотя вырос и жил возле железной дороги, что есть проводники не только пассажирских вагонов, но и товарных.

Дежурный по станции предупредил их, что сборный состав будет где-то в полночь. А выйдя на перрон, Андрей Никодимович и Ефим увидели, что маневровый тепловоз уже вывел их вагон с заводской территории, благодаря стрелочникам, поставил его в один из тупиков возле большого склада и покатил на другой объект.

– Ну вот, знаем уже, где он стоит, пойдём ко мне, перед дорогой подкрепимся, – предложил старик.

– Вы извините, но я не могу. Феличия должна подойти...

– Ну смотри. В таком случае держи вот ключ от вагона, открытым не оставляйте. А то шпаны сейчас столько развелось – успевай глядеть в оба. Я скоро вернусь.

– Не беспокойтесь, Андрей Никодимович, буду как часовой на посту.

Ефим не стал открывать вагон, хотя чертовски устал от суеты и беготни, а прохаживался мимо него. На станцию опускался уже вечер, десятки огней осветили переходной мост через железнодорожные пути, груженные металлоломом полувагоны, перрон, на котором пассажиры ожидали прибытия московского поезда, переходной мост через железнодорожные пути, склад, возле которого стоял вагон проводников. Легкий ветерок доносил из города музыку и веселую молдавскую песню в исполнении незнакомого солиста. Казалось бы, надо радоваться, ведь несмотря на все перипетии, все так удачно сложилось, скоро он будет дома. Но почему-то туда не тянуло. Если б не препоны с получением гражданства, не оформлением развода с Зиной, Ефим никуда бы уже не уехал.

В конце перрона неожиданно выросла фигура Феличии – Ефим узнал бы ее за километр. По мягкой уверенной походке, по улыбке, по ладной фигуре, от которой мужики наверняка сходят с ума. Кроме сумки, перекинутой через плечо, с которой она обычно ходила, в руке держала еще одну. Несговоров поспешил ей навстречу.

– Это тебе, – по-хозяйски просто сказала она и протянула ему сумку. – Ты же в дороге должен чем-то питаться. – Там ветчина, сыр, хлеб...

– Феличия, дорогая моя, ты ставишь меня в неловкое положение.

– Будешь вспоминать меня, мол, вот нашлась дуреха, всем обеспечила. Даже телом своим...

– Ты не дуреха, ты самый светлый и чистый человек на свете. Я тебя люблю! – вскрикнул он, поставил сумку на шпалу и, взяв ее в охапку, начал кружиться. Последние слова утонули в гуле прибывающего на станцию московского состава. В это же время из-за угла склада раздался хлопок – это отчетливо слышали, наверное, все, кто был поблизости. Ефим заметил две убегающие от склада в темень высокие силуэты, почувствовал, как обмякло, потяжелело тело Феличии, как по его руке потекло что-то теплое и липкое. Сняв с себя куртку и расстелив на земле между путями, он осторожно опустил на нее девушку и приговаривал:

– Сейчас, сейчас, моя хорошая, потерпи, вызовем «скорую»...

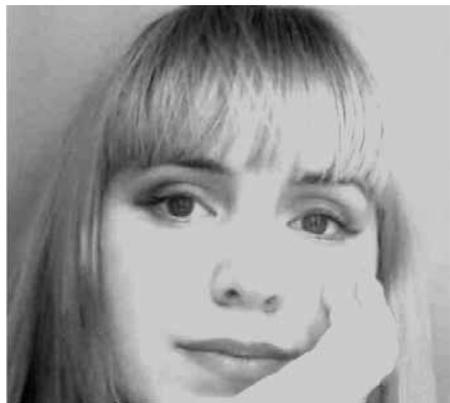
– Уже не надо, – вдруг выдавила из себя Феличия. – Жаль, что нам не суждено быть вместе. Значит, так Бог распорядился...

Она не договорила. Ее голова бессильно склонилась на бок, веки глаз сомкнулись.

– Люди! Помогите! – закричал он во весь голос и как ребенок, у которого отобрали игрушку, горько, неутешно заплакал.

Сошедшие с поезда пассажиры и встречающие не могли понять, почему на земле лежит девушка, которую, рыдая, целует парень и нежно, с любовью гладит ее волосы. А московский состав отступивал уже свои километры вдали от станции, три красных огонька последнего вагона которого постепенно растаяли в ночи.

Елена ШОЛОХОВА

Родилась 2 сентября 1977 года в г. Иркутске. В 2000 году окончила Иркутский Государственный лингвистический университет по специальности филолог-лингвист. Владеет английским и французским языками. Некоторое время работала преподавателем английского языка в иркутском институте экономики и права. С 2004 года работала в ОАО «Ростелеком», руководила отделом продаж. В настоящее время живет и работает в Иркутске.

Взвейтесь кострами...

Ненавижу эту Федорову! Терпеть не могу, как она выделывается, – зло сказала Вика. Я закивала как китайский божок. Старалась во всем соглашаться с ней – боялась поспорить. Я вообще очень гордилась, что мы дружили. Еще бы! Вика считалась самой красивой в классе, к ней липли и мальчишки, и девчонки. Она и одевалась так, что обзавидуешься. Даже форма у нее была не как у всех, а ярко-синяя в мелкое плиссе. И дома у нее имелось всё, о чем другие только мечтали: чешская стенка, японский телевизор с пультом и даже видеомагнитофон. А на полках в шкафу, где обычно книги, у них стояли рядами видеокассеты.

Стоило Вике появиться в классе, как всё внимание ей одной. А раз я была с ней, раз мы – подруги, то и мне перепадала толика ее славы.

Подружились мы прошлым летом, когда вместе ездили в пионерский лагерь в Крым. Вике мать выбила путевку по благу. Она у нее была не последний человек в торговле и запросто могла достать что угодно. Ну а для меня расстарался мамин двоюродный брат, дядя Паша, который с Викиной матерью был, можно сказать, коллегой по цеху. Он у нас почти как тот сундучок с секретом, из которого можно извлечь всё, что ни пожелаешь. Только этот «сундучок» одаривал исключительно тех, кто был ему чем-то полезен. Мама вот помогла с диссертацией, правда, не ему, а кому-то совсем незнакомому, но по его просьбе. В общем, у них там не разберешь – рука руку моет, как мама говорит. Она хоть и сетует, что всё это «плохо пахнет», но от путевки не отказалась.

В лагере мы с Викой были не разлей вода. Потом до самой осени я переживала, что, когда начнется учебный год, она отошьет меня за ненадобностью. Но Вика в первый же день учебы предложила мне сидеть вместе за одной партой, оставив с носом прошлогоднюю свою подружку.

Я восхищалась Викой. Она из тех девчонок, что с рождения наделены особым даром нравиться. И дело не во внешности. Хотя и здесь природа не поскупилась. Но будь у нее, уверена, даже самые заурядные черты, она все равно вела бы себя как королева.

Вика щедро делилась своими умениями, показывая мне, что можно сотворить с моими совершенно неуправляемыми волосами, чтобы не выглядеть такой замухрышкой. В плане что одеть, она тоже была хорошим советчиком. Отучила меня ходить в носках поверх колгот и забрала большую часть моих и без того немногочисленных нарядов. «Лучше вообще сидеть дома, чем выйти в люди в такой ужасной кофте!», – Вика была категорична, отправляя в утиль то, что, по ее мнению, нельзя носить. И я ей была благодарна, она же из лучших побуждений так делала. Я же в свою очередь давала списывать ей домашку и подсказывала на контрольных.

– Нет, надо что-то делать с этой выскочкой Федоровой! – не унималась Вика. У нее даже поперечная морщинка образовалась меж бровей, такая она была сердитая.

Федорову я и сама на дух не выносила. Причем не только сейчас, когда поднялась вся эта буча с галстуком, но и раньше, да вообще всегда, сколько ее знаю. И Вика точно подметила: Федорова – выскочка. С первого класса она всегда и во всем стремилась быть лучшей, всюду лезла и везде принимала активное участие. И всех остальных заставляла. В пионеры ее приняли самой первой. Как она гордилась! Потом из года в год Федорова была бессменным председателем совета отряда, членом совета дружины и городского пионерского штаба.

На любых сборах она звонче всех кричала девиз нашего отряда, чеканя каждое слово: «Под светом далекой звезды Альтаир мы будем бороться за счастье и мир!» (наш отряд назывался «Альтаир»).

Смотры песни и строя, политинформации, дни самоуправления, зарницы, субботники, посещения

ветеранов, сборы макулатуры и металлолома – она везде командовала, распределяла поручения, контролировала, не давая никому увильнуть или сфилонить.

На уроках она строго следила, чтобы никто не списывал и вообще не занимался тем, чем не нужно. Заметив нарушение, считала своим долгом тотчас доложить учителю. Да что там! Она сама похлеще классной держала всех нас в ежовых рукавицах. Что называется, прорабатывала. Редколлегию она неустанно отчитывала за не вовремя выпущенную стенгазету, старосту – за пыльные подоконники и чернила на партах, вожатых – за пассивность и равнодушие к подшефным, звеньевых – за двойки и неуды по дисциплине в их звене. А скольких она довела до унижительных прилюдных рыданий этими своими выворачивающими душу разносами на собраниях совета отряда. Слезы ее не трогали. Морально растаптывая провинившегося, она приплетала все подряд, ставя ему в укор заслуги наших предков перед Отечеством, подвиги героев, голод, гибель. На этом фоне любые прегрешения казались еще более постыдными.

Прошлой осенью на повестке дня одного такого собрания было Викино поведение, а точнее, ее поступок, недостойный пионера. Вся заварушка вышла из-за того, что Вика сказалась больной и не поехала на картошку с классом, сама же в тот день была в цирке. Я знала эту тайну, но никому не говорила. Так что было совершенно непонятно, как Федорова пронюхала, что Вика соврала.

К собранию наша председательница подготовилась основательно, припомнив Вике все ее провинности. Пока Федорова песочила мою подругу, все молчали, и я молчала. А что тут скажешь? Ведь если формально, то и правда врать не хорошо, отлынивать от коллектива – тоже. Вот только Федорова умела так все преподнести, так сгустить краски и напустить теней, что Вика выглядела не просто какой-то там прогульщицей и врушей, а чуть ли не врагом народа.

Жалко было Вику. Она как-то вся съежилась и совсем перестала походить на себя обычную. И когда, казалось, она вот-вот разревется, Вика вдруг встрепенулась и оборвала Федорову как раз в тот момент, когда та на свой излюбленный манер сравнивала ее эгоизм с самоотверженностью Зои Космодемьянской:

– Что ты мне все тычешь чужими подвигами! Сама-то ты чем лучше меня?

Федорова на мгновение оцепенела, даже побелела вся. Но потом холодно ответила:

– Я учусь на «отлично» и добросовестно выполняю свои обязанности.

– И кому от этого польза? А для других что ты хорошего сделала?

– Пока ты веселилась в цирке, я собирала картошку, носила ведра и думала о том, что пусть мой личный вклад в общее дело и невелик в масштабах страны, но если все так, как я...

– Тоже мне – великий подвиг! Все это показуха. И ты на самом деле ничего из себя не представляешь, а только прикрываешься чужими заслугами да высокими речами.

Выплеснув все, что накопело, Вика, разгоряченная и раскрасневшаяся, а от того еще более привлекательная, чем обычно, внезапно смолкла, словно спохватившись.

В классе воцарилась тишина. Такой перепалки не ожидал никто. Молчала и Федорова. Но как-то по-особенному молчала, словно специально затягивала паузу, чтобы эта тишина, это гнетущее ожидание стало совсем невыносимым. Потом она что-то пометила у себя в тетради и объявила, что этот вопрос она вынесет на заседание совета дружины, где будет ходатайствовать за исключение Вики из пионеров.

Только что пунцовая Вика миг стала белой как полотно. А уже дома она наревелась вволю. Это ж был какой позор, настоящее бесчестие, когда исключали из пионеров! На нашей памяти только одного мальчишку из параллельного класса исключили, прямо на линейке, при всей школе сняли с него галстук. Уж лучше, казалось, умереть, чем так опозориться.

На следующий день Вика извинилась перед всем классом и перед Федоровой, лишь бы ее не исключали.

Не исключили. Зато Федорова велела редколлегии выпустить газету, где изобразить, как все пашут, а Вика развлекается. Катя Комарова и Галя Онищенко – наша редколлегия – всегда заискивали перед Викой, но газету все же выпустили.

Федорову не любили, остерегались, сторонились, осуждали за глаза, но до того случая ни у кого и в мыслях ни разу не возникло взбунтоваться или хотя бы просто поспорить с ней. А после того случая и подавно. С ней никто не дружил, никто не сидел за одной партой. Но, похоже, это ее нисколько не тяготило. Она, ратуя за коллективизм, в то же время ставила себя как бы в стороне от всех, а точнее, над всеми.

– Устроим-ка ей разборку всем классом, – предложила Вика. – А что, попила она нашей кровушки, повырочивалась. И, главное, все никак успокоиться не может. Теперь-то она – никто и ничто, коза безрогая, а все туда же...

В начале этого года нам объявили, что на последнем слете было решено распустить пионерскую ор-

ганизацию, то есть что-то там придумали вместо нее, но, по сути, пионерия прекратила свое существование. А нет пионерии – нет и пионеров, и все мы не обязаны больше носить галстуки и значки с Ильичом. Заодно отменили советы отряда и дружины, все эти заседания и сборы, Ленинский уголок, девизы, речевки, горны, барабаны, отрядные флажки и дружинное знамя, обязательное шефство над младшими и пенсионерами. И все это произошло как-то разом.

«Как здорово! Свобода!», – радовались все, и я радовалась вместе со всеми. Правда, больше «за компанию», чем от чистого сердца, да и лишь поначалу.

Я не знаю, какие чувства должна вселять эта самая свобода, но у меня в душе возникло неотвязное ощущение пустоты. По утрам, в 7.40 ну просто физически не хватало такой привычной радиопередачи, которую я вроде и слушала-то в полуха, но этот бодрый перелив горна и следом звонкое: «В эфире – пионерская зорька!» словно стали за эти годы чем-то неотъемлемым.

Я была в растерянности, никак не верилось, что все то, что мы считали верным, вечным, вдруг исчезло.

Сразу же мы все как один перестали носить пионерские галстуки. Все, кроме Федоровой. Она и не думала его снимать, будто для нее ничего не изменилось.

Сначала над ней втихую посмеивались. Ведь от всей этой атрибутики отказались даже вчерашние завязтые активисты. Вон, прошлогодний председатель совета дружины и тот ходит себе и в ус не дует. Видали его за школой, за пресловутыми складами с папиросой и в компании тех, кого он раньше «про-рабатывал».

Потом над ней стали смеяться уже в открытую. Вся школа показывала на нее пальцем. Каждый встречный подходил к ней и салютовал, хихикая при этом: «Будь готов!». Федорова отвечала лишь долгим презрительным взглядом.

Ребята из других классов нас спрашивали: «Что это у вас Федорова такая чокнутая? Заставьте снять ее этот дурацкий галстук!».

Вчера Вика начала первая. Другой бы никто не решился. Подошла к Федоровой и скомандовала: «По-выделывалась, и хватит. Давай снимай уже свой галстук!».

Федорова ей не ответила, только посмотрела как всегда с ледяным презрением.

Тогда Вика завелась: «А-а! Ты же у нас к собраниям-заседаниям привыкла. Ну что ж, будет тебе заседание. Э-эй! Слушайте все! Объявляю заседание! На повестке дня – поведение Федоровой. Только посмотрите на нее! Все ходят без галстука, а она – в галстук. Противопоставляет себя коллективу. Непорядок! Предлагаю голосовать. Кто за то, чтобы Федорова сняла галстук?».

Мы дружно вскинули руки. Все одобрили Викино полушутливое представление.

К тому же Вика так бесподобно передразнивала интонации Федоровой, когда та еще председательствовала на всяких собраниях: «Единогласно! Все, Федорова, снимай галстук. Больше ты не пионерка. Ну! Чего сидишь?».

Федорова и ухом не повела.

Вика подошла к ней вплотную и с деланным удивлением округлила глаза: «Как?! Ты, что, против коллектива идешь? Тебе, что, на коллектив наплевать?».

Все мы с интересом наблюдали за происходящим.

Федорова поднялась из-за парты, оглядела нас всех и высокомерно произнесла: «Какой вы коллектив! Вы – стадо. Самое обычное, самое примитивное стадо баранов».

Начался урок, оборвав Викино представление на такой возмутительно-обидной реплике.

Вспомнив про стадо баранов, я согласилась с Викой, что самое время устроить Федоровой настоящую разборку.

Мы сговорились с остальными из нашего класса. Все сперва опешили – как это, самой Федоровой! – но затем поддержали нашу идею. Неудивительно, эта Федорова давно у всех в печенках сидела, а последний ее выпад – вообще предел наглости.

На следующий день после уроков мы подкараулили Федорову на выходе. Мальчишки ухватили ее под локотки и потащили за школу. Там имеется такое укромное местечко, отгороженное от здания школы какими-то складами. Из окон школы этот пяточок не видно, и случайные прохожие не забредают. Сюда бегают школьники покурить, здесь же, за складами выясняют отношения и дерутся.

Я впервые очутилась в том месте, о котором у нас ходило столько слухов. Все самое плохое совершалось именно там. Идти туда было волнительно, хоть даже и вместе с классом. Но на деле оказалось ничего особенного – грязный, заплеванный закуток с похабными надписями и рисунками на стенах, сплошь

усыпанный окурками и прочим мусором. И запах еще тот!

И вот здесь, в этой клоаке предстояло линчевать такую показательно-правильную Федорову! Я мысленно содрогнулась, настолько всё это не увязывалось в моем представлении.

Между тем Федоровой заломили руки за спину. Вика, ухмыляясь, подошла к ней: «Значит, мы – стадо, по-твоему? Повтори-ка еще раз».

Федорова равнодушно повторила: «Стадо».

Наверное, Вика не ожидала этого, потому что сразу рассерженно вспыхнула и ударила Федорову по лицу. Потом еще раз.

«Снимай галстук! – велела она. – Отпустите ей руки. Она должна сама его снять, если не хочет, чтобы мы ее тут похоронили».

Бежать ей было некуда, так как мы окружили ее плотным кольцом. Но Федорова вместо того, чтобы развязать галстук, толкнула Вику в грудь. И тогда на нее посыпались удары и пинки со всех сторон. Ее молотили куда ни попадя.

До этого я ни разу не видела, чтобы человека били при мне всем скопом. Это было жутко. «Хватит! Перестаньте!», – закричала я.

Наконец от нее отступили, оставив лежать скрюченной в грязи. С нее, с лежачей Вика сдернула галстук и бросила на землю. Стала остервенело топтать его ногой. Плевать на него. Потом взяла у мальчишек спички и подожгла, издевательски напевая: «Взвейтесь кострами, синие ночи...»

Подбежала Катя Комарова, которую оставили на стреме: «Шухер! Какой-то мужик идет!». И мы все бросились врассыпную, условившись собраться через полчаса у Викиного дома.

Я бежала так быстро, как никогда прежде, внезапно и абсолютно ясно осознав: то, что мы сотворили – это неправильно, это вообще гадко. Я бежала, на лету перескакивая лужи, как будто можно было убежать от этих мыслей. Но потом вдруг меня пронзило: «Вдруг Федорова умерла». Она так неподвижно лежала, когда мы ее там бросили. И я, остановившись на мгновение, столь же стремительно кинулась обратно.

Федоровой там уже не было, как не было и тлеющего галстука. Вернее, того, что от него оставалось. К Вике я не пошла. Не могла, не хотела. Следующие две недели Федорова не ходила в школу.

Классная сообщила, что она болеет: «Надо бы вам навесить своего школьного товарища. Ее мама сказала, что она так сильно упала с велосипеда, прямо разбилась вся».

Всем это предложение показалось забавным, а Вика победно ухмыльнулась: «Ага, болеет она. Трусливая показушница».

Мы всё еще сидели за одной партией, хотя я в последнее время старалась избегать своей подруги.

«Это я трусливая», – подумалось мне. Все эти дни я боялась до беспамятства. Сначала того, что мы убили Федорову, потом – что оставили ее калекой и что всех нас скоро упекут за решетку, потому что это – само настоящее преступление, а мы все – преступники. Я даже родителей обходным маневром выспрашивала о том, какая ответственность ждет несовершеннолетних за избиение человека. Но мои родители сталкивались с преступлениями только в кино и ровным счетом ничего не знали о наказании и законах.

Так я и жила как на иголках эти дни, ожидая, что за нами вот-вот придут. Но никто не приходил, и это меня больше удивляло, чем успокаивало.

А потом вышла Федорова. Она появилась неожиданно, в середине второго урока. Извинилась за опоздание, сославшись на то, что ходила к врачу за справкой, затем спокойно прошла к своей пустующей парте.

Выглядела она как обычно. Я же в своем воображении представляла ее всю в чудовищных шрамах, которые, как мне казалось, непременно должны были остаться после того, что ей устроили. Но, к счастью, Федорова была цела и невредима, без ссадинки и царапинки, а на груди ее по-прежнему вызывающе и гордо алел пионерский галстук.

Словно в пику недавним событиям на дом по литературе нам задали написать сочинение на тему «Что я ценю в людях». Я долго думала, прежде чем приступить. Доброта, смелость, отзывчивость... сколько же этих качеств, которые принято ценить и превозносить. Но разве можно по-настоящему оценить что-то, не узнав, не прочувствовав, не увидев собственными глазами действительное его проявление? И я написала: «Верность себе и своим принципам».

А на следующий день я пересела от Вики к Федоровой.

Простая история

Мое четырнадцатилетие было отмечено двумя грандиозными событиями: нас бросил отец и я впервые влюбился. Отец, прежде чем окончательно откланяться, унося в новую жизнь свои вещички в фирменном чемодане «Самсонайт», сто раз повторил, что уходит от матери, а не от меня. Но, как показала жизнь, ушел он от нас обоих, потому что после этого больше я его не видел. То есть видел один-единственный раз, случайно и мельком, так что это не в счет.

Что касается второго обстоятельства, то именно оно помогло мне почти безболезненно пережить первое.

Строго говоря, влюблялся я и раньше. Еще в детском саду, помню, был увлечен девочкой по имени Люба и всем твердил, что женюсь на ней. В восемь лет мне понравилась одноклассница Катя. Ей мое внимание перепало в виде тычков и дразнилок. В пятом классе я тайно сходил с ума по Алисе Селезневой. Затем я вновь спустился на землю, заинтересовавшись соседской девочкой. Ах, да, были еще приключения в пионерском лагере, но это уже совсем несерьезно. Впрочем, как мне казалось, все было несерьезным до нее. До Тани.

И в чем парадокс – останься родители вместе, я, возможно, вообще бы ее не встретил. А все потому, что после развода мама, а она у меня учитель физики в моей же школе, твердо решила сменить место работы. Уйти туда, где никто не знает, что отец ее бросил.

«Сочувствие унижает, – повторяла она. – А фальшивое сочувствие превращает тебя в посмешище». К слову, узнав, что отец уходит, она даже ни разу не поинтересовалась, куда и к кому, а в ответ на его предложение помогать материально она заявила как отрезала: «Нам от предателя ничего не надо!». Хотя, признаться, папаня особо и не настаивал.

Перейдя в другую школу, мама следом перетащила и меня, хотя я отчаянно бастовал. Во-первых, потому что мне и в прежней было комфортно, а во-вторых, новая школа находилась не под боком, как я привык, а в шести остановках.

И вот, страдая от собственного бессилия, злясь на мать за ее упрямство, а еще сильнее на отца – виновника всех этих неудобств, я плелся в новую школу, заранее зная, что мне там не понравится. У ворот обогнала меня она. То есть на тот момент я, разумеется, не знал, что это ОНА, но уже тогда ее приметил. На ней было красное короткое пальтишко, белые берет и шарф и белые же сапожки. Не хочется привязывать мое светлое чувство к такой банальщине, как модные шмотки, но на общем скромном фоне ее наряд не мог не привлечь внимание. Она пронеслась мимо меня, и я зачем-то припустил следом.

На входе нас встретили дежурные восклицанием практически в унисон: «Опоздали!». И у нас, в бывшей школе тоже опоздавших караулили, но то была просто формальность. Да и я там был «свой», меня в любом случае не сдавали. А тут борьба с опозданием явно велась с энтузиазмом. Кордон на входе, все при повязках, черный блокнот с позорным списком.

Красно-белая девочка стала оправдываться, что ходила к зубному, упрасывая, чтобы ее «не записывали». Но непреклонные дежурные упорно стояли на своем. Когда дошла очередь до меня, то я, не церемонясь, отобрал у дежурного блокнот и вырвал лист. У меня к тем, кто младше, уважения не больше ноля, даже если они с повязками. Правда, эта выходка мне потом аукнулась, но зато я выяснил, что ее фамилия Савельева и учится она в 7 «А». Подумаешь, «повисел» с неделю мой портрет, смахивающий на волка из «Ну, погоди!», растопырившего свои когтистые лапы над маленькими, но отважными зайчатами-пионерами. Кстати, через день чьими-то стараниями пионеры обзавелись полным комплектом: рогами, усами, бородой. И тут я точно не при чем. Меня вообще эта стенгазета только позабавила. Чего не скажешь о маме...

Всю ту неделю, пока я красовался на стене школьного вестибюля, она со мной и словом не перемолвилась. Домашний бойкот – излюбленное оружие в ее арсенале. Прежде с отцом она могла еще дольше не общаться, если была им недовольна. Не знаю, как ему, а мне ее молчание жить нисколько не мешало. Хотя в детстве в такие моменты я жутко переживал. Даже как-то специально расцарапал себе ладошку ржавым гвоздем, чтобы мама, увидев мои страдания, смилостивилась. Но нет. Уж она-то умела выдерживать характер.

* * *

После стычки с дежурными вновь я увидел Таню только через месяц или чуть больше. К тому времени я уже успел наладить контакт с тремя парнями из класса. То были самые разгильдяи, как мама говорит. Ей-то бы, конечно, хотелось, чтобы я сдружился с комсоргом или, на худой конец, с местными занудами-

зубрилами. Но, извиняйте, рыбак рыбака... Потому я очень гармонично вписался в свою новую компашку.

Генку, Вована и Саню хором клеймили на всех заседаниях совета отряда и дружины. И небеспричинно – их послушной список был куда богаче моего. Если я лишь мирно прогуливал, втихаря покуривал папироски и самое большее, что мог вытворить – это огрызнуться учителю или отвесить оплеуху какому-нибудь надоедливому шпанцу, то на счету у этой троицы было уже несколько приводов. Об учебе, понятно, речи вообще не шло. Их тянули до восьмого, выставляя формальные тройки по всем предметам, чтобы потом со спокойной совестью турнуть из школы.

Примкнув к ним, я внезапно осознал, что учиться – это совсем не мой конек. Взять, рассуждал я тогда, мою мать. Десять лет отучилась в школе, закончив с медалью, потом еще пять в институте. Опять же – красный диплом. И для чего все это? Чтобы теперь работать в школе за сто пятьдесят рублей и света белого не видеть? Или вот, скажем, Генкина мать. Худо-бедно дотянула до восьмого. Что там еще происходило в ее жизни, я не знаю, но уж точно институтов она не кончала, а устроилась в гастроном продавщицей, и теперь у Генки есть всё, чего ни пожелает. Поэтому и я твердо решил не поддаваться больше внушениям матери и уйти в свободное плавание сразу после восьмого класса. Свое решение я подкрепил тем, что стал бессовестно пропускать уроки, даже те, что когда-то посещал без антипатии.

Очередной наш прогул был предопределен заранее объявленной контрольной. Чтобы не попасть в поле зрения директору, завучу или, что еще хуже, моей матери, мы решили «зависнуть» где-нибудь на нейтральной территории. Сначала расположились в сквере, где быстро замерзли. Потом зашли в кафетерий перекусить, благо, у Генки всегда водится карманная мелочь и он не скупится на угощение. Затем после двух часов бесцельного шатания по улице мы забрели в первый попавшийся подъезд.

А что? Подъезд в таких случаях – место лучше не придумаешь, особенно когда на улице собачий холод. Сухо, тепло и не без романтики. А ворчание недовольных жильцов только задорит.

Можете вообразить мое изумление, когда там появилась эта самая Таня! Я ее тут же вспомнил и поинтересовался, вылечила ли она зубы. Тогда я еще мог запросто с ней заговорить и брякнуть что угодно. Но она перепугалась и хотела было проскочить мимо нас. Мои дружки и я заржали как кони при звуке походного горна, а Вован успел перегородить ей дорогу: «Куда, малая, заторопилась?».

В другой раз я и сам готов потискать девчонок, доводя их до истерики, но тогда мне внезапно перестала нравиться эта затея, и я попросил Вована отпустить ее.

Авторитет у Вована значительно выше моего, учитывая его яркую биографию и то, что в новой школе я без году неделя, поэтому он пропустил мою просьбу мимо ушей, продолжая сжимать девчонку, на которой уже лица не было. Чтобы с ходу не портить отношения, я еще немного поугуваривал его, но, видя, что тот лишь входит в раж, пустил в ход убеждение физической силой. Однако их было трое, и они оказались гораздо «убедительнее», поэтому мне здорово наваяли. Так прекратилась моя дружба с Генкой, Вованом и Саней. Но зато Таня ускользнула от них, ну а я узнал, где она живет.

Наверное, в тот день я и влюбился в нее, потому что всю неделю, пока отлеживался дома, зализывая раны, думал о ней. Не то чтобы тосковал или еще что-то в этом роде, но из головы она у меня никак не шла. Я раз за разом прокручивал в воображении тот эпизод. Правда, в моей версии я, естественно, всех побеждаю, а она меня благодарит.

С того случая в подъезде я стал встречать ее постоянно: на переменах, в буфете, в гардеробе. Я замечал Таню везде и безошибочно угадывал ее силуэт издали среди множества других школьниц в таких же форменных платьях. Иногда мы встречались с ней взглядами, и она тут же отводила глаза. Впрочем, я и сам не смел открыто на нее смотреть, только мельком, украдкой или со спины. Дорога в школу уже не казалась мне восхождением на Голгофу, как еще совсем недавно. Напротив, я стремился туда всей душой. Я выучил наизусть ее расписание, запомнил в лицо всех ее подруг, точно знал, когда она не приходила в школу. Это были для меня самые черные дни. В выходные взял в привычку прогуливаться близ ее дома. Правда, всё без толку, и лишь раз мне повезло, и я столкнулся с ней в булочной. Естественно, при подобных обстоятельствах я об отце и думать забыл. Да я вообще про все забыл.

Постепенно период эйфории, когда я был счастлив просто от того, что она есть и я ее вижу, прошел. Все чаще меня охватывала тоска или непонятная нервозность. С матерью отношения вконец испортились. Она не понимала меня абсолютно: то долбила меня упреками, то, наоборот, как в рот воды набрала. Один раз она меня так допекла, что я не выдержал и ляпнул сгоряча: «Я понимаю отца, почему он от тебя сбежал».

От этих слов ее лицо будто потемнело. Зная ее болезненное самолюбие, я, конечно, не должен был так говорить. Однако сказал и не извинился ни сразу, ни позже, вечером, когда явился домой и учуял

запах ее сердечных капель. Да я почти сразу забыл о своих словах. У меня просто не получалось думать о чем-то еще, кроме Тани.

Иногда мне казалось, что и я ей небезразличен, а в другой раз думалось, что она даже не замечает меня.

Так я промаялся до февраля и наверняка бы ни на что не решился, если бы однажды после уроков не увидел ее с каким-то очкариком. Они не просто шагали вместе, он сумку ее тащил! Я увязался следом. Шел и слушал, как этот очкарик упражняется перед ней в остроумии. Все оказалось еще хуже: он не проводил ее, он поднялся к ней домой...

Сам себе внушал: «Уйди! Наплюй на нее! На эту дуру!», но продолжал стоять как столб и всё ждал чего-то. Через час очкарик вынырнул из ее подъезда и засеменил к остановке, я – за ним. Тот и сообщить ничего не успел, как я сбил его с ног и отшвырнул в нетоптанный сугроб.

«Вставай!», – скомандовал я, горя желанием разорвать противника.

Но тот отказался вставать: «Я не хочу с тобой драться!».

Наивный! Разве это аргумент. Тогда я сам полез за ним, стараясь вытащить его из сугроба, где тот засел как в окопе. В этот самый миг я услышал, как она позвала меня. По имени!

«Леша, не надо! Не бей его! Пожалуйста!», – крикнула Таня.

Я оцепенел. Стоял и смотрел на нее, выбежавшую на мороз в накинутом пальто, без шапки. Смотрел на нее, наверное, целую вечность. И она смотрела на меня не мигая. А потом она мне улыбнулась. Когда наконец я вновь обрел дар речи и способность хоть как-то мыслить, решил пойти ва-банк и будь что будет: «Не бить его, говоришь? А ты будешь со мной ходить? Тогда не трону его».

Она улыбнулась еще шире и кивнула. Значит, да! Выходит, я рискнул и выиграл.

* * *

Наша любовь с Таней мгновенно стала достоянием гласности. Нас обсуждали, о нас перешептывались, учителя укоризненно косились в нашу сторону, когда мы, сцепившись пальцами, стояли у окна на переменах. Это было наше окно. Мы всегда там стояли. Даже нацарапали на подоконнике наши имена.

Мы исходили тысячи кругов по улицам и часами простаивали в ее подъезде после прогулок, не в силах проститься. В один из таких вечеров Таня позволила поцеловать себя. Я тысячу раз представлял себе наш первый поцелуй, томясь в его ожидании, а вышло все как-то по-дурацки. Совершенно некстати вдруг разволновался, стушевался и ткнулся неловко, как слепой котенок, в краешек ее рта. От смущения я зажмурился и почувствовал, как Таня сама коснулась моих губ своими, такими мягкими, теплыми, нежными... Потом осмелел и при каждом удобном случае с упоением целовал ее. Правда, удобные случаи выпадали не так уж часто. Даже на прощанье, перед тем, как идти домой, и то не всегда удавалось. Сколько раз долгожданный момент портила какая-нибудь не вовремя появившаяся соседка! Таня конфузливо говорила «Пока!» и быстро убегала к себе.

А вечером, уже дома мы писали друг другу любовные записки, которыми обменивались на следующее утро. Кто бы мне прежде сказал, что от глупейшей фразы «мой любимый ежик» я полдня буду улыбаться!

Мы с упоением и смехом вспоминали все наши прежние случайные и не совсем случайные встречи и тайные перегляды. Оказывается, все это время моя любовь к ней была взаимной, но Таня ждала, когда я сам к ней подойду, первый. Она-то знала про меня или чувствовала... Видимо, и правда женщины наделены какой-то особой интуицией.

Если меня когда-нибудь спросят, был ли я в своей жизни счастлив, я, не колеблясь, отвечу, что был, вспоминая именно дружбу с Таней. Ни до ни после я не испытывал такого всепоглощающего, головокружительного счастья, когда улыбался просто так, когда любил весь мир, который казался мне удивительно прекрасным. Будете смеяться, но я даже учиться стал лучше. Скажу больше, я дал Тане обещание не бросать школу после восьмого класса.

В Тане мне нравилось все: как она легко и беззвучно ступает, как смеется, запрокидывая голову назад, как накручивает на палец кончик косички, когда задумается. Умиляла ее наивность и непосредственность, а больше всего то, с каким неподдельным, непостижимым восхищением она порой на меня смотрела. Я думал тогда, что никакая сила на свете не сможет нас разлучить...

* * *

Летом после экзаменов мы обыкновенно уезжали к бабушке в Иркутск. Танины родители тоже собирались куда-то ее увезти. Это казалось немыслимым – расстаться на целых полтора месяца! Мне было

проще – я твердо заявил, что никуда не поеду, и все тут. Мама махнула рукой и уехала одна, взяв с меня слово «не глупить» и хорошо кушать.

У Тани же дома кипели страсти. Отец ее достал путевку на юг, а она сутки напролет плакала и отказывалась от юга.

Сначала ее родители злились на меня и обвиняли в том, что я «все им порчу», хотя они даже имени моего не знали – Таня прежде стеснялась им рассказать, что встречается с мальчиком. Поэтому для них мое существование стало большой неожиданностью. Все их доводы против нашей дружбы были тщетны и принимались в штыки. Особенно усердствовала ее мать, которая вмиг превратилась из любимой мамочки в злейшего врага. Потом вдруг они сменили тактику и решили познакомиться со мной, пригласив на семейный ужин.

Честно скажу, волновался я чуть не до обморока. Готовился так, будто шел свататься к царской дочке: постригся не у практиканток задаром, как делал обычно, а в парикмахерской, сам отутюжил брюки и рубашку, начистил до блеска ботинки, еще и цветы по дороге прикупил.

Открыла дверь Танина мама. Может, она и имела зуб на меня, но виду не подала. И вообще, если честно, то она – весьма ничего себе женщина, моложавая, стройная, улыбчивая. Я буркнул «Здрасьте» каким-то чужим голосом и сунул ей букет.

Она провела меня в гостиную, где уже сидели за накрытым столом незнакомые люди. Это было немного неожиданно, поскольку я рассчитывал на тихий ужин в тесном семейном кругу. Танина мама представила меня гостям как друга ее дочери. Потом извинилась, что муж ее задерживается на работе, но вот-вот будет. Сама Таня сновала туда-сюда с тарелками, и мы успели только обменяться взглядами.

Я поздоровался с гостями, как велят приличия, и пошел мыть руки. Пока был в ванной, явился и глава семейства. Я слышал, как его радостно приветствовали и он столь же шумно и весело всем отвечал. Видел со спины, как он ласково обнимал и целовал Таню и жену.

* * *

Я узнал его. Это был мой отец, то есть прежде мой, а теперь Танин. Я незаметно выскользнул из квартиры, а там уже опрометью бросился прочь. В тот же день я купил билет до Иркутска и уехал. Уже оттуда отправил ей телеграмму всего в два слова: прощай и прости.

Больше мы с Таней не встречались. Нет, я ничуть не был обижен ни на отца, ни на Танину мать, ни на Таню тем более, она-то уж точно ни в чем не виновата.

Что говорить, скучал я по ней невыносимо. Но, вспоминая, как отец их обнимал, я видел окаменевшее, иссушенное лицо матери с потухшим взглядом, слышал вновь и вновь ее глухие рыдания по ночам, когда она думала, что я сплю. Я просто не мог остаться с ними, а значит, не мог остаться и с Таней. Мама бы этого не вынесла, уж я-то знаю...

Григорий ЕРМОЛАЕВ

Родился в 1985 году в г. Екатеринбурге (Россия). Учился в УрАГС. Работает в сфере логистики. Пишет рассказы, миниатюры, эссе. Публиковался в журналах «Мост», «Край городов». Интересуется психологией, социологией, литературой. Любимые писатели: Л.Н. Андреев, А.П. Чехов, Э.М. Ремарк, А. Камю.

Ветра времени

Город. Дороги. Сотни зданий и улиц. Тысячи людей. Тысячи незнакомых судеб и лиц. Миллионы шагов, взглядов, мыслей, затерявшихся на необъятных пространствах истории, уносимых ветрами времени. Перемешавшиеся слова, крики, звонкий смех и тягостные вздохи. Одно сменяет другое бесконечное количество раз: и вновь повторяются забытые трагедии, нечаянные встречи, жаркие объятия и безотрадные горести. Едва слышна вкрадчивая поступь одиночества, то и дело забредающего в высокие двери квартир; там же озорной детский топот, стремительные шаги молодости и степенная походка зрелости; чудо рождения и скорбь разлуки. И бесконечное количество раз сменяется день – ночью, а ночь – днем; играет музыка и гудят автомобили; шелестят листья парков, и, храня свою тайну, молчат камни мостовых.

На огромные клокочущие проспекты центра, в захолустья окраин сдувают ветра времени пыль, песок; рушат ветхое и едва стоящее; уносят людские дела и жизни; наполняют воздухом паруса новых чувств, идей, судеб. И в каждом переулке, в каждой щели дверей и окон, если прислушаться, различим их свист. То грозно завывающими вихрями крушат они всё на своем пути, то ласкают нежным дуновением, принося аромат распускающихся цветов.

По перрону шли двое, рассекая дрожащую пелену тёплого летнего воздуха. Слышались отдаленные гудки поездов. Размеренно постукивали каблучки женских туфель. По громкой связи что-то бубнил диспетчер.

– Может, мне завтра приехать? Ты устала, наверное?

– Нет-нет! Никуда ты не поедешь! Ты чего?! Я и вещи уже в гостинице оставила. Господи, сколько лет мы не виделись... Лишь эти скупые письма!

– Да, ты права, Лена... Елена Павловна... Время, как вода, течет. Отца уже шесть лет как не стало... Катенька моя через год в школу пойдет!

– И не говори! Летит время! Как ветер проносится... Оглянуться, брат, не успеем, а уж состаримся: вся жизнь словно миг.

– Ну ла-адно, начали тоже «за упокой»! Айда в кафе! Встречу отметим. Расскажешь хоть, где ты сейчас, чем занимаешься, как живешь.

– Пошли, Костик!

Громкоголосые улицы мало-помалу пустели. Неспешно, под аккомпанемент зеленой листвы разливалась по дворам и аллеям вечерняя прохлада.

В высоких веерных окнах кафе переливался красный закат августовского солнца. Пара сидела за уютно убранном столиком. Брат всё говорил, временами улыбаясь и размашисто жестикулируя. Лена смеялась, и её задорный смех отзвуками наполнял пространство зала. То вдруг оба грустнели: начинали что-то вспоминать. Костя дрожащими руками закуривал. Ленины глаза наливались слезами: плакала, обнимала брата.

Торопливо пробегая, звенели посудой официанты. За окном уже опустилась темень. Звучала легкая, плавная мелодия. Костя махнул рукой бармену:

– Будьте добры, нам ещё по чашечке кофе. И коньяку повторите, пожалуйста!

– Кость, а ты всё в библиотеках сидишь?

– Да я, Лен, защищусь вот через пару месяцев, а потом меня в этих библиотеках днем с огнем не сыщешь! Что хихикаешь?! Пра-ава!

– Да ну тебя! Сколько помню, всё сидел-читал!

– Нет, Лен, хватит, завязываю! Семья! Защититься-то надо: платят мало... А ты всё флиртуешь небось?

– Ко-ость!

– Да ладно, уж я-то тебя знаю!

– Да, флиртую всё! Не хочу замуж... Не хочу свободу терять, вот и флиртую! И, знаешь, не могу понять, как можно жить этой вашей семейной жизнью: скукота ведь! Скукотиш-ша! Не для меня это...

– Лен, а ты-ы... Ты чувствуешь... счастье?

– Нет, Костя... А ты?

– И я, Лен, не чувствую...

– А его и не должно быть... Ты ж умный человек: сам всё понимаешь... Общие слова, да и только... Разве мало тебе самой жизни?!

– А детей-то будешь заводить? Хочешь?

– Нет... Не хочу...

– Ну ведь есть же, наверное, в тебе желание продлить в чём-то свою жизнь?! След оставить?! Создать что-нибудь?! Я вот всё с книгами возился, думал написать что-нибудь: останется, после меня прочтут... А сейчас понял – глупо всё это... Сухи книги, начетничество одно...

– Нет... Я всегда знала, что моя жизнь пройдет незаметно. Не вижу причин напрягаться. Зачем?! Да и свобода, сво-бо-да... Ни на что её не променяю!

– Э-эх, Леночка, свобода – она, как счастье... То ли есть, то ли нет: словно туман над озером... Если б только суметь избежать всех этих странных и громких слов! Знаешь, с годами мне всё чаще не дает покоя одна жуткая мысль... Очень страшно для человека – никогда не суметь вырваться за рамки собственных ограничений, ещё страшнее – так и не суметь понять, в чем именно они состояли...

– Да, Костя... Сколько ни пытайся понять, почти наверняка ошибешься...

Официант принес кофе с коньяком. Костя показывал фотографию дочки, Катеньки. Родителей вспомнили. Шутили, смеялись. Никак не могли наговориться...

Ушли только под утро. Светало. Перекрестки и тротуары наполнялись спешащими людьми: кто куда. Кто – энергично и размашисто, кто – с пустым поникшим взором, кто – сонно глаза по сторонам. Отблескивая, проносились завывающие автомобили. Город просыпался, перелистывая календарь своей жизни. И каждую минуту, каждый день, подхватив, уносил ветер...

Виктор БЕЙКО

Родился 17 апреля 1951 года в г. Североуральске Свердловской области. Горный электромеханик. Работал на шахтах, строительстве метро и тоннелей на Урале, БАМе, в Москве и Подмосковье, а также в Канаде и на Тайване, на должностях от электрослесаря второго разряда до главного механика Тоннельного отряда. Начиная с 70-х годов прошлого столетия активно печатался как в качестве журналиста, так и в качестве прозаика в различных периодических изданиях СССР, России и практически во всех русскоязычных изданиях Германии, где постоянно проживает с 2003 года в городе Ратинген, земля Северный Рейн – Вестфалия. Автор двух книг. Рассказы размещены в десяти литературных альманахах.

Как когда-то мне нравилась ты...

*Скоро осень, за окнами август,
От дождя потемнели кусты.
И я знаю, что я тебе нравлюсь,
Как когда-то мне нравилась ты...*

Он спал, когда самолет заходил на посадку, и проснулся, почувствовав, что самолет начало не воздушному потряхивать – они уже ехали по «рулежке».

– Что, Москва? – спросил у соседа, пытаясь хоть что-нибудь рассмотреть в иллюминаторе.

Оказалось, никакая не Москва, а провинциальный уральский город, в котором они как минимум часа на четыре застрянут по метеоусловиям российской столицы. На четыре часа – это в лучшем случае, а сколько на самом деле проторчат, одному богу известно.

Вскоре всех пригласили на выход, любезно проинформировав, что в их распоряжении действительно четыре часа, которые они могут провести в зале ожидания таможенной зоны, где кампания предлагает им кофе, соки и прохладительные напитки. Имеющим российские паспорта разрешалось на это время покинуть таможенную зону.

Российский паспорт у Вадима был, и он, не размениваясь на кофе, поспешил на выход.

Всей грудью вдохнул свежий ночной воздух. Огляделся. Сколько же лет прошло, когда он был здесь последний раз?

...Это был город его юности. Здесь он учился, отсюда ушел в армию, и воинская часть была рядом с городом. Так же недалеко, но по другую сторону от места службы находился город, в котором он родился. Сколько воспоминаний навалилось сразу! Закурив, Вадим еще раз огляделся по сторонам. Ничего знакомого, даже здание аэропорта выглядело иначе, чем тогда.

Интересно, а внутри оно сильно изменилось? Докурив, он бросил сигарету в урну и, не торопясь, вошел внутрь. Он узнавал и не узнавал помещения. Пытался вспомнить, так ли было раньше. Почувствовав на себе чей-то взгляд (была у него такая особенность), он не сразу, занятый воспоминаниями, обратил на это внимание. Непонятно откуда идущий дискомфорт настойчиво напоминал о себе. Вадим огляделся, пытаясь понять причину. Скользнул равнодушным взглядом по фигуре одинокой женщины... Оглянулся. Снова мельком посмотрел на женщину.

– Вадим... – еле слышно произнес женский голос.

– Ви, битте? – механически спросил он, оборачиваясь на голос.

По имени его уже давно называли только за границей, а из иностранных он знал лишь немецкий язык. Вот и сказал на нем фразу, которой обычно переспрашивают собеседника в Германии.

– Вадим... Это ты? – тихо и нерешительно спросила та самая женщина, на которую он дважды до этого мельком смотрел.

Он в третий раз, уже внимательнее посмотрел на нее. Дыхание перехватило. Господи, неужели...

(– Ну хочешь, тебе я достану звезду, хочешь, весь мир подарю? А сердце кричит, надрываясь: «Тебя

больше жизни люблю...» – на полную мощность неслось из всех динамиков. Это была их любимая песня, именно из-за этой песни их ансамбль прославился на всю округу. Сколько девчонок крутилось вокруг их, а ему больше всех нравилась она. Это ей он пел эту песню.)

– Светлана... Светланка. Ты ли это? – выдохнул он, сделав к ней шаг.

– Узнал-таки, хоть и не сразу. Что, так сильно изменилась?

– Да нет, что ты! Просто задумался. Ты как всегда – на высоте! Видишь, даже растерялся.

Он действительно выглядел растерянным, стоя перед ней, не зная, что делать дальше: обнять её или просто цивилизованно, как на Западе, пожать руку, но после его фразы у нее на глазах блеснули слезы и она первая обняла его. Просто обнялись, без поцелуев.

– Я узнала тебя сразу. Ты совсем не изменился. Возмужал, конечно. Прямо выделяешься из толпы, – волнуясь, она говорила сбивчиво, короткими, отрывочными фразами. – Писателем стал. Журналистом. По заграницам летаешь. Тут самолет из Токио совершил посадку... Ты не с него?

Как она изменилась! Куда делась та, самая модная девчонка в школе, чуть ли не с восьмого класса пользующаяся, назло всем учителям, косметикой?! А как она держалась! Как холодно, свысока, надменно разговаривала почти со всеми...

Время не пожалело ее, отметив на лице все прожитые годы, заметно и щедро прибавив от себя. Нельзя сказать, что она не умела пользоваться косметикой, но до столичного блеска было, конечно, далеко. И парфюм был явно не из парижских салонов.

– Да ладно, хватит обо мне. Как ты-то? Чем занимаешься, где живешь?

Вон небольшое кафе. Давай присядем там и... Он осекся. Они сели за тот же самый столик, за которым они с товарищем просидели всю ночь много лет назад. Она заметила перемену и сразу, после того как он сделал заказ официантке, спросила, в чем дело.

– Не поверишь, за этим столиком мы с другом всю ночь просидели, провожая меня, когда я уехал из города, узнав, что ты выходишь замуж. Кто бы мог подумать, что... – он не договорил. Зачем ворошить? – Расскажи о себе. Счастлива?

– Как тебе сказать?! Наверное, счастлива... Дети, внуки, я уже давно бабушка.

Живу в... Она назвала небольшой городок. Вот, приезжала прикупить что-нибудь внукам.

У нас вроде все есть в магазинах, но в основном китайский ширпотреб. Здесь хоть разнообразие. Дома все нормально. Почти никуда не ездим. Отпуска на даче проводим. А ты все же осуществил свою мечту, повидал мир?

(Надо же, запомнила. Он как-то делился с ней мечтами, что хотел бы как можно больше поездить по свету).

– Помнишь, как ты мне из Индонезии звонил?

(Господи, и это помнит! Лет пятнадцать назад работали там по контракту, отмечали однажды какой-то праздник. Естественно, после этого захотелось поздравить своих друзей в России, вот и стал обзванивать всех, а она оказалась в гостях у одного друга, они долго тогда разговаривали).

– Так ты с токийского самолета? Из Японии летишь?

(Нужно было видеть ее выражение лица).

– Нет, что ты... Вернее, да, самолет токийский, но я сел в Иркутске. У бамовских друзей гостил. Омуля дали. Угостил бы тебя, да в багаже. Пробовала омуля?

Беззастенчиво, но довольно правдоподобно врал он, уводя разговор в сторону. Не мог, ну никак не мог он говорить ей правду. Ну зачем ей, провинциальной бабушке, знать, что он летит с международного симпозиума, освещая его по заданию центральной газеты? Хвастаться? Зачем?

– Нет, не пробовала. Откуда?

– Ну, на БАМ никому дорога не была закрыта...

– Но не все туда рвались... А помнишь, какую музыку ты тогда по телефону мне крутил?

До сих пор не могу ее забыть.

– Это Янни. У меня осталась кассета. Хочешь, я передам ее другу, возьмешь у него.

– Ты можешь послать ее сразу мне.

Он внимательно посмотрел на нее.

– Ах, да! Адрес...

Она достала записную книжку. Что-то написала, оторвав листок, протянула ему. Он кивнул, взял листок и положил его в карман.

– А ты чем занимаешься и занимался все это время? Живешь, я слышала, в Германии?

– Да, в Германии. Вот только того, чего добился в России: и должности, и заграникомандировок в Германии, увы! уже никак не получается, даже близко, на российский уровень выйти. Скрипим помаленьку, водочку попиваем и в праздники и в будни не забываем... Пиво, винишко – тоже по случаю... Не брезгуем.

– Водочку, значит, попиваете? А книжки ты вроде как между пьянками пишешь?

(Смотри-ка ты! И про «книжки» знает... Вот тебе и провинциальная бабушка!)

– Ну, водочка – она не всегда во вред. Это только у нас с тобой из-за нее ничего не получилось. А книжки под водочку даже еще лучше писать.

Она с какой-то тоской смотрела на него, глаза её подозрительно блестели. Слёзы?

Посмотрел бы ты на себя со стороны, «пьяница». Выглядишь лет на 10 моложе, одет лучше губернатора... Из кармана авторучка японская виднеется, куришь сигареты японские. В Иркутске, значит, сел в самолет, омулечек жене-детям везешь?

(Господи, может, и впрямь «раскрыться»? Но зачем? Зачем???)

– Ты же знаешь, как я тебя любил. Я, конечно, с удовольствием распушил бы сейчас хвост, рассказывая тебе про Японию, какой фантастический я мачо, если бы это было хоть чуть-чуть правдой. Но врать тебе я не могу. Я никогда не ставил себя выше, чем на самом деле. Никогда. Ни тогда, ни сейчас. Во всяком случае, перед тобой. Зачем? – буквально выдохнул он рвавшееся наружу слово.

– А может, зря ты так поступал?

Он растерялся. А может, действительно зря? Он не знал, что ответить...

(Не говорить же ей, что в этом случае она сейчас у того, другого расспрашивала бы, из каких границ и куда он летит, мысленно сравнивая того, другого – это было видно по ее глазам – с ним, окруженного детьми и внуками и терпеливо ждущего ее с незатейливыми покупками в маленьком провинциальном городке).

Из динамиков послышалась приятная мелодия, предшествующая объявлению, а потом женский голос объявил о начале посадки на его рейс. Они подошли к зоне контроля и остановились в нерешительности. Лишь на секунду. А потом бросились в объятия друг друга. И он впервые поцеловал её. Ему казалось, что перед ним та самая семнадцатилетняя девчонка, которая когда-то вырывалась из его объятий, не давая себя поцеловать, а сейчас трепетно и нежно обнимает и целует его. Он задохнулся от нахлынувшего чувства. Но это продолжалось лишь мгновение. Исчезли сумасшедшие запахи той весны, и перед ним снова стояла провинциальная бабушка, все лицо которой было в слезах. Достав платок, он бережно вытирал их, пока она не успокоилась, а потом, ещё раз поцеловав ее, поспешил на посадку.

Когда он доставал на контроле паспорт, из кармана выскользнул и упал на пол сложенный листок бумаги. Ни он, ни она не заметили его. Они смотрели друг на друга, и в её глазах снова блестели слёзы.

Весенний вечер в...

– Добрый вечер, Сергей! Я вижу, вы уже пришли... Поговорим? Я только что пришла с концерта Александра Солодухи. Слышали про такого?

– Добрый вечер, Светлана! Рад видеть вас! Про Солодуху слышал, краем уха, в том смысле, что есть такой, а вот чем знаменит, увы...

– Солодуха – поэт, композитор, певец, одним словом – изюминка белорусской эстрады.

– Я же говорю, слышал. Он, видимо, молодой. Лет 30?

– Почти угадали – ему за 50, то есть слегка молодой.

– Интересное выражение «слегка молодой». Вы знаете, когда мне было лет 16-17, я не собирался жить лет до 50, такими старыми и больными они мне казались. Разве это жизнь? Что мучиться?

– Надо прожить еще лет 50 и потом сравнить...

– Ну, еще лет 50, это вы уж слишком. Я хоть и сказки иногда читаю, но все же живу в реальном времени. Это в Германии средний возраст у мужчин больше 80 лет. Но я-то большую часть жизни прожил в России, где он, ну, средний возраст, только 60.

Светлана, мы же совсем забыли. Скоро наступит День победы. Поздравляю вас с этим праздником!

– Я вас тоже поздравляю с этим праздником. У меня на фронте дед погиб. У моей мамы до сих пор хранятся его письма с фронта и похоронка. Похоронен дед под Волгоградом. Бабушка при жизни ездила на могилу.

– Вообще-то и внучке не мешало бы съездить на могилку к деду. И письма, если они сохранились,

отдать в музей населенного пункта, возле которого или в котором находится могила деда. Увековечить память – это святое... И вы будете почетной гражданкой того населенного пункта. Или почетной жительницей, не знаю, как правильно.

– Я говорила с мамой об этом, но она их пока не отдает. А почетное гражданство мне ни к чему, нынешнее поколение как-то не воспринимает его. Так что надо ли это...

– Светлана, про почетное гражданство, это больше шутка. Ведь мы очень часто стесняемся делать добрые дела. А если и делаем, то скрываем это за шуткой. Скажете, я неправ? Ну а сама идея съездить к деду на могилку, отдать в музей его письма с фронта – разве она не воспримется нынешним поколением?

– Давайте лучше помянем моего деда. Я налила себе бокал вина, налейте и вы себе. Неудобно как-то пить одной.

– Одному пить нехорошо водку, а бокал вина... Но компанию поддержать – святое дело. Итак: «С Днем Победы!»

– Подождите немного. За такой тост надо полный бокал налить.

– За День Победы! За наших дедов!

– За День Победы! За наших дедов! Кстати, мой отец тоже воевал, надо бы и за него тоже.

– Как хорошо мы проводим время.

– Если говорить политкорректно «С пользой проводим время», еще вариант «Культурно проводим время». А вы что скажете?

– Как классно мы болтаем!!!

– Ваш вариант – победитель в День победы. После него второй тост просто обязан быть – «За дружбу!»

– Третий тост всегда пьют за любовь.

– Так дружба всегда переходит в любовь! Так что тост «За дружбу» автоматически переходит в тост «За любовь!» У вас бокал полный? Смотрите, пить надо до дна! Иначе какая же это любовь? А целоваться будем?

– А что за дружба или любовь без поцелуев? Конечно, будем!

– Что вначале: дружба, любовь или поцелуи?

– Мы уже достаточно выпили, теперь пришло время танцев. Как насчет потанцевать?

– Ах, да! Вначале будут танцы! Как там? «Кто девушку танцует...»

– Что вы танцуете?

– Я, наверное, ужасно старомодный. Мой любимый танец – вальс. Как там? Ум па па, ум па па... «Сударыня! Я пригласить хочу на танец, вас и только вас. И этот танец – вальс!» Ну реверанс, это соответственно...

– Я безумно люблю вальс. Тем более что сейчас мало встретишь людей, которые умеют его танцевать. Я в свое время ходила на бальные танцы и многим танцам научилась.

– Увы, мы, как говорится, «гимназиев не кончали», самоучки мы. До бальных танцев не дошли, но вальс осилили. Вы правы, на корпоративных вечеринках вальс танцевал один я. Дамам ужасно нравилось, они же научили меня всяким премудростям танца. Как видите, совмещал приятное с полезным. Но мы с вами будем просто наслаждаться танцем.

– Только подождите немножко. Я надену бальное платье и туфли на шпильках.

– Ради такого можно подождать и побольше.

– Вы тоже переоденьтесь, а то я не люблю, когда партнер в чешках и спортивном костюме.

– Уже переоделся. Как бывший спортсмен, в спортивном костюме хожу только на тренировках.

– Ну все, я уже каблучки надела. Давайте танцевать.

– Давайте. Итак: «Сударыня, Вашу руку!» Далее вы кладете руку мне на плечо, я беру вас за талию, делаю шаг правой ногой и нежно поворачиваю вас влево. Правильно?

– Всё правильно! Танцуем дальше!

– Левая нога с поворотом вперед, далее правая нога, скользящий шаг назад. Опять же с поворотом... Вы так соблазнительно откидываетесь назад, что я поневоле прижимаю вас сильнее, чем нужно, к себе... Правильно?

– Я откидываюсь назад, потому что в зале темно, а на небе яркие звезды, мне хочется видеть их струящийся свет, их так много, посмотрите, начинается настоящий звездопад! Нет, они не падают, они танцуют вместе с нами!

– Звезды – это хорошо, даже здорово! Но и о партнере забывать не надо. Где нежный мечтательный взгляд? А чтоб центробежная сила не уронила вас, вы все крепче прижимаетесь ко мне...

– Вальс – это прекрасно! Как я мечтала в юности вот так танцевать вальс в таком просторном зале, из которого видны звезды!

– Представляете, каждая звезда – это маленькое солнце, вокруг которого вертятся планеты, похожие на нашу Землю.

– И жители этих планет сейчас смотрят в телескоп и видят нас!

– Так давайте же покажем им настоящий класс в танцах!

* * *

– Смотрите, какая прекрасная музыка! Прошло уже столько времени...

– У меня закружилась голова, и я больше не хочу танцевать. Спасибо за прекрасный вечер!

– Помните песню: «Но все когда-нибудь кончается...»?

– Расскажите мне сказку, и я пойду спать.

– Баю, баюшки баю!

Не ложися на краю.

Придет серенький волчок

И укусит за бочок!

А я всегда ложусь с краю!

И быстрее засыпаю!!!

* * *

На следующий день вечером.

– Домашние на меня косятся с недоумением. Наутро, после того как мы с вами общались, в зале обнаружили брошенные туфли, праздничное платье, распечатанную бутылку «Мартини». Спросили, что все это значит, но я ответила, чтобы мне лишних вопросов не задавали.

– А вы читали «Мастер и Маргарита» Булгакова?

– Домашним я так и сказала, что была на балу. А они спросили: – «У сатаны?» Завидуют!!! Ну а сейчас я поеду в бассейн, а вы?

* * *

Действующие лица:

Сергей. 58 лет. Горный инженер. Живет в Германии. Пенсионер.

Светлана. 48 лет. Кандидат наук. Живет в СНГ. Преподаватель университета.

Место действия:

Интернет. Сайт «Одноклассники.ру»

Время действия:

Ночь с 8 на 9 мая 2009 года.

Старуха

Сколько забот навалилось сразу! Одна покупка продуктов на такую ораву чего стоила, и это при пустых прилавках магазинов. Хорошо, были какие-то бумаги и в большинстве магазинов ей шли навстречу, отпускали продукты, минуя очереди. А сколько бумаг нужно было ещё оформить! От одного только их перечня голова шла кругом.

И это было только начало.

А сейчас старуха, плача, бежала в единственный в их маленьком городе открытый до сих пор магазин, чтобы успеть до закрытия. Успела! И уже по привычке, плача и бегом, хотя в этом уже не было никакой необходимости, возвращалась домой.

Слёзы текли по её покрытому сеткой морщин и рябинок, от перенёсшей в детстве оспы, лицу, но она не обращала на них внимания и даже не вытирала их. Растрёпанные седые волосы выбились из-под платка, да и платок сам сбился набок – и это не замечала старуха. Не до этого ей было...

А тот, ради кого была устроена вся эта кутерьма, чистый, умытый и причесанный спокойно лежал, сложив на груди руки с большими натруженными и мозолистыми ладонями. Лёгкий румянец играл на его

щеках, выражение лица было спокойно и умиротворённо.

Он, казалось, спал, и только слегка заострившийся нос и ложе, где он находился, говорило о том, что сон этот – последний. Она подошла к нему и достала свою покупку. Это были тапки самого большого размера, которые только нашлись в магазине. Те, которые были куплены ранее, никак не хотели налезать на его распухшие ноги, вот и пришлось ей сломя голову бежать в магазин.

С суеверным страхом она смотрела на тапки, не решаясь сразу надеть их на его ноги, а вдруг и эти не налезут? Наконец – решилась. Слава Богу, подошли! Она села на стоящий рядом диван, устало вытянула ноги, слегка откинувшись на спинку дивана. И только сейчас догадалась поправить на голове платок, вернее, не поправить, просто спустить его на плечи, а поправить выбившиеся из-под него волосы, вытереть наконец краем платка мокрое от слёз лицо. Хотелось немного отдохнуть, забыться, уйти хоть на какое-то время в себя, да не получалось: постоянно со словами соболезнования подходили люди, несколько раз подходили дети, внуки – звали пойти хоть что-нибудь покушать, даже принесли прямо сюда чашку её любимого кофе. Механически, не вникая в смысл, она отвечала на соболезнования, отказывалась от приглашений и от кофе.

Так продолжалось довольно долгое время, но всему наступает конец: иссяк постепенно поток людей и дети, несколько раз безуспешно просившие её о чём-то, тоже, помявшись у дверей, тихо попрощались и ушли, пообещав прийти рано утром. Она осталась одна. И сразу поняла, как ошибалась, считая, что одной ей будет намного легче. На душе стало ещё тяжелее: не с кем было поделиться своим горем, просто поговорить, уйти хоть на какое-то время от свалившихся на её голову невзгод. Слёзы опять текли из её глаз, а она, как и раньше, не замечала их. Она видела себя маленькой девочкой, когда оспа обезобразила её лицо. Как переживала она тогда! Чувствовала, каково ей придётся с таким лицом в деревне! Как в воду глядела – дня не проходило, чтоб не ужалили таким обидным для неё словом «рябая». Не с кем было поделиться своим горем. Отец давно уехал куда-то, а мать разрывалась на работе, пытаясь прокормить их. Позже отец, ставший первым человеком в небольшом городе, за много тысяч километров наконец вспомнил о них, пригасил одну из дочерей пожить у него. Ехала она к нему, мечтая быть любимой дочерью, а стала, как в сказке, служанкой у мачехи, возрастом чуть старше падчерицы.

Так и прошла бы её жизнь в служанках, да захотел подчинённый отца упрочить своё положение, породниться с шефом. Статный он был, красивый, влюбилась она в него без оглядки, едва лишь он начал оказывать первые знаки внимания. И свадьба была, и первенец, девочка – доченька, родилась. Жить бы да радоваться, но сняли с высокой должности отца и проявились тут же высокие чувства ненаглядного, сбежал чуть ли не на следующий день после тестевой отставки к более молодой. Закаменело тогда сердце, появились на лице первые жесткие складки, из-за которых позже её стали называть старухой. Но увидел Бог её слёзы, улыбнулась судьба ей ещё раз. Нехватка мужских рабочих рук заставила власть расконвоировать бывших советских военнопленных, досиживающих сроки уже в советских лагерях, и появился в её судьбе высокий голубоглазый красавец, который сейчас лежал перед ней. Господи! Как хорошо было вначале! Ещё одна доченька, следом сыночек появились, вначале жили по квартирам, поднаружились, дом купили, по выходным и праздникам всегда семейный праздник был, детей наряжали, словно новогодние ёлки, и в гости шли или просто гулять. Как весело, красиво и счастливо они тогда жили!

В старухе пропадала великая артистка – все её чувства, как в зеркале, отражались на лице. Куда только делись морщины, жесткие складки? Любой поглядевший на неё увидел бы перед собой не старуху, а просто пожилую женщину с мягкими чертами лица и приятной материнской улыбкой, так молодившей её. Даже волосы она успела поправить, и теперь они красиво обрамляли её одухотворённое лицо.

А услужливая злодейка-память опять повела её в самые затаённые уголки, накрыла тёмным крылом. Как выдержало её сердце, когда двое маленьких залезли на подоконник, навалились на оконное стекло и оно не выдержало?! Успела она поймать их, окровавленных, за рубашонки, обнимая и умывая слезами до приезда «скорой»... А когда на младшенького опрокинулось ведро с горячей водой? Когда ранней весной младшенькая, бегая по лужам, провалилась с головой в канализационную канаву? И здесь успела старуха (да, старуха, ибо в это время лицо её уже трудно было назвать иначе), выхватила, не дала скрыться под водой, бегом приволокла домой, долго потом лечила от ревматизма... В этот момент слёзы ручьём хлынули из глаз старухи. Не смогла она удержаться от них, вспомнив, что не было её рядом через какой-то десяток лет, когда утонула в городском пруду её кровиночка, некому было подать ей руку в нужный момент, некому было выхватить из воды... Ох как сильно болит, разрывается сердце! Колет и колет! Старуха попыталась сесть поудобнее, чтоб не так саднило слева. Вроде полегчало. Рука, правда, онемела, видимо, придавила нечаянно. Ничего, пройдёт. А злодейка всё равно не отпускала, так и тя-

нула в самую чернь. Отгоняла, отгоняла память, а всё равно пришлось вспомнить, как застала своего ненаглядного. Не смогла она простить ему это. Предложила уйти. А куда уйти, если «зазноба» сама в бараке жила? Оставили всё, как есть. Может, со временем всё образуется. Не образовалось. Не смогла она пересилить себя, хуже врага стал ей этот человек. Вот тогда в её лице появилось то злобное выражение, которое так подходило к её прозвищу «старуха». Так и жили дальше. Ни дня без скандала. Сама не заметила, как отделились от неё дети, как при первой возможности старались уходить из дома, а потом и вообще разъехались. Она же по привычке старалась жить ради них, отдавая им всё, что было, но даже внуки относились к ней настороженно. Может быть, потому, что с её лица почти не сходило то постоянно озлобленное выражение? Она опять попыталась сесть поудобнее. Лучше бы она этого не делала! Какой болью отозвалось измученное сердце! Как стрельнуло в левом боку! А у неё не было сил даже застонать!

Но что это? Что??? Господи, это же моя доченька! Живая и невредимая!!!

Слёзы радости хлынули у неё из глаз.

– Доченька, милая ты моя! Доченька!!! – едва шептали её коснеющие губы.

– Мама! Мамочка!!! – весело и радостно кричала её младшенькая, её кровиночка, подбегая к ней по волнам пруда, в котором нашли её много лет назад...

На золотом крыльце сидели...

Был просто какой-то сумасшедший летний вечер. Сами посудите: на городскую продовольственную базу пришло несколько вагонов с фруктами, товар скоропортящийся, впереди два выходных дня и работники базы обратились к жителям близлежащих домов с просьбой о помощи в разгрузке. Жили мы довольно далеко от базы, но молва быстро дошла до нашего дома и все взрослые, бросив дела, рванули на «шабашку».

И мы, дети, оказались предоставленные самим себе.

А между тем уже приближалась полночь. Рассевшись на крыльце у подъезда одного дома, мы предались самому «любимому» занятию того времени – рассказыванием страшилок про «черные-черные гробы» или про «летающих мертвецов». С каждым рассказом мы все теснее и теснее прижимались друг к другу, а когда на небе вдруг засверкали молнии и загредел гром, с визгом забежали в подъезд. Сбившись в настороженную кучку, со страхом смотрели в открытые двери подъезда на неистовство стихии. Страх постепенно проходил, хотелось новых развлечений, и кто-то предложил помечтать под считалочку, помните, наверное: «На золотом крыльце сидели царь, царевич, король, королевич, сапожник, портной. Кто ты будешь такой?» Тот, на кого это выпало, должен был угадать, кем же он хочет быть, и считалочку запускали снова, начиная уже с него. Совпадало его желание с выпавшим на него при новом расчете – он объявлялся победителем, нет – все начиналось сначала.

Сами понимаете, первый победитель объявился нескоро.

Им оказалась Лариса, девочка с вечно грустными глазами. Насколько месяцев назад у нее умерла мама, и если младшая сестренка на похоронах, еще не понимая трагичности происшедшего, постоянно лепетала какую-то чепуху, будучи постарше, Лариса уже понимала, что никогда больше не увидит радостной маминой улыбки, и слезы большими горошинами так и лились из ее глаз.

И тогда и сейчас я очень жалел ее и был, говоря современным языком, просто шокирован, узнав, что в детском садике ребята очень плохо относились к ней, постоянно дразнили, а одну из дразнилок Сашка Белкин даже повторил ей в глаза при нас: «Лариса родила Бориса, положила на кровать, стала ...опу целовать». Я дернулся было осадить его, но Лариса очень спокойно прореагировала, даже не обратив на это никакого внимания, так что мой порыв так и заглох, не успев развиться в полноценную ссору.

Но мы отвлеклись. Победителю было дано право высказать свою мечту.

У Ларисы, уже ставшей Королевой, мечтательно загорелись глаза, появилась загадочная улыбка:

– Когда я стану Королевой, я сделаю так, чтобы у каждого мальчика и девочки были мама и папа!

Разношерстная «толпа» зачарованно затихла. Еще бы, она затронула самые сокровенные желания! Почти все присутствующие были из так называемых неполных семей...

...Судьба щедро одарила Ларису. Через какое-то время у нее появилась мама, не как в сказках – мачеха, а именно мама, в полном смысле этого слова. Надо было видеть, как от ее любви просто расцвела Лариса. Она действительно стала Королевой! И была ею на всех школьных, а потом уже институтских вечерах. Школу Лариса окончила с золотой медалью, а по окончании института получила диплом с отличием. Но та же судьба взяла за все это слишком высокую плату: Лариса ушла от нас, не достигнув и

сорокалетнего возраста, оставив своему мужу и моему другу двух очаровательных девочек.

Как и много лет назад, был морозный ненастный зимний день и крупные, как горошины, слезы так и катились теперь уже из глаз ее дочерей.

Не приведи Господь кому-нибудь увидеть это.

Следующим победителем оказался, уже упоминавшийся, Сашка Белкин. Он тоже захотел быть Королем, и ему тоже повезло при вторичном пересчете.

Второй Король говорил только за себя:

– Если я буду Королем, я стану летчиком! А потом буду летать на всех искусственных спутниках земли и ракетах!

Надо заметить, к тому времени Гагарин еще не полетел в космос и такого распространенного понятия, как «космический корабль», просто не существовало.

...Сашка умнейший пацан, играючи, получал «пятерки» по всем предметам, почти не заглядывая в учебники. В отличие от классических «отличников» был задирист и хулиганист, и единственные «четверки», а иногда и «тройки» были у него по поведению. Это его и подвело. В то время в «моде» у пацанов было изготовление самодельных бомбочек, которые делались элементарно просто: в бутылку ложилось несколько кусочков карбида кальция, наливалась вода, бутылка плотно забивалась деревянной пробкой и швырялась как можно дальше. Происходящая в бутылке реакция сопровождалась большим выделением газа, который с оглушительным хлопком вдребезги разрывал бутылку. Однажды бутылка никак не хотела разрываться и Сашка, как самый отчаянный, решил усилить реакцию, взял и энергично встряхнул ранее выброшенную бутылку, а вот отбросить обратно уже не успел, она взорвалась у него в руке. Осколок стекла попал в глаз, навсегда похоронив Сашкину мечту о ракетах и спутниках.

Третьим избранныком оказался Серега. Решил свернуть с проторенной тропы, «назначил» себя Царем и не «пролетел» при вторичном раскладе. Видимо, под впечатлением Ларисиних заявлений о всеобщем счастье попер в ту же «степь», но не «прошло». Или говорил не так складно, или «толпе» уже надоели подобные обещания, трудно сказать, но ему даже не дали закончить его «предвыборную речь». Взрп-тали массы, невзирая на то, что Серега был довольно крупный малый.

...Всю последующую жизнь он готовил себя к новым «свершениям и испытаниям». Занимался спортом, йогой, изнуряя себя до «потери пульса». При этом отлично пел, играл на гитаре, был до ужаса начитан и эрудирован. При всем этом почему-то пошел в армию, а не в институт. Для меня было просто потрясением, когда я узнал, что после армии он в одночасье спился, несколько раз лечился в лечебно-трудовых профилакториях (ЛТП), в одном из которых скончался совсем молодым...

Потом был Мишка, который после Серегинаго «триумфа» предпочел не рисковать с «царством» и предпочел быть «как все» – Королем.

Королем он обещал быть хорошим, защищать всех нас от врагов. И не только нас, а также и нашу Родину. Будь постарше, мы бы, наверное, поаплодировали ему. Но мы были «букварями», учащимися начальных классов, а некоторые только собирались пойти в школу. Вот и сидели, раскрыв от удивления рты, слушая речи про Родину...

...Мишка сдержал свое слово. Став офицером-десантником, он побывал почти во всех горячих точках. Вот только звание Героя России он получил посмертно.

Нас было человек десять. Мы еще пытались определить следующего победителя, но у нас плохо получалось, ведь было далеко за полночь. Помню, мне тоже очень хотелось стать Победителем, я даже заранее решил, кем буду и что скажу, когда стану им. Но каждый раз у меня что-то не получалось: или я неправильно угадывал, кем я стану, и при следующем пересчете «пролетал», или просто заветное «Кто ты будешь такой?» выпадало на кого-либо другого.

А вскоре, радостно переговариваясь, наконец-то пришли наши родители. Пытались угостить нас фруктами. Но нам было не до этого, так сильно хотелось спать, что им пришлось буквально на руках разносить нас по кроватям.

... Я открыл глаза. Передо мной светился монитор компьютера. На нем – сайт моего родного города. Города моего детства. Мне показалось, с момента, когда я прочитал последнее сообщение, прошла целая вечность, но электронный циферблат часов в нижнем углу экрана бесстрастно показывал, что прошло всего лишь несколько минут. Вздохнув, я снова стал читать сообщение. Это был некролог. Если бы не подпись, я бы не узнал на большой цветной фотографии друга детства Петьку Ключа – так сильно он изменился. Мудрый взгляд, профессорские очки, благородная седина... Перечисление должностей и регалий заняло большую часть некролога.

Петька, Петька! Мы всегда гордились тобой! Тебе, как и мне, тоже не удалось стать тогда Победителем, но позже, в жизни, ты с лихвой возместил эту «неудачу». И вот уже несколько лет ты был единственным, кто остался от той компании, сидевшей на «золотом крыльце» нашего детства.

Урок подлости

Поезд медленно набирал ход. Проплыли за окном вокзальные постройки, пошли городские кварталы. Скоро и они начали редеть. Появились промышленные здания, а потом, что за наваждение! совсем как в молодости, до боли знакомые копры шахт, отвалы. Картина, знакомая с детства...

– Что, тоже шахтер? – спросил меня попутчик, заметив, что я буквально прилип к окну.

– Да нет. Не привелось. Просто в детстве жил в шахтерском городе, вот и вспомнилось знакомое. А вы шахтер? Если честно, очень уважаю шахтеров. Считаю, это наиболее честные, прямолинейные и смелые люди. Думаю, профессия просто не даст затесаться туда проходимцам и подлецам...

– Не совсем с вами согласен, – задумчиво произнес мой попутчик.

Я удивленно посмотрел на него.

– Вы, наверное, мало жили в своем городе или просто близко не общались с шахтерами. Профессия – это еще далеко не все...

– Да, вы, пожалуй, правы. Я прожил в том городе лишь до пятнадцати лет. Так уж получилось. И с настоящими шахтерами мне как-то не довелось быть в дружбе...

– Думаю, вы немного потеряли. Во всяком случае, если учитывать мой опыт.

Мой попутчик надолго замолчал. Я тоже молчал. Уже давно закончились за окном вагона и копры шахт и отвалы, а он все смотрел в окно, и видно было, что, задумавшись, он все еще был среди них. Я нутром чувствовал, как он в своих мыслях получает наряд, идет в раздевалку переодеваться, надев робу и взяв ламповой фонарь, заходит в клеть, спустившись на горизонт, неторопливо идет в забой...

Наконец он заговорил. Говорил он тихо, глухим неторопливым голосом. Часто останавливался, задумавшись. И тогда за окном снова слышался мерный перестук колес. Он начинал говорить, и все посторонние звуки исчезали...

– Прошло уже более тридцати пяти лет с тех пор, а всё происшедшее тогда стоит перед глазами, словно это случилось только что, несколько минут назад.

...Моя старшая сестра пропала 30 апреля. Ей тогда было всего лишь двадцать три года. Для издёрганной жизнью матери это был страшнейший удар. Слезы и истерики продолжались всё время, пока сестру искали, а что было потом, когда спустя три недели сообщили, что её тело нашли в городском пруду... Можете себе представить, что нам пришлось опознавать?

Это сейчас здесь, в Германии, психологов вызывают даже к домашним хомячкам и кроликам, если есть подозрение, что они подверглись стрессу, а тогда, в СССР самым действующим психологом для снятия стресса был мат или в лучшем случае ругань мастера или бригадира. Это не жалоба и не нытьё. Действительно, в те времена и не думаю что сейчас что-нибудь кардинально изменилось, считалось, что шахта – это далеко не институт благородных девиц, следовательно, и отношения между людьми должны быть предельно и чисто «конкретными».

Меня же угораздило в это время устроиться на шахту учеником проходчика. Несмотря на то что окончил техникум, другой работы в родном городе найти не смог. Всё бы ничего, да вот только в шахту я тогда, так уж случилось, спустился впервые в жизни. Всё было в диковинку, до всего нужно было доходить своим умом, для чего, даже в нормальном состоянии, нужно время. Нормальное состояние – это когда имеешь возможность спокойно отдохнуть после работы, хоть что-то поесть-попить. Но о каком отдыхе можно было говорить, если в доме вечно торчали плакальщицы-причитальщицы, постоянно жалеющие то покойную, то нас, оставшихся в живых ее родственников? Уже через неделю я мало чем отличался от обыкновенного робота, способного лишь тупо, без малейшего понятия на умственные действия выполнять какие-то команды. Положение усугубляло ещё и то, что в то время (а может, такой обычай сохранился и по сей день, не знаю) процесс обучения на производстве мало чем отличался от описанного писателем Максимом Горьким в историческом романе «В людях». За все время «обучения» мой опытный наставник не удосужился запомнить мое имя, я так и остался для него и для остальных членов бригады «молодым». Естественно, при таком отношении какие, кроме матов, Ц.У. он мог мне выдать и чему научить? А тем временем приближался конец месяца. Бригада по каким-то причинам катастрофически никак не могла выполнить план. В один из последних дней месяца, сразу после отпалки (взрыва) забоя, вклю-

чив вентиляцию, мы ждали, пока он проветрится, сидя в будке взрывников. В будку залетел бригадир и с ходу послал меня за чем-то в забой. Помня, что нам ещё на курсах по Технике безопасности строго предупреждали о незаконности таких распоряжений, я отказался, пояснив, что забой ещё не проветрен. Взбешенный бригадир, оскорбляя меня, снова повторил свое распоряжение. Я вторично отказался. Никто из членов бригады даже не пытался вмешаться. Поскольку был практически конец смены, конфликт, казалось, был исчерпан. Но так казалось мне. На следующий день смена прошла как обычно, лишь в конце смены меня попросили зайти в нарядную, где меня уже ждал бригадир. Ни слова не говоря, он жестом позвал меня с собой и направился в кабинет главного инженера шахты. О главном инженере следовало бы сказать особо. Среднего роста, крепыш с огромными плечами, он обладал громоподобным голосом. На моих глазах он в секунду перекричал в нарядной человек двадцать проходчиков и потом, сбавив тон, минут пятнадцать «воспитывал» их. Как начальство «воспитывало» тогда рабочих, наверное, каждый из нас хорошо знает. Встреча с ним мне, естественно, ничего хорошего не сулила.

Так оно и оказалось. Предложив нам сесть, он бегло прочитал любезно протянутую бригадиром бумагу и как-то брезгливо глянул на меня:

- Так что будем делать?
- Вы о чем? – совсем не врубившись в происходящее, спросил я.
- Ты, что, ничего не знаешь? – удивленно спросил он, взглянув на бригадира.
- Нет, – совершенно искренне ответил я.
- Ну что ж, почитай, – взглянув на меня уже не как на букашку, а скажем, как на воробья, сказал он, протянув мне бумагу.

Это был обыкновенный пасквиль начала 70-х годов из серии «Мы, нижеподписавшиеся...». Эти нижеподписавшиеся обвиняли меня во всех смертных грехах, чуть ли не в проведении диверсий на шахте, из-за чего они так и не смогли выполнить месячный план (я работал меньше месяца). И ещё, естественно, из-за моего отказа идти в непроветренный после отпалки (взрыва) забой. Исходя из этого, нижеподписавшиеся ходатайствовали перед руководством шахты об отчислении меня (ученика!) из состава бригады. Стояло более двадцати подписей всех членов бригады, которые сегодня утром и вчера вечером (мы работали в три смены) улыбались мне, здоровались со мной, спрашивали меня, как дела... Были в курсе всех моих домашних передраг, иногда сочувствовали... И никто ни словечка не сказал за ни меня бригадиру, ни мне... Ни единого... Вот это мне почему-то и придало силы.

– А план-то здесь при чем? Ведь учеников не включают в план бригады... – в лоб спросил я главного инженера.

– Ты к словам не сильно-то придирайся... – начал было заводиться главный инженер и, осекшись, добавил: – Там ведь не только о плане...

Вот из-за этой его легкой заминки я понял, что мужик-то он, видимо, нормальный и, поскольку отступать было некуда, попер напрямую:

– Я думал, на шахте работают нормальные мужики. Неужели нельзя было просто сказать мне? Я бы сам написал заявление. И вас бы не отвлекали, и выглядело бы все гораздо пристойнее... Неужели вам не противно заниматься этим? Ведь не 37-й год...

(Город был маленький, и события, которые произошли у нас в семье, знали все в городе. Поэтому меня и несло).

– Я пришел на шахту не сачковать и не сачковал. За что вы платите деньги моему наставнику, если он за все время не сказал мне ни одного слова, кроме мата и «молодой»? Неужели никто не видел мое состояние? Зачем добивать такими вот бумагами?..

- Что дальше будем делать? – глухо спросил меня главный инженер, не глядя мне в глаза.
- С ними я работать не буду, – ответил я.
- Договорились, – кивнул головой он, протягивая мне руку, – зайдешь в понедельник.

В понедельник вышел приказ, согласно которому меня перевели на другой участок, где я мог работать по специальности, полученной в техникуме.

Ни с бригадиром, ни с членами бригады с того дня я ни разу даже не поздоровался, не говоря уж о том, чтобы перекинуться с ними словечком-другим.

Помню, как гордо говорили они: «Мы же работаем!», подразумевая, что другие работы, по сравнению с их тяжелым трудом, «просто семечки», и совсем не упоминая, сколько они за это получали. Много лет спустя, уже живя в Германии, мне довелось работать на фирме, работающей на автомобильную промышленность. Штамповали «жестянку». Нагрузка там была раза в два больше, чем на проходке, но никто из

рабочих не считал себя элитой, не выпячивал грудь. Просто работали, подшучивали друг над другом, смеялись на перекурах и не писали друг на друга никаких бумаг.

Вот именно за это я их и уважаю. Уважаю этих ребят, а не тех шахтеров.

Он в который раз замолчал. Вновь появились посторонние звуки: перестук колес, говор пассажиров... Поезд приближался к конечной станции. Лязгнули сцепки вагонов, поезд остановился, и мы распрощались.

Один день Ивана Денисовича

Иван Денисович (ударение на третьем слоге) контингентный беженец (переселенец в Германии еврейской национальности), сорокаторехлетний уроженец солнечной Молдовы, уже восьмой месяц посещал курсы немецкого языка, «шпрахи», как именовали их в народе. Всю жизнь проработавший далеко не на умственной работе, давным-давно изучавший в школе английский язык и никогда толком не сталкивавшийся с немецким языком, Иван и в самом начале учебного процесса был далеко не в лидерах на курсах, а когда после шести месяцев обучения перекомплектованную группу перевели на более усиленный режим обучения, аутсайдерство Ивана стало очевидным и не имеющим никакой надежды на хоть маленький, но успех.

Даже студенты, имеющие более чем десятилетний опыт обучения, через четыре-пять месяцев занятий имеют каникулы, отдыхают, а тут люди, чья тренировка памяти в последние годы заключалась, в лучшем случае, в запоминании новостей и анекдотов, чтоб было о чём потрепаться на работе, восьмой месяц подряд по семь часов в день занимались изучением языка! Неизбежно наступало то состояние человека, которое спортсмены называют «перетренировкой». Это когда боксёр пропускает удары даже от новичка, штангист роняет штангу чуть ли не с «детским» для него весом, а любая, даже самая лёгкая тренировка превращается в непосильную каторгу. Так вот, точно такое, один к одному, определение подходило к нынешнему состоянию нашего Ивана. И от сегодняшнего утра, да и последующего дня, он и не ждал ничего хорошего, разве что предстоящих двух выходных дней, ведь сегодня пятница! С таким настроением Иван выглянул в окно. Увидев сквозь густой туман блестящую ото льда мостовую, Иван повеселел: вполне возможно, что, живущий в 30 километрах, сверхпунктуальный преподаватель господин Циммерман, опоздает на занятия и будет, что уже случалось, большую часть урока рассказывать и объяснять, почему он опоздал, что это совсем не оправдывает его, ибо он должен был предусмотреть всё. Но... не случилось! Уже на входе в класс тот, ослепительно улыбаясь, поприветствовал Ивана. С не менее широкой улыбкой Иван ответил на приветствие. Всё пошло своим чередом. Довольно обстоятельно объяснив новый материал и поинтересовавшись, всё ли понятно, выдержав приличную паузу и одобрительно приняв ответное молчание за полное понимание (ну как скажешь, что вообще ничего не понятно?) нового материала, господин Циммерман начал своё знаменитое: «Herr Denisovitsch! Sagen Sie, bitte...» (господин Денисович! Скажите, пожалуйста...) Закончить он не успел. Увидев съёжившегося под преподавательским взглядом Ивана, к нему на помощь «бросилась» сидящая напротив однокурсница, фрау Китина. Ярко сверкая всеми гранями только недавно полученных Отто-Бениковских знаний (Otto-Benike – название фонда, на средства которого обучают языку людей с высшим образованием), она, с дотошностью археолога, стала выпытывать у преподавателя все, даже самые незначительные нюансы немецкой грамматики из нового материала. Время шло. Лицо преподавателя постепенно приобретало оттенок взбесившегося хамелеона.

«Что за женщина!, – восхищённо думал Иван, – Жанна д Арк! Зоя Комодемьянская! Впрочем, нет. Зоя Космодемьянская больше молчала. Вернее, вообще молчала...

Пришлось искать другие литературные образы. На память пришла классика: «Коня на скаку остановит! В горящую избу войдёт! – Вот это самое то! Кто же это написал? Тургенев? Некрасов? А может... Нет, не Лермонтов, это точно!» Расстроился Иван, что в школе плохо занимался по литературе...

«Я вас уже третий ряз спряшивайу!», – донёсся до его сознания знакомый голос. От возмущения господин Циммерман перешёл на русский язык, но быстро взял себя в руки:

«Sagen Sie, bitte...». Закончить он не успел, откуда то сзади послышалось: «Herr Zimmerman! Pause!». Посмотрев на часы, господин Циммерман обречённо прогудел:

«Пауза!»

На перерыве, в туалете, ожидая очереди помыть руки, Иван с интересом наблюдал за своим однокурсником, который, закатав рукава, тщательно с мылом мыл руки, потом не менее тщательно лицо, а

затем и шею. Происходящее зачаровывало. Если после каждой оправки малой нужды так тщательно дезинфицироваться... Продолжать тему он не рискнул, увидев, во что превратилась после помывки раковина и окружающее пространство, понял, почему висевшая на стене «Инструкция по пользованию туалетом и умывальником» написана на русском языке.

Следующий урок вела фрау Босанд. С предыдущим уроком разница была как между КВН и партсобранием в самые застойные времена. Правда, и здесь не обошлось без курьёзов.

Тема урока была «Религия. Храмы.» В процессе урока было сделано чёткое определение, чем отличаются католические храмы от лютеранских: двери первых всегда открыты, двери же лютеранских храмов открывают только на время богослужений. Для верности это было повторено на русском языке. И вот в конце интереснейшего урока преподавательница просто из вежливости поинтересовалась, всё ли всем понятно, есть ли вопросы. Всем было всё понятно, но вопрос был. Причём один и у самого дотошного слушателя. Угадайте, какой? Правильно! – В чём разница между католическими и лютеранскими храмами? Лишь на какое-то мгновение фрау Восанд потеряла дар речи, но, быстро взяв себя в руки, спокойно повторила то, о чём говорила недавно.

А в целом урок прошёл «на ура», два часа пролетели незаметно, никто не вспоминал о паузе, пока не спохватилась сама преподавательница. Большая перемена. «Кофе-пауза», которая своей основательностью неизменно превращалась в «миттаг» (обед). Спустя какое то время Иван обратил внимание на своего соседа, который долго ходил вокруг ведра с водой для мытья классной доски. Озабоченно пробовал пальцем воду, удручённо качал головой, что-то бормоча. В конце концов не выдержав, схватил чайник с горячей водой и вылил содержимое в ведро, лишив тем самым добрую половину присутствующих надежды на быстрый час или кофе. В ответ на недоумённые вопросы: «Зачем он это сделал?», отвечал: «Вода в ведре ледяная! Как доску мыть?» На вполне резонное: «Так ведь доска чистая, да и дежуришь не ты», последовал убийственный аргумент: «Вам что, воды жалко? Сейчас схожу принесу, вскипятим». Иван же тщетно пытался понять, как может вода, простоявшая сутки в комнате при температуре +25 градусов, быть ледяной? Воистину, сиё тайна великая естъ!

Последняя пара часов занятий была вообще сюрпризом! Занятия вёл опять господин Циммерман. Довольно обстоятельно объяснив новый материал, он, вместо классического «Sagen Sie, bitte...», широко улыбаясь объявил присутствующим на чисто русском языке:

«А сейчас я передаю политическую власть Олегу Колесову! «Оказалось, тот недавно подтвердил свои водительские права и решил это дело всенародно отметить. Первый тост сказать поручили родному дяде виновника торжества, с «напутствием» произнести его только не немецком языке, на что последний даже слегка обиделся: «Я что, на курсы зря что ли хожу?» В нужный момент встал, подбоченясь, дождался нужного момента и в торжественной тишине выдал отличный тост... на чисто русском языке! Потом, уже придя домой, почти все пошли в бассейн, а вечером, сидя на крыльце хайма (временное общежитие для переселенцев) курили и под пиво тихо напевалислегка переделанное, но знакомое с детства «Хайм родной, навек любимый, где найдёшь ещё такой...» А прохожие удивлённо-завистливо смотрели на эту идиллическую картину.

Умеют же отдыхать люди! Засыпал наш Иван с лёгкой душой: день прошёл вроде бы нормаль-но, не хуже и не лучше других дней. Просто один из 276 дней, прожитых Иваном в Германии.

Наталья ТРОИЦКАЯ

Живет в Сибири, в республике Хакасия РФ. По профессии – врач общей практики. Стихи пишет с детства, со студенчества публиковалась в местной прессе – рассказы, публицистика, стихи. Соавтор поэтического сборника «И сбудутся мечты...», публикации в альманахах Международного союза писателей «Новый современник» – «Автограф» и «Новый современник». Член Международного союза писателей «Новый современник».

Романтикам 20 века

Романтики ушедших лет,
Так верившие в алый парус!
Я знаю, в вас еще остались
И чистота, и тот же свет.

Смелы по жизни, как в бою,
Любили слушать Окуджаву,
И мысль: «Обидно за Державу!»
Вы принимали, как свою.

Вы не любили глупых драк
Душой, исполненной отваги,
Но ваши рифмы, словно шпаги,
Взрезали надоевший мрак.

Ваш путь земной так славно начат,
Я знаю, всех вас ждет успех.
И ничего еще не значит
В кудрях запутавшийся снег.

Люби меня

Люби меня осенним днем,
И ночью, на дорожке млечной...
Однажды мы с тобой пойдем,
Как жизнь безумно быстротечна.

Люби меня, как в первый раз,
Люби меня, как в день последний,
Пусть не коснется скука нас
В час самых светлых откровений.

Люби меня сейчас и здесь,
На самом стыке чувств и судеб,
Люби меня, пока я есть.
Вдруг у тебя меня не будет...

Ты...

Ты не первый, не последний,
Ты, конечно, эксклюзивный,
Ты – как знойный вечер летний,
Ты – как жгучий ветер зимний;

Ты – двусмысленная фраза,
Ты – отсроченное эхо,
Ты – смертельная зараза,
Отголосок злого смеха;

Ты – исчадие измены,
Ты – озвученные мысли,
Ты, как кровь из вскрытой вены,
Все бежишь, бежишь без смысла;

Ты – мое шальное счастье,
Воплощенье чьей-то боли;
Мир, распавшийся на части,
Часть меня по божьей воле;

Ты – летящая комета,
Я – планетка, увернулась
От губительного света.
Ты – мой сон... И я проснулась.

Душа

Моя душа, изгнанница,
Плутает по мирам,
Потерянная странница –
Везде не ко дворам.

Моя душа, скиталица,
Запуталась в веках,
Чужою болью мается,
Чужой ей ведом страх.

Моя душа, отступница,
Отчаянно живая,
Немножечко – распутница,
Немножечко – святая...

Моя душа, насмешница,
Не внемлет голосам;
Нечаянная грешница –
Взывает к небесам...

Странник

В летний вечер: шальной, черноокий –
Где мой Странник – родной, одинокий?

Заблудился ты где-то в астрале,
На дорогах миров параллельных;
Мы так долго друг друга искали,
Что совсем потерялись, наверно;
Может, это закономерно –
Мы друг к другу бываем жестоки...

Звездопадом расплечется вечер...
Загадаю я сотни желаний;
Мне же плакать не стоит и нечем –
Не болею тоской обещаний,
В неизбежность не верю прощаний;
Лишь в любви – смысл простой и высокий...

Соловьями озвучено утро...
Новым днем нам обещаны встречи;
Жизнь светла и устроена мудро.
И меня ты обнимешь за плечи
Скоро в летний задумчивый вечер.
Возвращайся, мой Странник далекий...

Одиссею

(ироническая трактовка известного мифа)

Твой парус обтрепался на ветру,
На арфе спяну оборвали струны;
Встречать тебя не выйду поутру
Туда, где ждут вестей седые дюны.

Твой голос от речей давно охрип,
А мне теперь гораздо лучше спится.
Я слышала, в историю ты влип –
Вдали пленен коварною Калипсо.

Твой парус обтрепался на ветру,
И вовсе не спешишь ты на Итаку;
На женихов внимательней взгляну –
Ну, сколько ждать мне вечного бродягу?

Танец сорванного листа

Не корю тебя, не ревную...
Я несбыточна, как мечта –
Для другого теперь танцую
Танец сорванного листа.

Ты с другою. Возможно, ей ты
Посвящаешь свои стихи.
Я звучу мелодией флейты,
Отпуская тебе грехи.

Возведенные стены рушу
И, отринув банальность слов,
Я рисую на блеклых лужах
Отражения облаков.

Не смотри на меня так строго,
Приподняв с укоризной бровь.
Вдруг цыганкою босоногой
Вновь станцует для нас любовь...

Как все хорошо начиналось...

Как все хорошо начиналось!
Любили и были любимы.
И кроны деревьев шептались
О чем-то волшебном-былинном.

Как все продолжалось прекрасно –
И свадьбы, и звездные ночи.
И верилось – все не напрасно,
Все будет не так, как у прочих.

Привыкли, стерпелись, обжились.
Исчерпаны чуда лимиты.
Любовные лодки разбились
О рифы сурового быта.

Не станем скрываться печально
В спокойном течении буден!
Давай, мы с тобою случайно
Уснувшую сказку разбудим.

Как прежде, рванусь птицей ввысь,
Обыденность жизни нарушу.
Не бойся и снова влюбись
В мою сумасбродную душу.

Олег РУБИНШТЕЙН

Родился в 1958 году в Кишиневе. Окончил Московский заочный университет искусств и Кишиневский политехнический институт им. С. Лазо, факультет архитектуры. Член Союза художников Республики Молдова, член Международной ассоциации художников А.И.А.Р. ЮНЕСКО (Париж).

Горечь на устах

Туманны записи в альбоме у префекта,
С утра его подтачивает мысль,
Казнить или помиловать адепта,
Иль, может, подождать, пока затих.
Сие событие снимет все преграды,
И руки он умыть почти готов,
Не испросив у Господа награды,
Но на себя взвалив такой улов,
История – не скажет же спасибо,
Не возведёт к столпу на небесах,
И к лику умных не причислит лихо,
Ответит только горечь на устах...

Дубовая память

Трухлявый дуб однажды, спозаранку
Припомнил сам себе такую притчу:
Как будто молод он и снова,
В колыханье его листва и желуди младые,
И рассыпается пред ним шальное небо,
В необъятных белых поцелуях,
Весь мир открыт пред ним – такое дело,
А нынче он белёсый отдыхает.
Одна осталась для него отрада,
Стоять с краю ограды дачной
И вспоминать себя юным, счастливым,
И думать о своей жизни не удачной.

Остатки сумрака ночного

В углу метнулась тень шальная,
К ней нет доверья – заводная,
И цель благая ей не светит,
Одну лишь мглу она приветит.
Оттенки сумрака ночного
Из благодарной тишины,
Остатки шума заводского,
Смешать способна и мечты,

Надежды, что издавна питают,
Мозги поставить в ряд,
Построить мост, он свяжет,
Мысленно с тобою с твоими локонами,
Пряди лица касаются иного,
Но не моего. Обломано...
Чего бы ради я вдруг затеял это дело –
Писать и сочинять не смело,
Под стать поэтам прошлых лет,
Нет, лучше мне не знать тех бед!

Двадцать пятый кадр

От линии судьбы
Уйти не суждено,
Что на роду тебе
Начертано с рожденья,

Случится невзначай,
Как резкий кадр в кино,
Не первый, значит,
Но последний –

Двадцать пятый...
И вспомнишь, в чём
Сегодня жизни смысл?
Определённость выбора,

Судьбе твоей мелодию
Мольбы озвучит.
Простёрлась, словно
Злого рока длань,

Над головой висит
И перманентно тлея,
Лукаво к себе манит.
Но знаний не ищи,

Путь тот не для тебя.
Тебе, скорее,
Ближе – интуиция.
Настрой же, как привычно,
Волну познания меня. И веришь –
Никогда не пожалеешь!

Над черепицами избранных крыш

Бесспорно, он не ровно дышит
И издали как будто слышит
Протяжный и искренний зовущего голоса звук.
Позволь за него ответить на вскидку,
Вот так, издали, не протягивая рук.
Ещё не так давно взлетали с тобою
Над черепицами избранных крыш.
Ногами босыми и радости стыли
И пели, ступая в росу на рассвете.
Но нынче уж нет куража на примете,
Разрозненны крыши иные теперь.
Но всё может стать в одночасье, как ранее,
Вдали промелькнёт алый парус надежды
И отблески ткани его шелковистой
Падут вновь на наши земные чела.
И снова мы станем по крышам гулять
Неспешной походкой кудряшки считать.
И их облака улыбаются нам,
Как родственным душам,
Рождённым в рубашке счастливой.
И глаз мы не сводим вселенский
Друг с друга, лучистый с тобою,
Всё наглядеться не в силах,
Как будто бы в древности
Встретились в истории упомянутых Фивах.
Что далее? Разрыв,
Дальнейшее сплетение чутких душ?
Посмотрим, подождём.
Начало есть, но нет ему конца.
Улыбку радости не сгладить
В одночасье с любимых черт лица.
И не расстаться несомненно,
Без желания на то взаимного
И не взлететь над крышами одному,
Без тебя, незаменимая!

Двери к счастью настезь открыты

Здравствуй, абрис родной,
подарки не к месту отныне.
С неких пор принять сможет лишь
мыслящая с ним в унисон.
Небо способно пугать и
в исключительных случаях – объединять.
Исходит озарение от тебя,
я ощущаю воздушное прикосновение.
Ты словом оживить способна взор
усталого скитальца, не яркой бусинною
нитью, но неизвестным чувством – прытью
своей волшебной доброты, невидимых
глазниц безбрежных широты и глубины зрачков
бездонных, поправших высокие королевские троны.
Ты – Фея радости творцу и слёзы,
пусть и счастья, не совсем к лицу.
Сейчас смахну вот-вот одну
случайную твою слезу...
Да, верно, прошлое ушло. И жить
нам в будущем сегодня,
а настоящее своё мы бережём,
и, охраняя, прячем от посторонних глаз.
Так, ищешь в жизни цельный смысл,
словно иголку в стоге сена.
В то время, когда ждёшь,
оно само уколом встречным
нежно целит и ниточку судьбы твою
продеть сквозь ушко тонкое наметит.
Радости в этом мире выше нет –
посредством силы неба раскрыть
святой взаимности секрет и души наши склеить
жизни прочным клеем. Проверкам не бывать,
сейчас в полёте млеем! Не страшны невзгоды,
всякие внештатные погоды. Ты его знаешь,
где-то в сердце сладость греет.
И грусти бояться не стоит,
она – основа мудрости познания.
Спасибо за подарок! Пусть даже он
не ему адресован. Он – конь вороной,
что прежде тобою подкован.
И чтоб ни случилось: время,
пространство, завистники,
лютая гордость – поддайся, презри
практичных сладкоголосых клеветников,
двери к счастью настезь открыты.
Не прикрывай же никогда на засов!

Владимир ПОПОВИЧ

Родился в 1988 году в Украине (Днепропетровская область). В 2002 году переехал в Россию. В 2008 году окончил Бугурусланский нефтяной колледж (Оренбургская область). В настоящее время живет в г. Самаре, где заочно учится и работает региональным менеджером делового журнала. Публикуется в российских и зарубежных изданиях. Лауреат нескольких окружных литературных конкурсов, в том числе переводческих. Участник Форума молодых писателей в подмосковных Липках (2013 г.).

* * *

Словно сетью беспроводной,
тенью, ночью, как дань уловкам,
пробираться тебе одной
по астралам и остановкам,
по осколкам, по мишуре,
по камням и воздушным кровам,
чтоб узреть себя на заре
в тихом зеркале родниковом.

Исчезающий за тобой
пёстрый мир, прикрываясь сутью,
канет пущенною стрелой
к заболоченному распутью:
от тебя отречётся он
в отторжении с высшей сферой,
будет путь твой обременён
не свободой, а только мерой.

Отрешением рождена,
обновлённая и немая,
ты, неведением полна,
меж галактиками дремая,
забываясь и сторонясь
точки медленного возврата,
восстановишь с Началом связь,
здесь утраченную когда-то.

Ты познаешь: всегда была
жизнь твоя, а не ты, другая,
что целее всего – зола,
что, границы не раздвигая,
с бесконечностью заодно
облекаешь любую точку.
Так вмещает глазное дно
в запредельную оболочку.

* * *

Человек уязвим, как на нём крахмаленая рубаха,
И приметен под ней крестом, полумесяцем et cetera –
Без учёта рассудства его размаха
И того, что имеет в виду закона литеры.
Человек способен только на «сегодня» или
«ещё не поздно».
Сравнение птицы с мечтой пускай бы косно –
Без будущего: пища у них разного рода.
Человек умнеет, когда люди глупы.

Или старше.

Вещая муть потолкового небосвода
Воссоздаёт прапраэфект скорлупы.

* * *

Е.М.

Когда забудем вместе обо всём,
Что нас когда-то мнимо разлучало,
И, рук не размыкая, пронесём
По городу счастливое начало;
Когда проснётся для двоих рассвет,
Когда простимся с павшей листвою,
Когда, не веря милости примет,
В былое окунёмся с головою;
Когда январский ошалевший снег
Нарушит миг взаимного покоя
И вашу дрожь полуприкрытых век
Посмею снова разгадать легко я;
Когда разделим наш сердечный гнёт,
В котором нам не будет одиноко,
И грезить состояньями начнёт
В потоках ветра старая осока;
Когда помчимся в лето напролом,
Свои кляня притворства пережитки,
Когда друг друга наконец поймём
Наперекор очередной попытке;
Грядущее когда заметит нас
И ляжет нам в раскрытые ладони,

Когда печально выверенный час
Замрёт на убывающем перроне...
Тогда не станет брошенных теней,
И в них себя мы точно не узнаем;
За сонмами несовершенных дней
Неведомое возомнится раем.
Тогда свободно будем мы брести,
Куда скитальцев выведет кривая,
И глаз уже не сможем отвести,
Как в первый раз друг друга узнавая.

* * *

Если я доживу до весны,
Если сны перед явью честны,
Если встречен последней звездой,
Поздним слухом во мгле различу:
«Не твори, не гори, не пророчь», –
Уподобясь, дивясь палачу,
Что проникся безликой бедой,
Разрыдается гулкая ночь.
Отвернётся, смущаясь, смутив,
Бледной тучей прикроет луну.
Я забуду вчерашний мотив,
Я затверженный сон прокляну,
Безответно уже не усну.
Только пусть эта ночь доживёт,
Уходя, предрешит оборот.
Успокоятся тени в лесу.
Межпространственный скроется код.
Я прощанье с собой унесу.

* * *

Ты уже упустил незапамятный вид
На беспечность полей, на восход, и палит
Удивлённое солнце на все города,
Что создали замену ему навсегда.
Ты ещё не узнал (как в лицо узнают
Хитреца, что дарует недолгий уют)
Напридуманных разумом У людей,
Миллионы занявших жилых площадей.

Для тебя до сих пор дышит жабрами свет,
Улыбается космос хвостами комет.
Дальше кожи уже не раздеть короля,
И сверкает кристаллами соли земля.
Право жизни пускай не считают игрой,
А пространства неведенья – чёрной дырой.
И тебе уж богам не внимать напрямик,
Лишь сетчаткой ловить ускользящий миг.

Посмотри же, как треплются листья в ночи
На продрогшей осине, как машут грачи
Столь далёкой и близкой для сердца поре,
Как туманится небо, и как в декабре
Начинает кружить то ли снег, то ли грусть,
И река, индевея на устье, несёт

За собой истощённый надеждами год,
Закрывающий в долгом начале исход

Суеты и пророчества прежних времён,
Что тебя обступают с обратных сторон.
Оглянуться не смей – иль столкнёшься лбом
С пирамидой, скалой, с соляным столпом.

* * *

Свободен буду, как шар земной:
Душе орбита его по силам.
Одною – солнечной стороной,
Другой – открытой иным светилам.
Раскован буду, как зелень трав,
Шумерской эры не чтя завета.
Правдивым буду, как вечно прав
Раскосый дождь на исходе лета.
Всевластен буду, как царь горы,
Расставшись с мантией и короной.
Незримым буду, но до поры,
В скольженье рыбой околдонной.
Безмолвен буду, как лик небес,
И отдалён, как под ними слизни,
Почти поверив: других чудес
Не существует помимо жизни.

Безмерен буду, пространства блеф
Разоблачая в тиши предместья.
Так вневременная пыль, осев
В случайных безднах, творит созвездья.

* * *

(Из Аполлинера)

Засохли молодости лучшей
Мои венки И я заблудший
Назад листая жизнь свою
Ревную и не признаю

Чуть позади как по арене
Средь бутафории цветов
Какой-то шут бредёт без тени
Под гулом звёздных голосов

Пылинка точечного света
Тебя целует без ответа
Вот выстрел Вскрикнул имярек
Портрет во тьме закрытых век

Забывтое окно разбито
Но всё равно не продохнуть
По ветру чья судьба изжита
Межвременный очерчен путь

Засохли молодости лучшей
Мои венки И я заблудший
Назад листая жизнь свою
Уже другие слёзы лью

Михаил НАПАДЕНСКИЙ

Родился в Бельцах в 1947 году. Еще в школьном возрасте проявил талант к слову и рифме, печатался в «Пионерской правде». Во время прохождения службы в городе Уссурийске публиковался в газете «Суворовский натиск» и в бельцкой газете «Коммунист». С 1979 года проживает в Вене. Печатался в «Новом Венском Журнале». В настоящее время на многие его тексты написана музыка и выпущена CD с его песнями. Член международного общества АКМ (авторы, композиторы, музыкальные продуценты).

Матери

I

Здравствуй мама моя, шлю привет запоздалый
В те родные края, что так сердцу близки,
Знаю я, что слеза на глаза навернется устало
И заплачешь вдруг ты, вспоминая счастливые дни.

II

Вспомнишь теплый комок на руках твоих нежных,
Первый крик, первый смех,
первый шаг, первый класс.
И сквозь все эти годы,
что прошли безмятежно и тихо,
Та меня провела, не спуская с меня серых глаз.

III

Быстро юность прошла незаметно в заботах,
Помнишь ты, как вчера выпускной школьный бал,
Помнишь радостный день,
когда я уходил на работу,
И то мрачное утро и серый как крепость вокзал.
Только, мама, не плачь, мне ведь тоже не легче –
В мире столько ночей и так мало тепла.
Только знаю я, мама, где б я
ни был, забытый, мятежный,
Ждет меня и любовь, и тепло у родного окна.

С новым годом!

С новым годом, с новым счастьем,
Без невзгод и без ненастий,
Без жары и без мороза,
Без врачей и без наркоза,

Без войны и разделений,
Выселений, поселений,
Без вражды в семье, народах,
С новым счастьем, с новым годом.

Чтоб без засух, наводнений,
Издевательств, притеснений,
Без обиды, без обмана,
С полным кошельком в кармане,

Без оружия, без захвата,
Без погибшего солдата,
Без решетки, прокурора,
Без насилья и террора.

Чтоб спокойно спали дети,
Мир и счастье всей планете,
Чтобы без цензуры власти,
С новым годом, с новым счастьем!

Последняя остановка

Потолок в желтых пятнах и трещинах
И кровати вдоль окон и стен,
Не пойму, наяву или мерещется,
Как попал я сюда, и зачем?

Пахнет хлоркой, лекарством, лимонами,
Бой часов или стук костылей,
Чей-то плач, заглушаемый стонами,
И молитвы, и зов детей.

Память старая, рваная пленка,
Все смешала в моей голове,
Вот стою во дворе я ребенком...
Вот солдат в уссурийской тайге...

Сон прогнало проснувшейся болью,
Ветер бьет мокрой веткой в окно,
Пальцы ног я не чувствую более,
То, что ниже колен – не мое.

Ты присела на краешке стула,
Прядь волос прикрывает глаза.
И неясно мне... вроде уснула,
Отчего ж по щеке слеза?

Жизнь прошли мы совместно до бровки.
Боже мой, как хочется жить!
На последней моей остановке
В первый раз без тебя выходить.

Ты прости за тревогу и муки,
Что уйду, не прощаясь, прости...
Мне бы встать, целовать твои руки,
Только ноги уж где-то в пути.

Не дожидаться мне снежной пороши,
Не увидеть весенних цветов,
Моя жизнь в настоящем и прошлом,
Да и в будущем пара часов.

Мне будить тебя как-то неловко
Стихла боль, и не хочется пить,
Яркий свет на моей остановке,
Ну прощай!

Мне пора
выходить...

Прошу, судьба

Убереги меня, судьба,
От похвалы из уст врага,
От холода и от пурги,
И от жары убереги,

От равнодушного врача
И в спину острого ножа,
В палящий зной пошли мне тень
И обогрей в морозный день,

От боли, ноющей в груди,
И от измены защиты,
Водю свежей напои,
В пути далеко – накорми.

И ты прости меня, судьба,
За то, что пожалел врага,
За то, что чью-то пролил кровь,
И не ответил на любовь.

За песню, спетую глухим,
И путь, указанный слепым,
Воздай мне по моим делам
И накажи по всем грехам.

Суди по строгости по всей,
Но ничего менять не смей.
Я жил как жил и пел как пел
И не фальшивил как умел.

Я вновь и вновь переживу
Всю жизнь, которую живу,
Весь путь, который я прошел,
Что потерял и что нашел.

Ведь без сражений, без побед
И с честью выхода из бед,
Без побежденного врага...
Кому такая жизнь нужна.

Я слезами не делился

Я слезами не делился,
Слезы прячут, когда больно,
Болью смысла нет делиться –
Кто лекарство даст от горя?
Горем я не смог делиться,
Жалко мне чужие плечи.
Но сегодня в этот вечер
Я хочу делиться с вами
Этой радостью огромной,
Этим счастьем, этой честью,
Что вы все мне оказали,
Всеми добрыми словами,
Что сегодня мне сказали,
И хорошими делами,
Что сегодня мне желали,
Всем хорошим в моих детях.
Вы возьмите, каждый, долю,
Не транжирьте, сохраните
И свое еще добавьте
Детям поделить и внукам,
Как делю сегодня с вами.
День придет такой прекрасный.

Неспетая песня

Страничка выпала из книги жизни,
На ней писать еще бы да писать,
Остались недосказанными мысли,
Да некому теперь их досказать.

И песня до конца была не спета,
Пригубленный стоит стакан вина,
Пальто висит, что раза два одето,
На обуви шнурок от ярлыка.

И не пожать хладеющие руки,
И неостывшей выглядит постель,
И кажется, остановились звуки
И лишь часы копируют капель...

А за окном всюсю сияет солнце!
И стая ласточек скользит то вниз, то ввысь,
Весенний шумный мир стучит в оконце,
А здесь – остановилась жизнь.

Вадим КОЗЫРИН

Родился в 1988 году в г. Херсоне (Украина). Еще в школе начал писать стихи. В 2010 году окончил Институт языка и литературы Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко, работает учителем в школе. Публиковался в газете «Приднестровье» и в альманахе «Взаимость».

Мы

Мы – взрослые – замученные дети,
И в наших тусклых, замерших глазах
Мелькают тени, звезды и планеты,
И зреет страх...

Мы – сильные – трещим по швам от ветра,
То страсть, то ненависть сражают нас.
С собой несем упрямый шорох смерти
В пучине глаз...

Мы – мудрые – погрязли в мелких ссорах,
В прямом эфире, в ворохе газет.
Мы – отраженья глаз своих, в которых
Нас больше нет...

Бессонница

Над шумною улицей тихо.
Там – крики, но здесь – всё молчит.
И в темном углу паучиха
Тончайший узор мастерит.

Прямые и строгие стены
Нежданно-негаданно, вдруг,
Теряя углы в полутенях,
Сползаются в замкнутый круг.

А круг все плотнее и туже,
Становится трудно дышать,
Но кажется, будто не нужно,
Бессмысленно больше кричать...

Светает. На улице крики
И множество будущих ссор,
А в темном углу – паучиха,
Сплетает зловещий узор.

Мертвецы

На сырой земле заплатами,
Закопанные лопатами,
Пятнами в чьей-то памяти,
С разными, впрочем, зарплатами,
Страстями, идеями, тратами,
Домами, квартирами, датами
Под каменными обертками
Мы все – одинаково мертвые.

* * *

Здесь, на улице, снова зима,
Приуныла плакучая ива.
Видишь? В небе над домом лениво
Кольхается белая мгла.

Нет, не бойся, ей нас не достать!
Не волнуйся, пройдут все напасти,
Просто надо ценить наше счастье
И друг друга покрепче обнять...

Осень

Бессмысленный ветер отчаянно воет,
Замерзшая осень застыла в окне.
И лист пожелтевший, вдруг ставший изгоем,
Изодранной тенью дрожит на стене.

Ненастьем гонимый, он, жалкий и бледный,
К слепому окну приколочен навек.
Струится по тонким прожилкам бесцветным
Неслышной печали растаявший снег.

Стемнело. Томится молчанием вечер.
Ветвями деревьев взлелеяна скорбь.
Утихло. Прошло. Но как горестно шепчет,
И плачет о ком-то небесная топь!

Скука

Упьюсь с тоски холодным чаем,
Листая книгу от безделья,
Пройдусь по комнате бесцельно,
За тенью молча наблюдаю.

Внизу протяжно скрипка стонет,
Опять меня одолевая,
Налить мне снова, что ли, чаю?
Меня в могилу скука вгонит!

Безлюдный город под карнизом
Ничем особо не отмечен,
Расчерчен день, расписан вечер,
И здесь, и у соседей снизу.

Во снах всегда другое снится,
И только ночью я – живу,
Так может это наяву?
А остальное только мнится?

Сокрытое

Солнце светит. Солнце ли?
Или черный ком земли
Посреди небес зияет
Облаком густой золы?

Эта серость – небо что ли?
Клетка для кипучей боли.
Тучи-псы грызут, кусают –
Стерегут твою неволю.

Море? Вряд ли это так.
Пенный, шумный сизый мрак,
Древний, словно мирозданье,
Гневно собранный в кулак.

Все не так и все – обман,
Часто случай – хитрый план,
Знай: ужасные созданья
Прячет иногда туман!

Расставанья

Расставанья... Одни расставанья.
А на встречу – лишь трепетный миг.
Скоротечно любое свиданье,
Как последний прижизненный крик.

И сейчас... мы с тобой ненадолго.
Разрывая союз наших плеч,
Мы пойдём по холодным осколкам
В пух и прах разлетевшихся встреч.

* * *

Жить нужно так, чтоб жить хотелось,
Любилось, верилось, ждалось,
Чтобы, когда настанет зрелость,
Жалеть о многом не пришлось.

Так, чтоб спокойно встретить старость,
Не проклинать и не винить,
Чтоб времени чуть-чуть осталось
Глаза с улыбкою закрыть.

* * *

На моей холостяцкой плите
Закипает пузатый чайник.
Я ловлю в запотевшем окне
Белоснежную грусть чаек.

Из объятий морской волны
Вырываются к солнцу горы,
Их могучие спины белы
И почти недоступны взору.

Прикрывают собой облака
Горизонт и какую-то тайну...
На плите, раздувая бока,
Закипает пузатый чайник.

Татьяна ТИТУШКИНА

Родилась 9 сентября 1991 года в Кишинёве. Окончила лицей им. Н. В. Гоголя. Учится в Государственном Университете Молдовы на факультете физики и инженерии, специальность - информационные технологии. Стихи и песни сочиняет с детства. С 10 лет начала писать прозу. Рисует комиксы и иллюстрации к собственным книгам в стиле аниме. Любит петь, играет на гитаре, увлекается фотографией. Дебютировала со своими стихотворениями в журнале «Наше поколение» в октябре 2009 года. Печаталась также в поэтических сборниках «Атмосфера любви» и «Атмосфера перемен», для которых выступила и в качестве иллюстратора. Участвует в международных литературных проектах «Улица Искусств» и «Литературная Атмосфера».

Молдова

Молдова – страна наших предков –
Золотистою нивой полей
Раскинулась вширь беспредельно
До самого неба над ней.
Молдова – край винограда.
Под ласковым солнца лучом
Для глаз такая отрада –
Искрящийся кубок с вином!
Молдова – край междуречный.
С двух сторон верный Днестр и Прут,
Стекая с холмов бесконечных,
Неотступную вахту несут.
Молдова – одно только слово,
Но сколько сокрыто внутри!
Дорогу к родимому дому
Через сердце сумеешь найти!

Глупая птица

Ты стоишь и глядишь поверх мира,
Всё тут ясно тебе и постыло,
Блеклы некогда яркие краски,
И надменность лица, словно маска.
Этот мир тебе неинтересен –
Он застыл, словно кадр, на месте.
Ты считаешь, что он тебя ниже –
Просто голоса сердца не слышишь.
Ты прислушайся, уши открой
И услышишь протяжнейший стон –
Это ропот, а в нём голоса
Тех, кто ведаёт, что есть душа.
Но тебе смысл слов не понятен,
И от этого жутко и страшно.
Ты ищешь скорей, где укрыться –
Снова в клетке пугливая птица.
И оттуда, сквозь золото прутьев,
Видно – мир вокруг них жизнь и крутит.
И решит птица: «В клетке спокойно,

Не нужна мне иная свобода!
Мне здесь сытно, тепло с подогревом –
Всё моё, значит, я – королева!»
И с надменностью вновь птица глянет
На всех тех, кто в трудах изнывает,
Кто привык за всё в жизни бороться,
В лучших чувствах достичь света солнца.
Наблюдая игру света – тени,
Птица скривится людям в презрении.
Она спросит, не понимая:
«Зачем люди за чувства страдают?
Зачем ненавидеть им или любить?»
Люди чувствуют для того, чтобы жить!

* * *

Я прошла сквозь свои ладони,
Обернулась дыханием ветра,
Обожгла ледяной рукою
И развеяла город пепла.
Этот мир мной забыт и покинут.
Он живёт лишь в кошмарных снах.
Но мой дух там гуляет и ныне,
Словно лист, угодивший в ветра...

* * *

Почему мне закладывает уши,
Когда со мною кто-то говорит?
Наверное, не стоит это слушать,
Ведь сердце не приемлет лжи.
Так хочется мне ясности и света,
Чтоб речь рекою музыки лилась,
Чтоб чистотой наполненные лета
Сменили те, где мрак и пустота.
Но я не слышу этой правды, люди!
Как редко мне её здесь говорят.
Наверное, за это уж не судят –
От вечности оторвана душа...

* * *

Всё окрашено в чёрно-белое
 И судьбу уже не поменять.
 Мои сны предлагают спасение –
 В мир чудес зовут тайно сбежать.
 Там сбываются сердца порывы.
 Даже если я буду на дне,
 Ко мне вновь возвращаются силы,
 И парю я без страха в душе.
 Хоть врагов в этом мире немало,
 Точно знаю, что я – не одна!
 Вместе скроемся мы от охраны
 Неусыпного хладного зла.
 И пока будем духом едины –
 Тёмной армии нас не сломить!
 Помни, я буду ждать в этом мире,
 Вместе в снах чтоб сражаться и жить!

* * *

Болят душа,
 Но всё круша,
 Я ударяюсь вновь.
 Течёт слеза,
 И, не дыша,
 Сжигается любовь.
 Не знаю, как
 Такой пустяк
 Все чувства свёл на нет.
 Течёт слеза,
 Горит душа.
 Зачем ты дал ответ?!

* * *

Моё ты вдохновение,
 И больше мне не надо.
 Немое привидение,
 Постой со мною рядом,
 Изобрази улыбку,
 Слезу одну пусти...
 И всё же – это пытка –
 Исчезни с глаз моих!
 Я гляжу сквозь глаза ночи
 И за ними ясно вижу
 Чей-то замысел порочный
 Всё здесь обездвижить,
 Жизнь изгнать, чтоб не вернулась,
 Не коснулась ни души,
 В луже крови захлебнулась
 И угасла до зари.
 Ясно вижу эти планы,
 Но я знаю: «Не судьба!
 Духов в пепел загоняю –
 Вам не жить, пока есть я!»

* * *

Я летаю мыслью над миром.
 И сейчас нахожусь я не здесь –
 Где-то там, где играют светила,
 Воспевают небесную песнь.
 И вхожу я дыханьем в чертоги,
 Не оставят земные следы
 Мои лёгкие крыльями ноги,
 Не узнать – здесь иные черты.
 Так пройду я созвездий границы,
 Пронесусь одной мыслью своей.
 Вдруг увижу – я стала как птица –
 Два крыла на моей спине.
 Так легко и свободно вмиг станет –
 Это чувство мне не передать
 Никакими земными словами.
 Сам, пройдя, – лишь сумеешь понять.
 И, нырнув в небесные волны,
 Брызги радости враз зачерпнув,
 Я увижу колонны Свободы,
 В этот храм скорей приземлюсь.
 Здесь находит пристанище счастье,
 И живут в этом мире мечты.
 Я смогла отыскать и остаться
 В колыбели создання звезды.

* * *

Белая кожа,
 Следы под глазами.
 Уже не похожа
 На ту, что вы знали.
 Гуляю я ночью,
 Летаю над миром.
 Не думала всё же,
 Что стану вампиром.
 Случилось внезапно:
 Укус – и прозреньё.
 И вмиг завершилось
 Перерожденье.
 Не знаю: что ждёт –
 Я пока наслаждаюсь.
 Свободный полёт –
 И жизнь не так в тягость.
 Наверяд ли поймёте –
 Да мне и не надо:
 Вы смертно живёте,
 А я – меж мирами.

Татьяна ТАНАСЬЕВА

Родилась 18 марта 1994 года в г. Кишиневе. Окончила столичный лицей имени Т. Майореску, на данный момент получает высшее образование. Стихи пишет с 16 лет. Увлекается литературой, живописью. Любимыми поэтами являются: Анна Ахматова, Марина Цветаева, Сергей Есенин, Владимир Маяковский.

* * *

Так хочется кричать, что живая,
Что стою я, как прежде, здесь,
За спиной твоей, тьму отражая.
Ты не чувствуешь? Я же есть...

Ты не знаешь? Я существую,
Просыпаюсь, иду, как все,
Только знаешь, как странно стало
Ничего не видеть в окне?

Я ослепла. Душою, глазами,
У меня есть теперь лишь тьма;
И моими слепыми ночами
Я лишь молюсь за тебя.

Мне не дышится, мне не живется
И не зрячей, и не слепой.
Мне, наверно, уже не придется
Жить за твоей спиной.

* * *

Бесповоротно, бессрочно, бесстыдно,
Знаю, что так – мне уже нельзя;
А из комнаты тихой видно:
И мороз, и мирская возня...

Бесповоротно, неотвратимо
Знаю, что скоро будет нельзя
Взглядом задеть, проходя мимо;
Запрещено мне помнить тебя!

Запрещено мне смотреть в глаза,
Запрещено любить без оглядки,
Только ведь знаешь, как раньше ждала,
Так и сейчас жду, только украдкой.

Бесповоротно, бессрочно, бесстыдно...
Бесповоротно люблю тебя.

* * *

Я не прошу вернуть всё, что отнял,
Я тебе говорю: «Живи»,
Ты одинокую жизнь мою обнял,
Но разве любовь во лжи?

Да разве мы живы враньем,
Так часто сквозившим в глазах?
Давай же очистим огнем,
Забудем, забудем, всё прах.

Меня приковала вера,
Что где-то в ночной тиши
Наше фиолетовое небо
Есть, ты только ищи...

Эти гвозди в руках и в сердце
Ржавеют день ото дня;
Я прошу тебя, только верь мне,
Ты только ищи меня...

* * *

Ты был со мной пять минут,
Останешься на века;
Сердце – канатный жгут,
Качаются облака.

Ты был со мной пять минут,
Останешься на века;
Безымянная, безвременная,
Беспредельная я.
Пять минут...

* * *

Поезда, вдаль уходящие,
Фонари, тускло светящие,
Сердце пустое, бродячее,
Ты – мое настоящее.

Ты – древних ликов предок,
Исступленно скажу напоследок:
Ты – мое горящее,
Ты – мое настоящее.

* * *

Люди – пласты,
Люди – эпохи,
Люди – морщины несомкнутых век;
Бездонными днями,
Глухим небом
Может стать
Один человек.

Люди – пласты,
Люди – эпохи,
Люди – следы непролитых слез;
И глухое небо,
И день мой бездонный
Тот человек принес.

Человек – эпоха.
Человек – век.

* * *

Я люблю смотреть, как уходят поезда
В ночь.
Не отрываю глаза от глаз,
Просящих помочь.

И десятки окон,
Сотни домов,
Прости же, пусти,
Впусти под свой кров.

Я люблю смотреть, как уходят поезда
В ночь.
В никуда.
Да.

Мария ЕВСЮКОВА

Ученица 9-А класса Теоретического лицея «Наталья Дадияни». Любимый предмет – русский язык. Пишет стихи, увлекается музыкой, но больше всего любит сочинять рассказы и очерки на разные темы.

Мой лицей – самый лучший

лицей, в котором я учусь, действительно самый прекрасный. В нем меня научили читать и писать. Здесь я узнала много нового и интересного. Я счастлива, что могу писать о своей любви к лицезу на русском языке. Этот язык близок моему духу, и он просто нравится мне. На уроках русского языка и литературы я с радостью читаю каждое новое произведение и сама пытаюсь писать. Мне нравится получать хорошие оценки за свой труд, приятно слушать похвалу учителя. Я уверена, что и мои одноклассники с радостью ходят на уроки русского языка, ведь на них мы искренне говорим, мечтаем, обсуждаем интересные вопросы и жизненные ситуации. Мне очень хочется поделиться своими работами, которые я написала на этих уроках, самых моих любимых.

Самый дорогой человек

Для каждого человека мама – это самое дорогое и святое в жизни. Очень трудно передать то, что для тебя значит мама. Это всё равно что написать о значении солнца для всего живого на планете. Человек с самой первой минуты жизни неразрывно и навсегда связан с мамой. Это самое первое слово, которое произносит ребенок, и в самые трудные минуты жизни мы всегда обращаемся к маме.

Мою маму зовут Татьяна. Она такая же красивая, как и её имя. У моей мамы большие карие глаза, а главное, они всегда искрятся нежностью и заботой. Я удивляюсь, как она успевает сделать тысячу дел. В доме всегда чистота и порядок, мама очень вкусно готовит. С домашними делами она справляется легко, всё спорится в её руках.

Моя мама самая замечательная, самая лучшая на свете. Когда я была маленькая, я часто болела. Мамочка не спала ночами, переживала, волновалась. Я помню, как она учила меня читать, писать, а еще мама много рисовала. Она рассказывала мне сказки и одновременно рисовала их для меня. Мама – мой друг, собеседник и помощник. Я всегда могу обратиться к маме. Она меня выслушает, поможет и поддержит в трудную минуту. Мама – самый близкий мне человек, жизнь без нее просто немыслима. Она всегда рядом, родная, любящая, заботливая. Я не могу даже мысленно отделить себя от мамочки. Она вместе со мной переживает мои неудачи, вместе со мной радуется моим успехам. Старается оградить меня от неправильных поступков и шагов, но, к сожалению, я не всегда следую ее советам, о чем потом очень сожалею.

Я очень сильно люблю свою маму. Силу этого чувства невозможно выразить словами. И хочу пожелать своей мамочке долгих лет жизни, чтобы она никогда не болела. А я постараюсь не огорчать ее.

Берегите дорогих людей,
пока они рядом

Нас окружает большое количество людей, но мы почему-то выбираем среди них тех немногих, кому, на наш взгляд, можно доверять, на кого можно положиться, и называем этих людей по-разному: друзья, любимые, коллеги или просто родственные души. У каждого в жизни есть дорогой человек, который принимает нас такими, какими создал Бог. И он будет незаметно идти с нами рядом всю жизнь, оберегая, согревая, любя. И этого человека мы называем самым лучшим словом на земле – мама. Мама дала мне жизнь, и я за это ей очень благодарна, а это самое дорогое, что есть у человека. Я очень сильно люблю свою мамочку и буду с ней рядом всё жизнь.

Берегите своих близких и родных, думайте, прежде всего, о них, но в то же время не забывайте о себе. Во время ссор или каких-то споров, которых, конечно, не удастся избежать, не говорите обидных, оскорбительных слов. Ссора пройдёт, а слова останутся. Помните, мы – это ваше окружение. Обращайтесь бережно к сердцам других людей. Поверьте, будет очень приятно получать искренние слова в ответ. Цените дружбу, любовь, преданность, ведь судьба так неожиданно может всё забрать.

Природа – это книга, которую надо внимательно прочесть и осознать

В природе всё оригинально и очень красиво. Все мы знаем, что части природы взаимосвязаны, и истребление какого-нибудь одного вида животных или насекомых может привести к ужасным последствиям для всего человечества.

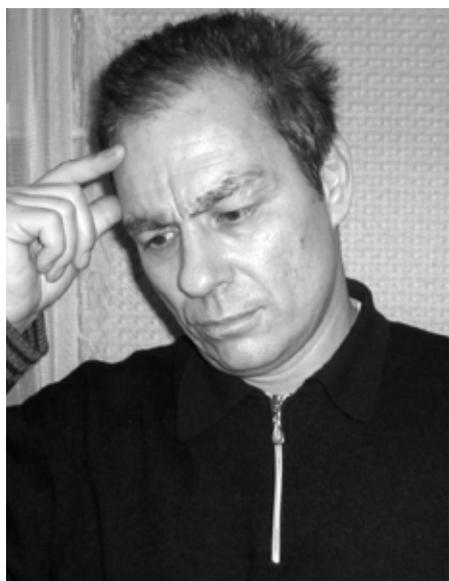
Природа – книга, которую надо внимательно прочесть, но чтобы её прочесть, надо найти к ней дорогу, которая поможет понять природу и стать одним целым с ней.

Читая и осозная эту книгу, мы смело говорим, что природа – это всё необходимое для жизни человека. Часто и взрослые и дети всё свободное время любят предоставлять природе, любоваться ею. Узнавая что-то новое, они приближаются к очередной разгадке. Природа – это незаменимая книга, которую надо учиться прочесть и постараться понять.

Берегите природу, она незаменима!!!

Илья КРИШТУЛ

Родился в Москве. Окончил Московский педагогический университет. Долгое время работал в кино и театре. Женат, двое детей. Автор юмористических рассказиков и фельетонов, которые изредка публикуют различные издания.

Разговор за ужином

Они жили в мире и согласии десять лет. Каждый вечер, в 19.00, они ужинали и общались. По имени друг друга они давно не называли. Перед вами запись их последнего разговора.

Она: – Слушай, была сегодня в обувном. Какие там сапоги за три тысячи – просто супер! Красные, кожаные, каблук, мыс – всё из последнего каталога... Три тысячи! Может, взять на весну?

Он: – Аршавин весной всегда плохой, Кержакова не поставили, Павлюченко вообще не взяли... Кто играть будет, не представляю...

Она: – Не представляю, как их Машка увидит... У неё такие же, только чёрные... Она их в Италии купила, за триста евро! Дура, да? А тут – три тысячи...

Он: – Тысячи... Он два миллиона получает, а игры нет. На «мира» не попали, теперь хоть на «Европу» бы... Позор один...

Она: – Позор, конечно, в чём хожу... Если даже ты говоришь... Слушай, у меня и на осень ничего нет, только зонтик, ты подарил, помнишь?

Он: – Помню, Ярцева поставили и вышли, в Португалию поехали... И что в итоге? Три игры и обратно...

Она: – Машка обратно в Италию собирается, хоть и дура. Представляешь – за дублёнкой! Я прям расстроилась...

Он: – А чего расстраиваться, кисуль? Мы Катар таким составом сделать не можем, а там – Франция, Испания...

Она: – Какая Испания, говорю тебе – в Италию! Может, чёрт с ними, с деньгами? Жизнь один раз даётся, и прожить её надо в красных сапогах! Пойду да куплю завтра!

Он: – Завтра «молодёжка» играет, надо посмотреть, может, оттуда кого взять...

Она: – Взять ещё к ним сумочку, я видела потрясающую, супер просто, здесь вставка такая красная под сапоги, а здесь камушки, ни у кого такой нет...

Он: – Ни у кого таких проблем, кисуль, нет. Все играют нормально, даже бедные... Грузины вон... А мы ничего не можем, с такими деньгами...

Она: – Не в деньгах дело... И у Машки не грузин, а армянин. Просто представляешь – я свои надену, Машка свои... И сумочка не поможет, будем как две коровы...

Он: – Точно, коровы. Зажрались, не бегают... Нам бы кого-нибудь, чтоб грыз, типа Рибери из Франции...

Она: – Что значит – «не бери Францию»? Там написано – Италия, значит – Китай.

Он: – Да им кидай, не кидай, бесполезно, им и мяч-то не нужен... Романцева надо уговаривать, пусть возвращается.

Она: – И не уговаривай. Сейчас, побегу я возвращаться, на ночь глядя. Скидок подожду и возьму. Может, процентов тридцать скинут, если не больше...

Он: – А больше некого, кисуль. Всех пробовали...

Она: – Пробовала, конечно. Походила... Смотрятся обалденно! Завтра пойду ещё померяю...

Он: – Точно, их аршином общим не померять... В какой-то свой футбол играют, отдельный... Чёрт, я тут с тобой болтаю, а уже обзор тура идёт...

Она: – Конечно, дура! Если идёт, надо брать! Помнишь, как с плащом было? Думала – подожду, скид-

ки начнутся... Скидки начались, а плащ кончился!!! Машка, сволочь, купила! Я неделю рыдала! Я месяц не ела, места себе не находила! А тебе что, тебе наплевать было! Мне все, все говорили, что я идиотка, замуж за тебя пошла... Всё, покупаю сапоги, и разводимся!

На разводе она мерила сапоги, а он читал «Спорт-экспресс». Они так и не вспомнили, как зовут друг друга...

Звонок на Родину

Валь, привет, королева! Это Ира с Москвы! Как у вас там? Да у нас-то чего... Слушай, я чего звоню, уже извелась прям вся. Вчера с мамкой говорила, представляешь, она говорит – Батуева рожает. Я не могу, говорю, какая Батуева, та, что у рынка живёт, что ли, а нас разъединили, связь эта дурацкая. Ты-то знаешь, какая Батуева? Как нет? А чего ты там делаешь-то, если не знаешь ничего? А Маринка не Батуева? Нет? А кто? А-а... Да всё нормально у нас, я ночь не спала из-за Батуевой этой... Муж? Да что муж... Идиот. Значит, у рынка всё-таки Батуева, если не Маринка. Не рожала она? Чёрненькая такая, в дублёнке? Нет, ну я в полном шоке вся... А кто тогда? А та Батуева, что возле магазина красного? Тоже не Батуева? А может, она фамилию взяла и рожает себе, а ты сиди здесь как дура почём зря! Ты мне звонила? Когда? А, мы вчера в кино ходили. Да не знаю я, всю дорогу про Батуеву эту думала. Да хорошее кино, убили там кого-то в конце. Мужу понравилось, ему-то наплевать, что жена места себе не находит. Сидит вон, идиот. Слушай, ну что ж за Батуева такая... Главное, я ж прошлый год приезжала, помнишь, никакая Батуева никого не рожала... А баба Катя у нас не Батуева? Да знаю, что восемьдесят два, может, решилась абы как... Деньги-то какие дают за второго, а у неё штук десять уже... Ну не знаю прям, всё из рук валится... Приезжая, может, какая, приехала да рожает, а? И Ленка не Батуева? А ты спроси у неё. Вчера видела? Не рожает она? Не, ну я не могу, я так в больницу попаду, с Батуевой этой... Да что как дела, плохо дела. Муж вон сидит на диване, идиот... У вас там Батуева какая-то рожает, я в шоке вся, а ты «как дела?» Не могу с тебя, нервов не хватает! Может, учительница новая Батуева? Физрук? А он не Батуев? А жена его? Вдруг она тайком рожает, под чужой фамилией, чтоб муж не узнал?! Нет, надо отпустить брать и ехать. У вас там все перерождают, а вы будете сидеть как клуши деревенские. Столько дел, но ехать придётся. Я эту Батуеву найду. Муж ещё идиот, сидит вон на диване, жрать просит. Одна мысль – пожрать, а ты тут хоть обржайся, ему всё равно. Верка у нас не Батуева? И у мамки занято весь день, с кем они там болтают... Да какая погода, Валь, тебе поговорить не о чем? Смотри, эта Батуева родит и будет тебе почём зря! Как тебе всё равно? Нет, ну я в полном шоке с тебя! А если б эта Батуева твоим дитём была? Вот-вот, собираешь что ни попадя, всё равно ей... Я, представляешь, вчера харчо готовила, думать стала про эту Батуеву, один рис остался, вся вода выкипела... Этому идиоту дала – не жрёт. У него ж забот никаких. Вот если б алкаш какой-нибудь знакомый рожал, тогда что ты – забегал бы! Одно слово – идиот. Сейчас снова мамке набирать буду. Может, ты сходишь до неё? Скажи, что я «Скорую» вызвала из-за Батуевой этой! Весь валидол, скажи, выпила почём зря! Скажи, что она меня в могилу сведёт вместе с Батуевой своей!!!

Валь, ну что, сходила? Ну не томи, говори быстрее! Как никто не рожает? И Батуева не рожает? Нет никакой Батуевой? И баба Катя не рожает? А у магазина красного... Кошка у мамки родила? А Батуева откуда взялась? Да хорошо я слышу, я ж караоке занимаюсь... Связь у них плохая... Не, что ж вы меня доводите почём зря, я сутки уже не ем, не сплю! Нет, ну я прям расстроилась вся, представляешь... Кошка какая-то... Только нормально пожила в полном шоке и всё, на тебе – никто никого не рождает... И не умер никто? Жаль... Может, хоть посадили кого? Нет, Валь, я не могу с тебя, с тобой и поговорить абы как не о чем... Ладно, пойду идиоту этому харчо впихивать... Как-как, разбавлю водой да впихну. Сожрёт, куда он денется, идиот же... Ладно, пока... Если чего узнаешь – сразу звони! У нас-то тут, в Москве, тишина, никаких новостей, если только Путинбрякнет чего... Вся жизнь – у вас!

Самовар

(сценарий русского блокбастера для Голливуда в 3D)

Поле для игры в лапту у стен Кремля. Играют бандиты, оборотни в погонах, продажные чиновники и банкиры. Никто не курит. Невдалеке пасутся медведи. Официантки разносят квас, морс и пельмени. Звучит «Калинка», игроки достают мобильные телефоны «Вятка-автомат». Всем приходит одинаковое

сообщение: «Самовар прилетает завтра». Бандиты, оборотни в погонах, продажные чиновники и банкиры смотрят друг на друга, звучит тревожная балалаечная мелодия.

Приземляется самолёт. По трапу спускается инвалидная коляска, её заносят в машину. Это прилетел Самовар, он инвалид. В машине его друг, афророссиянин. Друг говорит: «В Пандорине беспокойно. Они засоряют реку и губят деревья. Твою напарницу убили, а собака сбежала. Мне тоже осталось недолго, ведь я гей. Глафира вышла замуж за Прокопа, он теперь банкир. Твоего брата Прокоп посадил на водку. Он и сам на ней сидит. Ты спасёшь нас, у нас проблемы?» Самовар молчит и не курит. На него смотрит нищая филиппинская девочка, прилетевшая этим же самолётом. Звучит песня в исполнении группы «Золотое кольцо».

Шикарное запрещённое казино в центре города. Бандиты, оборотни в погонах, продажные чиновники и банкиры играют в домино, хрустя малосольными огурцами. В казино на коляске заезжает Самовар, подъезжает к столу для игры на гусях, играет, выигрывает, долго смотрит на Прокопа и уезжает. Прокоп предлагает убить Самовара, все соглашаются.

Жена Прокопа Глафира, бывшая любимая Самовара, назначает ему свидание в коровнике, принадлежащем её мужу. Она ест клюкву и предупреждает его об опасности. Под мычание коров они занимаются любовью. Звучат частушки. Самовар не курит, но поджигает сено банкира Прокопа, в котором живёт нищая филиппинская девочка. Становится понятно, что Самовар бывший десантник, потому что сено сгорает.

По центральной улице города мчатся иномарки российской сборки. Переворачиваются и взрываются трамваи, троллейбусы, автобусы и маршрутные такси. Красиво и медленно взрывается бензоколонка. Иномарки российской сборки валятся набок, начинается стрельба. Хлещет кипяток из пробитых самоваров и кровь из плеча Самовара. Воют сирены. Вся улица засыпана тульскими пряниками. Самовар морщится от боли, но играет на гармошке и не курит.

Самовару делает перевязку медсестра. Она влюбляется в Самовара и даёт ему ключи от своей избы, чтобы он не курил там.

Шикарная трёхэтажная изба медсестры. Становится понятно, что медсестра чья-то дочь, потому что приходит её отец. Он возглавляет борьбу с бандитами, оборотнями в погонах, продажными чиновниками и банкирами в Пандорине. «Стань одним из нас!» – говорит Самовару отец медсестры. Самовар молчит, не курит, смотрит на матрёшки. Звучит песня группы «Любэ» в исполнении Сергея Безрукова. Самовар в инвалидной коляске заезжает в русскую парную и выходит оттуда одним из них и на своих ногах. По взгляду Самовара понятно, что он любит детей, Гжель, оренбургские пуховые платки и тихую красоту родной природы.

Обгорелая филиппинская девочка лежит в больнице. Медсестра ставит ей капельницу.

Шикарный ларёк по продаже шаурмы. Бандиты, оборотни в погонах, продажные чиновники и банкиры едят, пьют водку, слушают цыган, потом решают похитить медсестру.

Площадка для игры в городки у Большого театра. Невдалеке танцуют балерины. Самовар и его друг-афророссиянин играют, медсестра ест и влюблённо смотрит на Самовара. Её похищают, и одинокая окрошка капает на землю. В больнице плачет филиппинская девочка.

Русская парная. В углу валяется уже ненужная инвалидная коляска. Самовар хлещет водку и себя веником, не курит. Звучит песня Трофима. Становится понятно, что Самовар когда-то служил в десанте вместе с Прокопом и они были друзьями.

Самовар едет в машине, не курит. У него на коленях городошная бита, рядом – отец медсестры и медведь в красной рубашке.

Загородные избы бандитов, оборотней в погонах, продажных чиновников и банкиров. Медведь прогоняет собак, а Самовар с отцом медсестры убивают ночных сторожей и всех врагов, кроме исчезнувшего Прокопа. Глафира подносит Самовару хлеб-соль, но он ищет медсестру и находит её в погребе заброшенного завода, где она лузгает семечки под портретом Сталина. Самовар не курит и освобождает медсестру. Они вылезают из погреба, удочеряют филиппинскую девочку и идут сквозь толпу полицейских, журналистов и просто зевак. Становится понятно, что медсестра скоро родит сына. Звучит песня в исполнении Бабкиной.

Объявляется перерыв, во время которого от СПИДа умирает афророссиянин, друг Самовара, а охрана кинотеатра раздаёт зрителям синие очки. Далее – в 3D.

Квартира брата Самовара. Много синих бутылок. Синий брат сидит на диване рядом с синим Самоваром и синим банкиром Прокопом. Идёт четырнадцатый день Дня десантника, но никто не курит. Брат

разливает по стаканам синюю жидкость, все чокаются и пьют за десант. Брат спрашивает: «Ну, каково?» «Плохо...» – отвечает банкир Прокоп и плачет синими слезами. Вдалеке раздаётся крик новорождённого сына Самовара. Звучит рэп в исполнении Кобзона. Смеётся удочерённая филиппинская девочка. Конец фильма.

Охрана кинотеатра отбирает у зрителей очки. Сборы (только в России!) – 34 000 000 очков. Все, довольные, закуривают и расходятся.

Серьёзные люди

«В Думу пришли серьёзные люди» – сказали Лепёшкину по телевизору. «Значит, раньше там смешные человечки тусовались...» – понял Лепёшкин и переключился на другую программу, по которой выступал мэр города. «В этом году на культуру и спорт ушла серьёзная сумма», – вещал мэр. «А дошла смешная денюжка», – подыграл мэру Лепёшкин и включил криминальную хронику. «Подошли серьёзные ребята, выхватили портфель с деньгами и убежали...» – рассказывал какой-то мужчина, видимо, потерпевший. «В Думу побежали, к своим... Там все серьёзные, затеряться легко», – решил Лепёшкин, а на экране появилась полицейская женщина в очках без стёкол. «Серьёзный мужчина в дорогом костюме зашёл в ювелирный магазин, запугал охрану и вынес золотые украшения на серьёзную сумму», – сообщила она Лепёшкину. «В ювелирные надо пускать только смеющихся детей в шортиках и по одному, чтоб охрану не пугать. А торговать там мороженым по двадцать копеек – пусть выносят», – подумал Лепёшкин, и полицейская женщина продолжила: «Серьёзная перестрелка произошла на 3-й Парковой улице. Двое пострадавших с серьёзными ранениями доставлены в больницу». «Какая у нас во дворе вчера весёленькая поножовщинка была! Пятерых пострадавших с ранками – обхохочешься, в морг увезли...» – вспомнил Лепёшкин, а по телевизору уже выступал главный банкир страны. «В нашей стране любой серьёзный человек может получить в банке серьёзный кредит для серьёзной покупки», – говорил банкир.

Лепёшкин работал клоуном. Ему позарез была нужна свистулька.

В этой стране Лепёшкину ничего не светило.

Смерть подвижника

На 29-м году жизни скончался Ефимий Никодимский, автор книг «Как прожить до 100 лет», «О правильном питании», «Почему вредны алкоголь и табак», «Жить без болезней» и многих других, учёный, исследователь, подвижник и ярый популяризатор здорового образа жизни. Всё отпущенное ему время он исповедовал раздельное питание, в любую погоду ходил босиком, принимал ледяной душ и даже летом плавал в проруби. Ангина, простая ангина сгубила этого замечательного человека. Богатырский и закалённый (а не истощённый, как заявляют медики) организм не выдержал нервного напряжения последних месяцев, ведь травлю учёного развязали его самые близкие люди! Семья, родная семья не понимала Ефимия, не принимала его учение, отказывалась вести здоровый образ жизни и выбрасывала пищу, приготовленную им, в мусорное ведро. Последней каплей стал запрет на растирание смесью из коровьего и конского навоза, которое Ефимий применял в последние дни, борясь со смертельной болезнью. Блестящий учёный ушёл из жизни непонятым родными людьми, но так и не предал своё учение, показав пример стойкости ученикам. Уже находясь на смертном одре, он отказался принимать из рук родственников так называемые «лекарства», хотя они, эти родственники, действовали грубым, силовым методом, с привлечением психиатров и полиции. И даже на похоронах эти варвары устроили скандал! Прадед покойного, 106-летний Илья Борисович, заметив группу последователей Ефимия и, находясь под воздействием табака и тяжёлых алкогольных напитков, схватил всю группу (16 человек) и выбросил за забор кладбища. А ведь их всего на один час отпустили из больницы! Все они давно ведут здоровый образ жизни и уже получили инвалидность 1-й группы! Как потом выяснилось, Илью Борисовича возмутила попытка учеников Ефимия помянуть покойного, выпив при этом чайную ложку растительного масла и закусив корнями одуванчика. Пожилой человек, к сожалению, не читал книг правнука и не знал, что растительное масло, выпитое утром вкупе с корнями одуванчика, прекрасно выводит из организма шлаки, поднимает жизненный тонус и даёт положительный заряд на весь день! Сам ушедший от нас Ефимий в течение последних двух лет предпочитал именно такую пищу! Всё это пытались объяснить Илье Борисовичу ученики Ефимия, но старый, глухой и, по-видимому, смертельно больной человек никого не хотел

слушать. Два санитары ещё в течение часа собирали плачущих от обиды последователей Ефимия, которых разметало ветром по огромному пустырю за кладбищем. Когда их грузили в багажник больничной «Нивы», один из последователей, собравшись с силами, пробормотал: «Дикая страна... Дикие люди...». Эти слова, произнесённые почти шёпотом, услышал Илья Борисович и, несмотря на сильную никотиновую и алкогольную интоксикацию, перевернул автомобиль вместе с пассажирами, тяжело больными людьми, исповедующими здоровый образ жизни. Действительно – дикая страна, дикие люди...

Красивая сказка

Жил-был хороший человек Серёжа. Однажды угораздило его влюбиться в девушку Соню, и сделал он ей официальное предложение. Отказала ему Соня. Погоревал Серёжа три дня и три ночи и влюбился в другую девушку, Ирой её звали. А она ему тоже отказала. И стал Серёжа жить весело и счастливо, ездить на охоту и рыбалку без разрешения, пиво пить и лук с чесноком есть, посуду за собой не мыть и носки разбрасывать по всей квартире, крышку унитаза не опускать и девушек домой приводить. А ещё он сериалы по телевизору вообще не смотрел и Стаса Михайлова не слушал, в магазин ходил, когда захочется, а когда не хотелось, на диване лежал и чесался везде, как животное. И пылесосил, когда грязно, а не по субботам, и мусор выносил не по утрам, а когда его, мусора, много становилось. А старые газеты на шкаф складывал. И по магазинам 7 марта не бегал. И даже зарплату никому не отдавал, а сам тратил на себя, на друзей да на женщин разных. А как он в ванной блатные песни пел! И никто ни разу ему не сказал, чтоб он заткнулся и что у него слуха нет. И нервы у него крепкие были, и кудри чёрные, и зрение хорошее, и даже сердце никогда не болело. И когда исполнилось ему 100 лет, он умер от старости, а не от какой-нибудь язвы. И в гробу лежал счастливый-счастливый и улыбался, хотя вокруг все плакали.

Вот какую красивую сказку я сочинил. Я б ещё написал, но скоро жена вернётся, а у меня пол не вымыт, курица не сварена и ковёр не вытрясен. И полочку я какую-то на кухне не повесил, и комнату не проветрил, и Руслану не сказал, что он алкаш и чтоб он больше мне не звонил со своим дурацким футболом под пиво. А сказка хорошая получилась... Эх...

Георгий КАЮРОВ

проект осуществляется при поддержке компании Orange

Что надо знать начинающему писателю

Начиная серию лекций для начинающих авторов, хочу оговориться – предлагаемый мною материал не является оригинальным. Я не ставил задачу сделать открытие в области теории и техники создания и построения произведения. Несомненно, некоторые идеи или сугубо личные приёмы, к которым я прибегаю при подготовке художественного произведения и о которых я также буду говорить, могут оказаться полезными начинающим авторам.

К решению подготовить серию небольших статей-лекций меня подтолкнуло множество вопросов, которые присылают на почту журнала начинающие авторы. В основном все вопросы связаны с просьбой посоветовать, как писать рассказ, стихотворение, дать оценку тому или иному произведению.

Я решил поделиться своей «кухней». В предлагаемом материале мною будут использоваться личные записи из дневников. Много советов взято из писем известных писателей, из литературоведческих статей, поэтому я не претендую на их авторство, но и изложу в своём видении. Также я сам для себя поставил задачу – излагать ёмко, коротко и доходчиво.

Есть ещё одна причина, из-за которой я взялся за эту работу.

Недавно мне в руки попала книга, выпущенная ещё в 1930 году издательством «Красная газета», г. Ленинград. Я внимательно прочитал эту книгу, и меня поразило вот что – идеи и даже примеры, которые опубликованы в этой книге, я находил во многих современных учебниках и статьях по руководству начинающим авторам. Непонятно, почему же мои современники даже не удосужились хотя бы примеры подыскать свои?

Лекция №1

Как выбрать тему

Прежде всего – писать можно обо всём и о чём угодно. Приступая к написанию художественного произведения, писатель должен ответить на вопрос: имею ли я право отнять драгоценное время у читателя? Затем важно, чтобы отношение, толкование, подход к описываемой теме были свежими и оригинальными.

Утверждая – писать можно обо всём, о чём угодно, мы должны отметить существование тем, которыми очень легко заинтересовать читателя, и таких, которыми заинтересовать гораздо труднее. Есть темы издавна и постоянно волнующие человечество – это так называемые вечные темы: любовь, смерть, религия, предательство, измена, порабощение и так далее. В зависимости от времени и социального развития общества то одна, то другая темы приобретают особый интерес. Писатель должен следить за тем, какая тема на сегодняшний период волнует общество, интересуется читателя в данный момент.

Бывают темы, которые на данном этапе развития общества, в данный исторический момент приобретают интерес гораздо больший, чем вечные темы. Как пример, в настоящее время общество с пристальным вниманием следит за проблемой пересадки органов. Многие СМИ постоянно поднимают вопросы, связанные с моральной и этической сторонами развития донорской медицины. Или, скажем, тема дележа малолетних детей родителями, тема гражданских браков и внебрачных детей. Но каждый писатель может найти тему в своём городе, в своём окружении и волнующую многих его близких и знакомых людей и написать об этом. Темы, которые приобретают в определённую эпоху особый интерес, отнесём к актуальным темам. Хорошим примером отклика писателя на актуальную тему может послужить роман Льва Толстого «Анна Каренина». Роман писался в тот исторический период, когда было отменено крепостное право в России, дворяне получали огромные выплаты из казны за то, что давали вольную своим крестьянам. В общество хлынули огромные деньги, которыми сорили дворяне, обзаводясь содержанками из девиц разорившихся или обедневших дворянских родов.

Или роман «Дым» Ивана Тургенева, в котором писатель попробовал высказаться по поводу актуальности поднимаемой темы в те времена – развитие производства в обществе без рабовладельческих устоев.

Писателю необходимо отыскивать актуальные темы. Для этого он должен всё время на-

ходиться в гуще социальных событий, среди самой жизни, следить и улавливать, какими вопросами интересуется общество, каким вопросам общество ищет ответы и их разрешения. Чтобы провести определённую идею в предлагаемом читателю произведении, чтобы заразить читателя каким-либо определённым чувством, писателю гораздо легче провести на такой фабуле, которая читателю близка, которая более всего ему интересна.

Примером из своего творчества приведу несколько произведений. Актуальные темы – тема чёрных копателей и поисковиков, которые отыскивают останки солдат, погибших во время Великой отечественной войны – это рассказы «Зюзька» и «ППШ»; тема трагической судьбы в современном мире – рассказы «Лесник», «Дворник», «Макарова семья»; тема равнодушия общества – рассказ «Пелагия»; тема нагулянных детей – рассказ «В объятиях прошлого»; вечная тема смерти – повесть «Свидетель».

И если в теме поисковиков и чёрных копателей я коснулся только марали, связанной с судьбой родственников, ожидающих десятилетиями своих близких с фронта, то есть и ещё одна идея – мораль чёрных копателей.

Подытоживая вышесказанное – темы писатель должен брать из настоящей жизни, развивать и развёртывать их на фактах, близких современному обществу, и преподносить актуальные темы свежо и оригинально.

